И.В.КОРМУШИН

Древние тюркские языки

Учебное пособие

Министерство образования и науки Российской Федерации
Хакасский государственный университет им.Н.Ф.Катанова
Тывинский государственный университет

И.В. Кормушин

Древние тюркские языки

Допущено Учебно-методическим объединением
по классическому университетскому образованию
Министерства образования Российской Федерации
в качестве учебного пособия для студентов
высших учебных заведений, обучающихся
по специальности 022800 – «Востоковедение, африканистика»

Абакан
2004

ББК 81-03Тюрк-923
К 669

Печатается по рекомендации Учебно-методического совета и по решению Редакционно-издательского совета Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова

Рецензенты:
доктора филологических наук Д.М.Насилов и Б.И.Татаринцев,
кандидаты филологических наук М.В.Бавуу-Сюрюн, П.Е. Белоглазов и О.В. Субракова

Кормушин, Игорь Валентинович
К 669 **Древние тюркские языки.** Учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 022800 – Востоковедение. /Авт.Кормушин И.В. – Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2004. – 336 с.

Учебное пособие написано в соответствии с программой курса "Древние языки" по специальности 022800 – Востоковедение, а также может использоваться по специальностям 022700 – Филология и 032900 – Родной язык и литература (языки тюркской языковой семьи – хакасский, тувинский, алтайский, шорский, якутский, татарский, башкирский и др.).

Книга содержит историко-филологические сведения по письменным памятникам тюркских народов VIII–X вв., практическую часть в виде разбора отрывков из наиболее значительных текстов, а также очерк грамматики и краткий словарь.

ISBN 5-7810-0279-0

© Хакасский государственный университет им . Н.Ф. Катанова, 2004.
© Тывинский государственный университет, 2004.
© Кормушин Игорь Валентинович, 2004.

Подписано в печать с авторского оригинал-макета 5.10.04.
Формат 60X84 1/16. Печать-офсетная. Бумага офсетная. Физ.печ.л.21.
Усл.печ.л. 19,5. Уч.-изд.л. 11. Тираж 600 экз. Заказ № 179.
Лицензия ПД № 16-014 от 19.06.2000 г.

Отпечатано в типографии Хакасского государственного университета
им.Н.Ф.Катанова
655017, г.Абакан, пр.Ленина, 94.

Предисловие

Настоящее пособие призвано восполнить отсутствие университетского учебника по курсу "Древние тюркские языки". Изданная Академией наук в 1951 г. книга члена-корреспондента АН СССР, проф. С.Е.Малова «Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования» (Изд-во АН СССР, М.-Л., 1951, 451 с.; далее везде сокращенно: МПДП) давно уже стала библиографической редкостью и во многих вузах попросту отсутствует. То же следует сказать о двух других книгах ученого, составивших продолжение названной: «Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы» (Изд-во АН СССР, М.-Л., 1952, 116 с.; сокращенно: МЕПТ) и изданная посмертно «Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии» (Изд-во АН СССР, М.-Л., 1959, 111 с.; сокращенно: МПМК). Эта трилогия – превосходный во многих отношениях труд виднейшего отечественного тюрколога-древника долгое время удовлетворял сразу нескольким задачам: служил доступным (тогда) для научных работников, педагогов и аспирантов собранием важнейших, хотя далеко не всех и не в полном объеме древних текстов; выполнял функцию отсутствовавшего до 1969 г. древнетюркского словаря; являлся учебной хрестоматией для студентов (в том числе и для автора данного учебника).

Студенты читали и переводили по "Хрестоматии Малова", как мы называли МПДП, фразу за фразой из какого-либо памятника (обычно это был «Памятник в честь Кюль-тегина», "Малая надпись", – о нем см. тему VII), а наши педагоги – в Ленгосуниверситете этот курс вел акад. А.Н.Кононов – объясняли тексты, главным образом, грамматику и лексику, а также делали филологические и исторические комментарии. В силу сложности и многоплановости необходимых к текстам объяснений и комментариев подобные курсы мало где и кем читаются в России, да и в остальном мире. Прежде всего, мало или почти нет пособий, по которым преподаватель, не специализирующийся в данной области, мог бы без особого труда, не прибегая к труднодоступным отечественным и зарубежным изданиям, набрать материал для лекций и практических занятий со студентами и аспирантами.

Данное учебное пособие преследует цель собрать и обобщить необходимый минимум филологических и исторических сведений о главнейших памятниках древнеписьменного творчества тюркоязычных народов Центральной и Северной Азии, относящихся к периоду VIII-X вв.,

познакомить на образцах текстов с их языком и стилем, давая при этом также представление об общем содержании памятников.

Вместе с тем в данном пособии впервые знакомство с памятниками дается в контексте анализа взаимоотношений близких, хотя и в определенной мере самостоятельных древних тюркоязычных этносов. Былое нерасчлененное представление классической тюркологии 19–пер. пол. 20 в. об общем «древнетюркском» языке уступило место (правда, еще не везде) пониманию единой основы древнетюркского литературного языка, применявшегося в различных тюркоязычных коллективах, в том числе имевших принципиально отличные от литературной базы строевые элементы своих диалектов. Взаимодействие живой речи с литературной основой приводило к созданию локально-хронологических вариантов или же, как принято сейчас считать, самостоятельных литературных языков древности. Впервые подобные идеи в 20-х гг. 20 века были обоснованы академиком А.Н.Самойловичем, а в 70-80-е гг. развиты членом-корреспондентом РАН Э.Р.Тенишевым (см. несколько подробнее ниже, тема I).

Материала в целом в пособии набралось достаточно много (по существу, на филологических отделениях подобный курс должен читаться 4-5 семестров), так что преподаватель по своему усмотрению и с учетом аудитории может варьировать степень полноты ознакомления или изучения той или иной темы курсы. Часть материала может быть дана для самостоятельной работы студентов и аспирантов, учитывая, что приводимые в книге тексты даны в упрощенной фонетической транскрипции, близкой практической графике ряда тюркских языков Сибири, снабжены грамматическими, лексическими и текстологическими комментариями, а в конце книги есть небольшой словарик. Если пользователь данного пособия пожелает расширить свои познания по затронутым темам, он может обратиться к упомянутым трудам С.Е.Малова, а также к книгам из списка обязательной и дополнительной литературы, и в первую очередь к кн.: С.Г.Кляшторный, Т.И.Султанов. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2000.

Тема I: **Тюркоязычный мир от древности до наших дней.**

Краткое содержание темы: *Тюркские языки на современной карте мира. Исторические сведения о тюркских языках и тюркоязычных народах. Периодизация древних письменно-литературных языков.*

Народы, говорящие на языках, получивших в мировой науке обобщенное название «тюркских», расселены в настоящее время на огромных пространствах: от Якутии и Монголии – на востоке, до Центральной Европы и Балкан – на западе, от заполярного Таймыра на севере до Китая, Средней Азии, Ирана, Сирии и о. Кипр – на юге. Общая численность говорящих на тюркских языках оценивается в 150-160 млн. чел. В расовом, этническом, религиозном, культурном и хозяйственном отношениях современные тюркоязычные народы обнаруживают значительные различия. Это стало результатом сложных, подчас запутанных и чаще всего не до конца ясных процессов неоднократных исторических миграций тюрков начиная с рубежа нашей эры с их прародины в Центральной Азии на новые земли, смешения, часто неоднократного, между собой и с иными этносами, оседания на новые субстраты и переходу иноязычных народов на тюркскую речь. В целом, в настоящее время можно говорить о двадцати с небольшим самостоятельных тюркских языках, еще ряд идиомов довольно близки к языкам.

Первоначального общего названия нынешних тюркских народов периода их праязыкового единства (приблизительно, II-I тысячелетия до н.э.) мы не знаем. Такой общий этноним либо совсем не сохранился, либо сохранился на положении частного термина, но мы не “узнаём” его.

Некоторые ученые считают *гуннов* предшественниками тюрков. Первая кочевническая империя *сюнну*, или *хунну* (азиатских гуннов) оформилась в конце III в. до н.э. Объединив под своей властью множество кочевых племен тюрков, монголов и др. этносов, а также присоединив к своей державе народы на пространстве от Восточного Прибайкалья до Ордоса и современной провинции Ганьсу, от Хингана до Восточного Туркестана, хунну почти целое столетие противостояли Китаю как равная ему, а временами и превосходящая его военная сила, что и было зафиксировано в нескольких межгосударственных гуннско-китайских договорах II-I вв. до н.э.

К сожалению, от хунну не осталось письменных памятников. Немногие слова, сохранившиеся в китайских исторических документах, в силу специфики передачи их китайскими иероглифами, очень трудно интерпретировать: они похожи на тюркские, монгольские, но могли принадлежать и какому-либо другому однотипному языку. Есть несколько версий, кто такие хунну по языку. По берущей в последнее время верх «агностической» гипотезе, они говорили на языке, ныне полностью вымершем, не оставившем по себе потомков. Слова этого языка составляют теперь неопознаваемый субстратный слой в ряде сибирских языков, в том числе языков Саяно-Алтая. Сильную поддержку имеет версия тюркская. Есть сторонники и таких точек зрения, что хунну были монголоязычными, тунгусоязычными, кетоязычными, угро-финноязычными и т.д. племенами. Одна из компромиссных гипотез принимает язык хунну в качестве несохранившегося, но допускает, что в составе хуннуской конфедерации был значительный тюркский этно-языковой компонент.

Термин «тюрк» появляется в обиходе относительно поздно, в эпоху, когда уже сложились и раздельно существовали основные группы диалектов тюркской языковой

семьи, сегодня известные нам как булгарские, уйгурские, огузские, кыргызские, кыпчакские. Поначалу он был приложим только к одной из групп, служа обозначением племенного союза, сложившегося на монгольской части Алтая во второй половине V в. н.э., когда эти племена были данниками государства жужаней (жуань-жуаней). Среди многих толкований слова *тюрк* наибольшее внимание привлекают нарицательные его значения по данным древнейших текстов, в том числе самого старого тюркского филологического сочинения XI в. «Диван лугат ат-турк» («Свод тюркских слов») Махмуда Кашгари: "время, пора наибольшей силы, красоты, молодости, плодоносности и т.п." – *түрк йигит* 'юноши в расцвете молодости', *түрк йигит қызлар* 'девушки в расцвете красоты', *түрк үзүм өди* 'пора самого винограда' *түрк қуйаш өди* 'пора наибольшего солнцепека' (см.: Древнетюркский словарь. Л., 1969, с. 599). Нельзя исключать, что вожди объединившихся племен, принимая для своего союза подобное многозначительное название, выражали надежды на его силу и жизнестойкость.

Эти надежды оправдались. Менее чем через 100 лет, постепенно объединив вокруг себя родственные, прежде всего, говорившие на диалектах уйгурского типа племена (носившие тогда название огузов), а также иные этносы, заключив в 545 г. союз с Китаем (с одним из царств, на которые в то время был разделен Китай), тюрки сокрушили недавних своих сюзеренов – жужаней (551 г. н.э.) и утвердили свое собственное государство. В короткое время территория и состав Тюркского каганата значительно расширились, его границы простирались от хребта Большого Хингана на востоке (служившего естественным разделом моногольских и тунгусо-маньчжурских племен), до Железных Ворот (горный проход, если говорить по-современному, из Южного Таджикиста-

на в Северный Афганистан) на западе. После жужаней тюрки в 563-567 гг. при поддержке Ирана разгромили ираноязычных эфталитов на Аму-Дарье. На севере их вассалами стали кыркызы и другие племена нынешней Южной Сибири. На юге северокитайские государства стали фактически данниками тюрков. В 60-70-е гг. VI в. тюрки неоднократно направляют в Константинополь свои посольства и принимают у себя византийские. При столь значительных военных, политических и дипломатических успехах тюрков термин «тюрк» со второй половины VI в. получает широкое распространение, он входит в китайские, тибетские, иранские, византийские, сирийские, арабские и др. источники и соответствующие языки.

Понятно, что для иностранных держав государство, которым руководят тюрки, становится Тюркским государством. В этническом и языковом плане все племена, объединенные вокруг тюрков и говорящие на наречиях, близких и понятных тюркам, являются тюрками, а их языки – ни что иное, как диалекты тюркского языка. Тем самым фактически складывается практика применения термина «тюрк» в двух значениях: а) узком («национальном») – как обозначение конкретного племенного объединения, народа (много позже – нации); б) широком («наднациональном») – как объединение разных племен, родственных (а иногда и не родственных) тому конкретному племенному объединению, которое составило ядро данного государства.

Обобщительное значение термина «тюрк», если не для всех, то для большей части тюркоязычных племен, особенно упрочивается в арабской историко-филологической науке и близких ей школах, поскольку соответствует положению дел с арабским языком в прошлом и настоящем: живая арабская речь расчленена на несколько групп отличающихся друг от друга диалектов, притом

что единый для всех арабов классический литературный язык (язык доисламской поэзии и Корана) используется как язык письменной культуры (он и по сию пору сохраняет свои позиции в литературе и письменной сфере коммуникации). Во всяком случае для Махмуда Кашгари, писавшего свой труд на арабском языке и в духе арабской филологической традиции, печенеги, кыпчаки, огузы, башкиры, татары, кыркызы, ягма, уйгуры и другие, ныне менее известные этносы, входят в число двадцати племен, «которые происходят от Тюрка, сына Яфета, сына пророка Ноя». Это толкование объема и исторической глубины термина «тюрк» уже значительно отличается от того, которое мы можем извлечь из анализа древнетюркских текстов более ранней поры.

В текстах, старше (древнее) «Дивана» Кашгари почти на 340 лет, – в надписях в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана, обозначена линия преемственности управления государством тюрков от основателя Бумын-кагана (гг. правления 534-552) до восстановителя тюркской государственности после 50-летнего перерыва[1] Ильтериш-кагана (682-691). Из тюркоязычных этносов *тюркам* Ильтериша противостояли прежде всего *токуз огузы* «Девять огузов», т.е. "объединение девяти племен огузов". Ведущие позиции в этом объединении принадлежали уйгурам, которые в конце концов, после неоднократных подчинений тюркам и выступлений против них, победили их окончательно в 744 г., положив конец почти 200-летней гегемонии тюрков.

---

[1] Отсчитывается от 630 г., когда тюрки восточной части каганата почти на 50 лет были подчинены Китаем. Раскол "Великого" каганата на западный и восточный, подготовленный длительным периодом междуусобных войн, окончательно оформился к 603 г.

В дальнейшем, уже после того, как уйгуры в 840 г. сами были побеждены другими тюркоязычными племенами – кыркызами, и ушли в Восточный Туркестан, где создали новое государство, соотношение терминов *тюрк – огуз/уйгур*, по крайней мере в отношении обозначаемых этими этническими терминами соответствующих языков, кардинально меняется. Так, язык восточнотуркестанских древнеуйгурских переводов буддийских и манихейских сочинений в X в. сами переводчики называют либо тюркским, либо тюркско-уйгурским.

Точно так же и позднее, в XI в., язык произведений караханидского круга – "Кутадгу билиг" и "Диван" Кашгари, – язык, по всей очевидности, базировавшийся на карлукских диалектах, генетически близких уйгурским, – называется их авторами тюркским. Завершение указанного кардинального изменения в соотношении терминов *тюрк – огуз/уйгур*, своеобразной их «рокировки», можно видеть в том, что избранное в качестве объекта описания у Махмуда Кашгари родное ему чигильское наречие – один из карлукско-уйгурских диалектов, он называет тюркским языком, тогда как язык туркменов он называет туркменско-огузским.

В древнеуйгурскую (IX-X вв.) и караханидскую (XI-XII вв.) эпохи, как это видно из вышесказанного, мы сталкиваемся с тем же двуплановым – широким и узким – употреблением термина «тюрк», с той разницей, что в узком значении он применяется по отношению к языку племен, как мы теперь их более точно обозначаем, – уйгуро-карлукских, которые совсем не идентичны племенам с этническим именем «тюрк» (в «узком» смысле) древнетюркской эпохи (VI-VIII вв.).

Современное употребление указанных терминов своеобразно сочетает практику разных эпох. С одной стороны, предельно расширилось употребление термина

тюрк в «широком» смысле, в качестве обозначения всей данной семьи языков, как это и было намечено у Махмуда Кашгари. С другой стороны, в «узком» смысле термин *тюрк* не применяется к уйгуро-карлукским диалектам, составляющим юго-восточную ветвь тюркских языков (вопреки древнеуйгурской и караханидской традиции), но относится к ряду диалектов другой, юго-западной ветви, в которых термин *тюрк* присутствует в самоназвании этноса и языка – турок (в оригинале: Türk/Түрк) и туркмен (в оригинале: Türkmän/Түркмән). Подобное «несовпадение» тюрков – турок и туркмен с узбеками и уйгурами отражает известное размежевание и противостояние их предков в древнетюркскую эпоху. Однако наряду с этим языки турок и туркмен вместе с генетически близкими им диалектами азербайджанцев, хорасанских тюрков и гагаузов объединяются в группу огузских языков, что для наблюдателя VIII в. показалось бы странным, но соответствует традиции заложенной в караханидское время.

Если исторические сведения о тюрках появляются в китайских, византийских и других анналах в VI в., а по уйгурам и кыркызам (в китайских источниках) еще раньше, то достоверные данные, которыми обладает современная наука по тюркским языкам наиболее древнего периода, относятся к началу VIII в. н.э. Это – памятники так называемого тюркского рунического письма с территории современной Монголии, относящиеся к последним десятилетиям существования Тюркского каганата (551–744 гг.; в 682-744 гг. это государство у современных историков часто называется Вторым Восточнотюркским каганатом). Сменивший Тюркский каганат на тех же землях Уйгурский каганат (744-840), а позднее каганат Кыркызский (840 – X в.) с центром в Хакасско-Минусинской котловине продолжали использовать руническое письмо для

высекания на камнях памятников своих этносов и государств.

Хотя живые тюркские диалекты в то время, VIII-X вв., уже обладали определенными различиями, в качестве письменного языка они все же использовали единое в своей основе наддиалектное койне. Поэтому язык памятников рунического письма до недавнего времени называли обобщенно: древнетюркским. По мере изучения старых памятников и открытия новых, стало заметнее некоторое несходство в составе грамматических форм и лексических средств, своеобразие в отборе стилеобразующих ресурсов в языке памятников разных групп. В целом, с точки зрения чисто лингвистической, с учетом лишь ведущих языковых черт, можно говорить о четырех локально-хронологических вариантах древнетюркского языка: а) вариант собственно древнетюркский (орхонско-тюркский), первой половины VIII в.; б) уйгуро-древнетюркский (древнеуйгурско-рунический, древнеуйгурский старшей поры), второй половины VIII – первой половины IX вв.; в) кыркызско-древнетюркский (енисейско-тюркский) VIII/IX – X вв.; г) древнеуйгурский (младшей поры) из Восточного Туркестана конца IX-X вв. Однако с точки зрения социолингвистической, с учетом отнесенности к разным государственным образованиям и применением в близкородственной, но все же не идентичной в диалектно-языковом отношении среде каждый из названных вариантов может быть квалифицирован и как особый письменно-литературный язык:

1. Письменно-литературный язык древних тюрков, первой половины VIII в., отраженный в памятниках рунического письма II Восточнотюркского каганата с территории современной Монголии.

2. Письменно-литературный язык древних уйгуров, второй половины VIII – первой половины IX вв., отра-

женный в памятниках рунического письма Уйгурского каганата с территории современной Монголии.

3. Письменно-литературный язык древних кыркызов, не ранее второй половины VIII – не позднее начала XI вв., отраженный в памятниках руничекого письма Кыркызского каганата из бассейна р. Енисей.

Уйгуры после своего поражения от кыркызов ушли из Средней Монголии в Восточный Туркестан и здесь, в бассейне р.Тарым создали свое новое государство Кочо (840 –1237). Во взаимодействии с другими народами Центральной Азии они развили высокую культуру, в том числе письменную, как об этом может свидетельствовать открытое в конце 19 – начале 20 вв. огромное количество рукописей, выполненных на различных системах письма. Язык всех этих памятников имеет определенные отличия от уйгурско-рунического и также обычно выделяется особо:

4. Древнеуйгурский письменно-литературный язык второй половины IX – X вв., отраженный в памятниках рунического, уйгурского, брахми письма из Восточного Туркестана.

В данном учебнике «Древние тюркские языки. Введение» предметом изучения являются указанные четыре письменно-литературных тюркских языка древней поры (VIII-X вв.) – орхонско-тюркский, древнеуйгурский старшей поры, кыркызско-древнетюркский, древнеуйгурский. В этом списке должно быть заполнено и пятое место – западно-древнетюркский письменно-литературный язык, отраженный в таласских рунических надписях. Однако этих надписей немного, и они еще недостаточно хорошо прочитаны и изучены, отсутствует их достоверная датировка, поэтому о них даются лишь краткие общие сведения.

Непосредственным продолжением древнеуйгурского письмено-литературного языка IX – X вв. является письменно-литературный язык XI в., также из Восточного Туркестана, который современные ученые определяют как караханидско-уйгурский и который, как уже выше было сказано, сами пишущие на этом языке называли «тюркским». Этот язык, отраженный прежде всего в двух великих произведениях той поры – дидактической поэме Юсуфа Баласагунского «Кутадгу билиг» ("Наука о том как стать счастливым (правителем)" и филологическом трактате Махмуда Кашгарского «Диван лугат ат-турк» ("Собрание слов тюрков"), связан с новой историко-политической ситуацией, когда большинство тюркоязычных (а также ираноязычных и др.) народов Средней Азии и Восточного Туркестана принимают ислам. Караханидско-уйгурский язык отмечен значительным влиянием персидского и арабского языков, множеством инноваций на всех уровнях языка, базируется на близкой, но иной диалектной основе. Он открывает собой новую эпоху в истории тюркских языков – период средневековых региональных тюркских литературных языков XI-XIV вв., которые еще связаны с единым в своей основе «древнетюркским» языком, но уже готовят почву для вырастания из них в XV-XVII вв. ряда будущих национальных письменно-литературных языков древнейшей формации.

Тема II: **История открытия и исследования памятников тюркского рунического (орхоно-енисейского) письма.**

Краткое содержание темы: *Находки экспедиции Д.Г.Мессершмидта в 1721-22 гг. на территории современной Хакасии и первые сведения о неизвестном письме в Сибири в европейской науке – З.Байер, И.Ф.Страленберг. Путешественники и краеведы 19 в. Финнские экспедиции И.Р.Аспелина. Орхонские находки 1889 г. Н.М.Ядринцева. Орхонские экспедиции И.Р.Аспелина и В.В.Радлова. Дешифровка орхоно-енисейского письма В.Томсеном 25. XI. 1893. Первые публикации орхонских и енисейских текстов в 1894-95 гг. В.В.Радловым.*

Открытие памятников на Енисее

В 1720-1727 гг. в Сибири работала первая научная экспедиция по изучению этого огромного края. Руководил ею молодой немецкий ученый – медик, зоолог и ботаник – Даниил Готлиб Мессершмидт, приглашенный на русскую службу царем Петром I. Экспедиция снаряжалась в административном центре Сибири того времени – городе Тобольске, где до 1721 г. – окончания Северной войны между Россией и Швецией, жило в ссылке около тысячи пленных шведских офицеров. В числе трех шведов, включенных в состав экспедиции, был Иоганн Филипп Табберт, широко известный впоследствии под своей дворянской фамилией – фон Страленберг. Из Тобольска 1 марта 1721 г. экспедиция отправилась в Томск, из Томска 5 июля на лодках вверх по р. Томи до Кузнецка, откуда по проходу в Кузнецком Алатау через Уйбатскую степь путь ее лежал к Абаканскому острогу (в 10 км южнее нынешнего г. Абакана).

В долине р. Уйбат экспедиция открыла большое число древних курганов, в том числе оригинальные стелы со скульптурными изображениями и фантастическими

масками. Одна из стел с маской была вся исписана неизвестным письмом, очень похожим на германские руны. Позднее, зимой 1722 года в северо-восточной части Хакасии, в междуречье Теси и Ербы, была найдена еще одна надпись – на спине каменного изваяния, называемого по-русски «каменной бабой». Оба памятника с конца 19 в. хранятся в Минусинском музее (музейные номера соответственно 8 и 12), первом в Сибири краеведческом музее, открытом в 1877 г. Однако широко известны эти памятники стали много раньше. Сведения о неизвестном письме и рисунки памятников, на основании материалов экспедиции Д.Г.Мессершмидта, в 1729 г. в «Записках Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге» опубликовал академик З.Баер, а в 1730 г. – Ф.И.Страленберг в ставшей знаменитой в Европе тех лет книге «Историко-географическое описание северной и восточной частей Европы и Азии», переведенной со шведского на английский (1738), французский (1757) и испанский (1780) языки.

В последующее время – до конца 19 в. увеличивалось число находок стел с неизвестным сибирским письмом. Для этого потрудились многие профессиональные путешественники-исследователи, краеведы, любители старины – Г.И.Спасский, Н.А.Костров, Е.Ф.Корчаков, И.П.Кузнецов, Г.Н.Потанин, А.В.Адрианов, Д.А.Клеменц, Н.М.Ядринцев. Как всегда в подобных случаях, не было недостатка в гипотезах: высказывались предположения о том, что эти памятники могли быть составлены на языках германских, славянских, тюркских, монгольских, самодийских, угро-финских и т.п. В 1889 г. Финляндское археологическое общество опубликовало результаты работы двух своих экспедиций под руководством И.Р.Аспелина в Минусинский край и за Саяны в виде альбома «Надписи Енисея», содержащего описание и точные чертежи буквенного состава 32 памятников.

Открытие орхонских памятников и дешифровка письма

В том же, 1889 году русский путешественник Н.М.Ядринцев в Монголии, на берегу р.Орхон нашел две огромные мраморные стелы, на трех сторонах которых были те же, что и на Енисее, письмена (с тех пор это письмо стали называть орхоно-енисейским), а на четвертой – текст китайскими иероглифами. На одном из памятников китайская надпись сохранилась хорошо, и ее легко прочитали специалисты. Там говорилось, что в 732 г. н.э. китайская высокопоставленная делегация прибыла в государство *ту-кюэ* (тюрков), чтобы выразить его *кэханю* (кагану) соболезнования от имени китайского императора по случаю гибели доблестного брата кагана – *Кюэтегиня* (принца Кюля).

Таким образом, не только разрешился многолетний спор о том, кому принадлежат надписи орхоно-енисейским письмом, но и появилась надежда на его быструю дешифровку. На Орхон были совершены сразу две экспедиции: финская под руководством И.Р.Аспелина и российская под руководством В.В.Радлова, – а уже в 1892 г. из печати выходят два великолепных альбома: «Надписи Орхона» (Хельсинки) и «Атлас древностей Монголии» (Санкт-Петербург). Помимо описаний и фотографий памятников альбомы содержали также точную буквенную передачу надписей. Публикации больших и палеографически строго выполненных орхонских текстов позволили ряду ученых вплотную приступить к дешифровке письма. Занимался этой работой и академик В.В.Радлов (1832-1918), бывший в то время крупнейшим мировым тюркологом. Он верно определил чуть менее трети из 38 знаков орхонского алфавита. Однако счастье великого научного открытия улыбнулось датскому лингвисту, специалисту по общему языкознанию, не бывшему поначалу тюрколо-

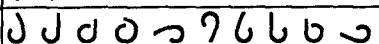
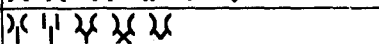
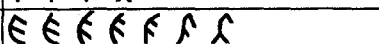
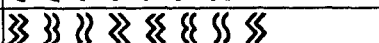
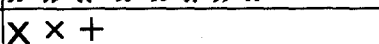
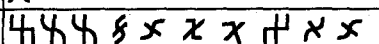
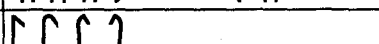
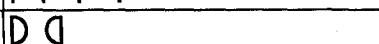
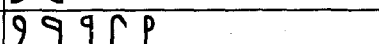
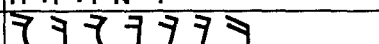
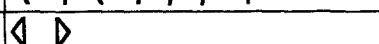
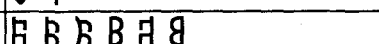
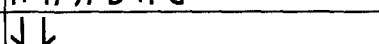
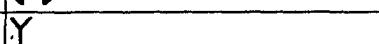
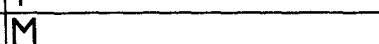
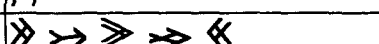
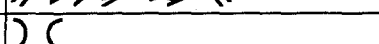
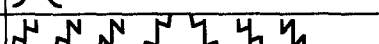
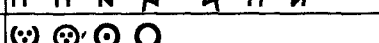
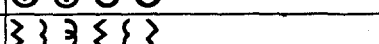
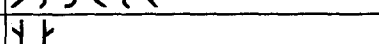
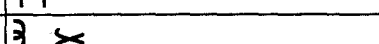
гом, профессору Вильгельму Томсену: 25 ноября 1893г. он полностью установил значения знаков алфавита, преодолев ряд трудностей, связанных с необычным устройством алфавита и особенностями орфографирования слов (см. об этом в след. теме). Свое открытие В.Томсен сразу же сделал достоянием гласности, опубликовав ряд сообщений и прочитав доклады на международных съездах. Благодаря этому, уже в январе 1894 г. В.В.Радлов тиражом в 50 экземпляров издает «Древнетюркские надписи Монголии» – первый перевод надписи в честь Кюль-тегина, а летом того же года выходит второе, исправленное в переводах и дополненное словарем, издание книги. В 1895 г. в качестве второй части той же книги «Древнетюркские надписи Монголии» В.В.Радлов публикует впервые переводы 40 енисейских надписей: 32 – известных из финского атласа, и 8 других. Материалы по енисейским памятникам частично собрал сам В.В.Радлов, частично ему были присланы с мест.

Тема III: **Состав и структура знаков орхоно-енисейского алфавита.**

Краткое содержание темы: *Буквенный, преимущественно консонантный тип орхоно-енисейского алфавита, начертательная структура геометризованных в большинстве своем знаков, группы конструктивно сходных знаков. Направление письма и расположение строк. Фонетическое значение знаков, парность обозначения согласных как основная отличительная черта орхоно-енисейского алфавита. Правила орфографии и чтения слов и словосочетаний и их скоординированность с особенностями устройства алфавита. Функциональное назначение орхоно-енисейского алфавита. Теории происхождения тюркских рун, предположения о времени создания алфавита.*

Трудности дешифровки

38 знаков орхонского алфавита, которые предстояло дешифровать ученым, было несколько необычным числом. С одной стороны, оно показывало, что данное письмо не могло быть иероглифическим (минимум несколько сотен знаков), не могло быть и слоговым (минимум несколько десятков знаков). Орхонское письмо носило явно алфавитный характер, т.е. в нем каждая буква должна была передавать один звук. Зная скрывающийся за письмом тип языка – тюркский, и зная типичное строение тюркской звуковой системы, казалось бы, нетрудно будет подыскать звуковые эквиваленты орхоно-енисейским буквам. Но, с другой стороны, для традиционного тюркского состава звуков в 24-27 фонем (8-9 гласных и 16-18 согласных) довольно большая часть знаков была как будто "излишней". Кроме того, тюркские языки полногласные, т.е. в тюркском слове много гласных, а стечения согласных редки. Дешифровка письма всегда начинается с распределения букв на (*продолж. на с.22*)

№ п/п	Знаки орхоно-енисейского письма	Транскрипция
1.		а, э
2.		б^{1}
3.		б^{2}
4.		ғ
5.		г
6.		д^{1}
7.		д^{2}
8.		з
9.		и, ы
10.		й^{1} (j^{1})
11.		й^{2} (j^{2})
12.		қ
13.		к
14.		^{ы}к, қ^{ы}
15.		^{о}к, ^{у}к, қ^{о}, қ^{у}
16.		^{ӧ}к, ^{ӱ}к, к^{ӧ}, к^{ӱ}
17.		л^{1}
18.		л^{2}
19.		лт
20.		м
21.		н^{1}
22.		н^{2}
23.		нт
24.		нч
25.		ң
26.		н’ (нь), нч

№ п/п	Знаки орхоно-енисейского письма	Транскрипция
27.		о, у
28.		ӧ, ӱ (ө,ү)
29.		п
30.		$р^1$
31.		$р^2$
32.		$с^1$
33.		$с^2$
34.		$т^1$
35.		$т^2$
36.		ч
37.		^{и}ч, ч^{и}
38.		ш
39.		е
40.		е, э
41.		д^{и}м, д^{э}м
42.		^{и}м, м^{и}, м
43.		ң
44.		^{о}п, ^{у}п
45.		с, ш
46.		с, ш
47.		с, ш
48.		с, ш
49.		ш^{и}м
50.		лық (арт?)
51.		(?)
52.	 (словоразделитель)	*в транскрипции не отражается*

(*продолжение; начало см. с.19*) согласные и гласные. Однако в этом вопросе наблюдались какие-то противоречия. Потому что, как потом стало ясно, многие слова в орхонском письме вообще не содержат букв для гласных. Обе указанные особенности сильно затрудняли решение, казалось бы, несложной задачи: «приложения» известного (тюркского) звукового состава к простому и ясному в своих начертаниях буквенному алфавиту. В.Томсен, как лингвист, знакомый с приемами дешифровки, стремился отыскать и угадать в тексте хоть какие-то, известные из китайской версии надписи, слова, прежде всего, имена собственные. Он нашел такие исходные слова: *түрк*, *тэӊри* и *Күл-тигин*. Правда, примененные в них знаки были буквами мягкого ряда. И все же В. Томсен к ноябрю 1893 г. окончательно разгадал тайну орхоно-енисейского письма, состоящую в оригинальной, нигде более не встречающейся взаимосвязанности буквенного состава алфавита и правил письма на нем, что представляет собой гениальное изобретение древнетюркских письмотворцев.

Графическое строение тюркских рун

Большинство букв орхоно-енисейского письма очень просты по начертанию и состоят из сочетаний прямолинейных элементов, наиболее удобных для выбивки на камне. Часть букв включает в себя или полностью состоит из несложных криволинейных элементов. Большинство элементов повторяется от буквы к букве в разных сочетаниях, но есть и такие, что не повторяются. Научная дисциплина, которая занимается анализом форм знаков того или иного письма и изучает закономерности их изменений в зависимости от места и времени применения, называется палеографией. В тюркской рунической палеографии буквенные элементы расклассифицированы. Они,

а также некоторые их устойчивые сочетания получили условные названия.

Основным элементом большинства букв орхоно-енисейского письма является вертикальная черта (палочка, которая в специальной литературе называется «штамб»). В разных буквах «штамб» может быть полной высоты, равной высоте строки (этот элемент получил название «ствол»), или более коротким (половина высоты строки – «полуствол», больше половины, но меньше целой высоты строки – «древко»,). Для образования букв к вертикальной черте («стволу», «древку», «полуствол») с разных сторон и в разных направлениях могут добавляться, чаще всего – по одной-две, небольшие черточки. Роль такого дополнительного элемента может играть «полуствол», а также черточка обычно меньше полуствола – «зубец». Например, «ствол» в различных сочетаниях с одним или двумя «зубцами» передает следующие буквы: ᛌ – *л*^{1} , ᚾ – *н*, ᛁ – *и*, ᚿ – *п*, ᛇ – *а* или э, ᛦ – *к* (после или перед *о* или *у*), ᛗ – сочетание согласных *л*+*т*.

«Древко» никогда самостоятельно не образует буквы, но только в сочетании с другим элементом или, чаще, со вторым «древком». Получается несколько устойчивых сочетаний, повторяющихся в разных буквах с разными пространственными поворотами. Два «древка» дают три типовых сочетания: «крыша» ᛱ – *ш*^{1} или *с*^{1}, «угол» ᚲ – *о* или *у*, «крестовина» ᚷ – *д*^{2} (индекс “двойка” при согласных означает, что данная согласная употребляется при гласном мягкого ряда). Фигуры «крыша», «угол» и «крестовина» могут повторяться и сочетаться между собой: «две крыши» ᛯ – *т*^{1}, «крыша на крестовине» ᛰ – *б*^{2}, «угол при крестовине» ᛟ – *м*.

«Древко» в отличие от «ствола» сочетается всегда с двумя зубцами. Одно из сочетаний дает повторяющуюся в нескольких буквах фигуру «рогатина»: ᛣ – *ч*, ᛉ – *л*^{2}. Есть

«рогатины» с добавочными или перечеркивающими «зубцами» 𐰚 – *ч* (после или перед *и*), 𐰛 – *ш*, 𐰜 – *ш* или c^1.

Два «полуствола» могут образовать повторяющуюся фигуру «колена», прикрепляемого к «стволу» с разных сторон и в разном направлении: 𐰴 – *қ*, 𐰲 – m^2., 𐰸 – p^1, 𐰼 – *ө* или *ү* (*ö* или *ÿ*). Некоторые буквы можно рассматривать как "двухколенные": 𐰶 – *з*, 𐰴 – $н^2$, 𐰺 – *к* (после или перед *ө* или *ү* // *ö* или *ÿ*).

Четыре «зубца» образуют фигуру «волна», «одна волна» 𐰾 – передает сочетание согласных *н*+*ч*, «две волны» 𐰿 – $д^1$.

Кроме прямолинейных элементов в образовании букв принимают участие также округлые и криволинейные элементы:

«круг» 𐰀, «круг с точкой» 𐰁 или «несомкнутый круг с тремя точками» 𐰂 обозначали в одних памятниках сочетание согласных *н* + *т*, а в других памятниках (причем, только знаки полного круга) – согласный *ң*;

«дуга» 𐰃 – $н^1$, а также в составе буквы – 𐰇 $й^1$;

«скоба» – только как элемент в букве 𐰍 *г*;

«скоба с петлей» – как элемент букв 𐰉 $б^1$ и 𐰋 $й^2$;

«дужка» большей или меньшей кривизны – как элемент букв 𐰏 $г^1$ и 𐰑 *н'/нь* или же звукосочетание *н*+*ч* в более поздних надписях.

Направление письма и порядок строк

Направление письма – справа налево. Всего два-три памятника написаны слева направо, при этом буквы зеркально повернуты на 180° по вертикальной оси, и эта нарочитость подобных начертаний только подчеркивает обычность написания справа налево. При горизонтальном письме строки идут справа налево сверху вниз. Однако памятники эпиграфики в подавляющем большинстве

своем выбиты на вытянутых вверх стелах, и строки на них ориентированы по вертикали. При этом буквы не меняют своего "горизонтального" положения, просто строки целиком поворачиваются вертикально. Возможны два типа подобных поворотов: 1) правые начала горизонтальных строк идут вверх, а левые концы – вниз, получается написание, условно называемое "от неба к земле" (такое начертание свойственно Памятнику в честь Тоньюкука); 2) правые начала горизонтальных строк идут вниз, а левые концы – вверх, написание "от земли к небу" (так оформлено большинство енисейских надписей).

Алфавит и правила письма

Особенности орхоно-енисейского алфавита и письма на нем состоят в следующем.

В алфавите.

а) Большинство согласных – *б, г, д, й (j), к, л, н, р, с, т,* – имеют по 2 буквы для своего обозначения в зависимости от того, находится данный согласный в слове с твердыми или мягкими гласными (в таблице знаков орхоно-енисейского письма см. соответственно номера 2-3, 4-5, 6-7, 10-11, 12-13, 15-16, 17-18, 21-22, 33-34, 36-37; (индекс "один" и "два" при согласных – $б^1/б^2$, $д^1/д^2$ и т.д. – означает, что данные согласные употребляются соответственно при гласных твердого и мягкого ряда).

б) Есть три буквы, каждая из которых передает сочетание двух согласных: *л+т, н+ч, н+т* (в таблице см. номера 20, 24, 25), такие буквы называются лигатурами.

в) Есть пять букв (см. номера 5, 15, 16, 17, 44), ориентированные на определенный тип гласного, а именно на применение при узких или широких неогубленных или огубленных гласных, которые в этом случае обычно не выписываются.

В правилах письма.

1. В первом корневом слоге широкие неогубленные гласные *а/э* не пишутся, однако узкие гласные *ы/и* и все огубленные гласные – *о/у*, *ӧ/ӱ* – пишутся.

2. Гласные вторых и далее слогов (*за исключением* последнего открытого слога слова, см. правило №3) независимо от их качества не пишутся.

3. В последнем слоге слова, если этот слог открытый, гласный любого качества должен быть написан.

4. Обычно, как правило в корневых слогах не пишутся узкие неогубленные или огубленные гласные, если употребляются при этом пять особых знаков для согласных, которые ориентированы на определенный тип гласного (знаки №5, 15, 16, 17, 44).

Примеры. На первое правило.

 – *б^{а}т*[1] ‘удел’, – *б^{э}г* ‘бек, князь’, – *^{а}з* ‘мало’, – *^{э}л* ‘государство, племенной союз’, – *^{э}р* ‘муж, мужчина, муж-воин’; в данных формах, согласно первому правилу, не написаны гласные *а* и *е* в первом корневом слоге;

 – *быӊ* ‘тысяча’, – *кол* ‘рука’, – *буӊ* ‘печаль’, – *көл* ‘озеро’, – *иш* ‘дело, работа’, *өг* ‘мать’, *ӱч* ‘три’; в данных формах, согласно первому правилу, в первом корневом слоге написаны соответственно гласные *ы, о, у, и, ӧ, ӱ,* (т.е. все гласные, кроме *а* и *е*).

Примеры на второе правило.

 – *б^{а}рд^{ы}м* ‘я ушел, покинул’, – *б^{э}рд^{и}м* ‘я дал, отдал’, – *б^{о}д^{у}н^{ы}м* ‘мой народ’, – *^{а}д^{ы}р^{ы}лд^{ы}м^{ы}з* ‘мы разлучились’, – *^{э}рт^{и}ӊ^{и}з* ‘вы были’; в данных формах, согласно второму правилу, во втором и после-

[1] В транскрипции отсутствие гласных в орфограммах слов показано поднятием буквы над строкой.

дующих аффиксальных слогах гласные *ы/и, у/ӱ* не написаны.

Примеры на третье правило.

 – *кара* 'черный; простой', – *б°лдэ* 'на пояснице', – *б°рды* 'он ушел, покинул', – *б°рди* 'он дал, отдал', – *уруӈу* название титула, – *°дгӱ* 'хороший'; в данных формах, согласно третьему правилу, написаны конечные гласные *а/э, ы/и, у/ӱ*.

Примеры на четвертое правило.

 – *ᵘчᵘкди* 'подчинился', – *кʰсды* 'сдавил, нажал', – *т°кʸз* 'девять', – *б°ӧкм°дᵘм* 'я не насладился', – *°па* имя собственное – в данных формах гласные первых слогов не написаны, т.к. указание на них содержится уже в самих знаках для соотвествующих согласных: – *ᵘч*, – *кʰ*, – *°к*, – *ӧк*, – *°п*.

О функциональном назначении тюркского рунического письма

Как показано в предыдущем разделе, особое устройство тюркского рунического алфавита с его парностью графем для большинства согласных было определенно скоординировано с правилами орфографии, и это вместе позволяло экономить на письме в количестве выписываемых знаков за счет пропуска многих гласных, а также за счет применения нескольких лигатур согласных. Если сюда прибавить еще фактор достаточно простых прямолинейных, в основном, начертаний самих знаков, то можно обоснованно говорить о том, что такое письмо было предназначено для эпиграфических целей – для нанесения надписей на ограниченном пространстве камня и других твердых материалов. Показательно также, что в этом письме даже возможности образования курсивных форм букв с соединениями для скорописных записей на

бумаге отсутствовали. Это продемонстрировали немногочисленные рунические рукописи X в., найденные в Восточном Туркестане.

О происхождении древнетюркского рунического алфавита

Древнетюркский рунический алфавит является творческой переработкой согдийского письма, которое восходит к семитическому арамейскому письму. Так еще в самом начале работ по дешифровке и освоению тюркских орхоно-енисейских надписей считали В.Томсен, В.В.Радлов, О.Доннер. Позднее Дж.Клосон выдвинул гипотезу о многокомпонетности прототипов для тюркских рун: из согдийского и пехлевийского черпались знаки для согласных велярных и обоюдорядных, а из греческого бактрийского – знаки для палатальных согласных, при этом часть графем, для которых не находятся прототипы, была, по его мнению, изобретена. В.А. Лившиц, анализируя возможные согдийские прототипы тюркских рун, считает что из всех разновидностей согдийского письма в качестве образца было использовано согдийское курсивное письмо. На таких же или близких позициях стояли другие крупные ученые-филологи: Р.Готье, В.Хеннинг, Л.Базэн, А.Рона-Таш, О.Прицак. В соответствии с указанными воззрениями о создании тюркского рунического алфавита путем специальной трансформации чужих курсивных знаков в геометризованно-прямолинейные формы и изобретении части знаков путем пространственного варьирования уже полученных графем – этот процесс сознательного творчества признается сторонниками подобной точки зрения достаточно компактным, практически единовременным. Согласно палеографическим доводам И.В.Кормушина, зоной создания наиболее ранних памятников – первой половины VIII в., являются области про-

живания тюркоязычных народов древности на территории современной Центральной и Средней Монголиии, и потому изобретен рунический алфавит, вероятно, где-то здесь, в центре Восточно-тюркского каганата и "в период, не столь отдаленный по времени от начала VIII в."[2].

Прямо противоположная точка зрения высказывалась и в прежние годы, находит своих сторонников и ныне, – здесь можно назвать работы Н.А.Аристова, Н.Маллицкого, А.Соколова, А.Дж.Эмре, Т.Гюленсоя, А.Аманжолова, В.Г.Гузева и С.Г.Кляшторного, – ученых, которые считают, что тюркский рунический алфавит развился независимо от какого-либо алфавита, на местном материале, из тамг и идеографических знаков. В ряду последних приводят те несколько рун, которые по начертанию напоминают такие реалии, которые отражает также и фонетическое значение (чтение) данного алфавитного знака, например: руна в виде стрелы ↓ читается как *оқ* (одно из возможных чтений, наряду с *уқ, қо, қу*), что и значит по-тюркски 'стрела'; руна в виде домика 𐰉 может читаться как *эб* (наряду с *бэ*), что и значит 'дом'. Не более чем остроумными следует назвать сопоставления знака 𐰇 со всадником на коне (сам же знак в начале слова может читаться как *ат* 'конь, лошадь') и знака 𐰔 с рисунком гор, при том, что в начале слова этот знак может читаться как *да*, составляя часть слова *дағ* 'гора'. Какие-либо конкретно-фонетические сопоставления рун с тамговыми знаками отсутствуют.

В работах А.С.Аманжолова делается попытка связать с памятниками тюркского рунического письма гораздо более древнюю (V-IV вв. до н.э.) надпись на серебряной чаше из долины р.Или, знаки которой типологически

[2] *Кормушин И.В.* К основным понятиям тюркской рунической палеографии. – "Советская тюркология", 1975, №2, с.47; см. еще тему V.

близки – в основе их вертикальный штамб, – но по характеру дополнительных черт совершенно не могут быть признаны одинаковыми с тюркскими. На основании этого спорного сближения ученый стремится обосновать тезис о восхождении тюркских рун к какому-то более раннему среднеазиатскому письму III-II тысячелетия до н.э.

И.Л.Кызласов в ряде своих трудов развивает мысль о нескольких, по крайней мере – восьми, самостоятельных рунических алфавитах: орхонском, енисейском и таласском – в азиатской группе, и пяти в "евроазиатской" – двух восточноевропейских, двух среднеазиатских и южноенисейском. Последний он считает отдельным от традиционного енисейского алфавита, однако положение это пока трудно доказуемо. Общее число южноенисейских надписей, как их определил исследователь, 18; они кратки: только четыре надписи имеют более 20 знаков, всего же в 18 надписях сохранилось 240 знаков, т.е. среднее число знаков на надпись – 13.[3] Палеографическая обработка надписей затруднительна как из-за их плохой сохранности, так и из-за отсутствия строгой унифицированности написания знаков; иногда не вполне ясно, представляют ли два похожих знака варианты одной графемы или это все же разные буквы. Самое же главное – эти надписи еще вообще не прочитаны. Из общего числа 38 знаков 25 имеют параллели с енисейскими и таласскими рунами, остальные – не имеют[4]. Но и при значительной общей части нигде не складываются хоть какие-нибудь знакомые слова, так что приходится сомневаться, могут ли данные надписи быть прочитаны по-тюркски, т.е. является ли этот, на треть "новый" алфавит тюркским. При этом

[3] *Кызласов И.Л.* Рунические письменности евразийских степей. М., 1994, с.289-318.

[4] Там же, с.69-72.

важно иметь в виду, что, как можно судить на основе всех имеющихся совокупных данных, южноенисейские надписи вряд ли могут претендовать на время, ранее IX-X вв.

В начальный период исследования орхоно-енисейского письма, и особенно в период, предшествовавший его дешифровке, тюркские знаки сравнивали с германскими рунами и в силу определенного сходства называли тюркское письмо "рунообразным", "руноподобным". Впоследствии в обиходе постепенно утвердилось название "руническое" с добавлением этнического определения "тюркское" (или: древнетюркское). Германское сакральное письмо (готское *runa* 'тайна') возникло и было в употреблении гораздо раньше тюркского: первые памятники – надписи на оружии и украшениях – относятся к рубежу II-III вв. (а возможно, рубежу н.э.). Различают два варианта алфавита – 24-значный "старший" (более ранний, III-VIII вв.) и сокращенный, 16-значный "младший" (IX-XI вв.).

Чисто теоретически германские руны могли быть переданы на восток с помощью тех тюркоязычных племен, что рано (возможно, еще с гуннами) оказались в Восточной Европе. Однако практически сопоставление обеих письменностей не дает положительного результата. Так, среди германских и тюркских рун есть довольно много знаков, одинаковых по начертанию, но при этом нет ни одного совпадения в фонетическом отношении:

ᛁ – герм. *i* / тюрк. s^2; ᛚ – герм. *l* / тюрк. *i*; ᛊ – герм. *i* / тюрк. *a/e*; ᚲ – герм. *k* / тюрк. *u*; ᚷ – герм. *g* / тюрк. d^2; ᚱ – герм. *R* / тюрк. $^{i}\check{c}$; ᛊ – герм. *s* / тюрк. *n*+*č*; ᛏ – герм. *t* / тюрк. ^{o}q; ᛗ – герм. *e* / тюрк. *l*+*t*; ᛟ – герм. *o* / тюрк. b^2.

Еще несколько знаков можно назвать похожими, но в тюркском алфавите одинаковыми оказываются только поздние по времени варианты графем, тогда как в ранних, являющихся их прототипами, такого сходства

нет. Например, с германскими рунами ᚹ : *w* и ᛒ : *b* идентичны поздние енисейские варианты букв соответственно для j^2 и ^{o}k, тогда как более ранние орхонские начертания этих букв такой схожестью не обладают: 𐰽 : j^2, 𐰉 : ^{o}k.

В германском руническом письме отсутствует принцип деления согласных на два аллофонических ряда – твердых и мягких вариантов одной и той же фонемы. Такое устройство тюркского алфавита академик Вяч. Вс. Иванов объясняет влиянием тохарского письма. Влияние германских рун на тюркское письмо, если таковое и было, возможно, ограничивается идеей прямолинейности знаков, в которые переделывались их курсивные прототипы, выбиравшиеся из "местных", азиатских алфавитов: согдийского, пехлевийского, бактрийского, – почему, вероятно, фонетические совпадения с германскими рунами не наблюдаются.

Тема IV: **Ареалы распространения, типы, виды и жанры памятников древнетюркского рунического письма, исторические рамки их создания.**

Краткое содержание темы: *Основные географические ареалы памятников древнетюркского рунического письма: Монголия (р.Орхон и др. места), бассейн Енисея (Тува, Хакасия), Восточный Туркестан (Северо-Западный Китай), Горный Алтай, Прибайкалье и Якутия, Западный Туркестан (Киргизия, Восточный Узбекистан, Юго-Восточный Казахстан). Руническое письмо Восточной Европы. Типы и виды памятников: А. эпиграфика – надписи по камню (на стелах, скульптурах, плитах, валунах и скалах); надписи на бытовых предметах из металла, кости, керамики – монетах, зеркалах, ножах, кубках, частях сбруи, осколках посуды и пр.; Б. рукописи на бумаге из Восточного Туркестана. Жанры рунических текстов: эпитафии, посетительские, владетельные и др. надписи, тексты религиозного (манихейского) содержания. Исторические рамки создания памятников. Суть проблематики датирования памятников.*

География древнетюркских рунических памятников

Памятники тюркского рунического письма найдены на обширных пространствах Центральной, Северной и Средней Азии, а также Восточной Европы. География находок отражает исторический путь, который проделали тюркоязычные племена во второй половине I тысячелетия н.э. (6-10 вв.), активно продвигаясь на запад, юг и север от своей прародины в Центральной Азии. С другой стороны, места обнаружения рунических памятников в указанной части Евразии группируются в нескольких определенных регионах, там, где существовали политические и культурные центры различных древнетюркских племенных объединений. Всего таких регионов обычно выделяют семь.

1. **Монголия**. Первым и главным центром тюркской руники была территория нынешней Средней и Западной

Монголии – Хангайское нагорье (по-древнетюркски *Ötükän jïš*) и прилегающие районы. На этих землях задолго до VIII в. – времени создания орхонских памятников – обосновались тюркоязычные племена. Здесь же, на Хангае, в долинах рек Орхон и Селенга в VIII-IX вв. были расположены ставки (столицы) Второго Восточнотюркского (682-744 гг.) и Уйгурского каганатов (744-840 гг.). Всего до нас дошло в разной сохранности 10 крупных и свыше 30 более мелких памятников обоих этих государств. Они воздвигались на Хангае и вокруг него – западнее, южнее и восточнее. В районе современного Улан-Батора, в 400 км к востоку от Орхона найден один крупный памятник – в честь Тоньюкука. Однако далее на восток рунических памятников не обнаружено, и, по-видимому, это закономерно: на этих землях в то время, как и много ранее, размещались монголоязычные народы.

К числу памятников II Восточнотюркского каганата (по времени – 1-я половина VIII в.) из крупных надписей относятся следующие пять: в честь Кюль-тегина (732 г.), в честь Бильге-кагана (734 г.), в честь Тоньюкука (710-е гг.)[1], в честь Кюли-чора (720-е гг.), Онгинский памятник (710-е гг)[2].

К числу крупных памятников Уйгурского каганата (2-я половина VIII – 1-я половина IX в.) можно отнести следующие надписи: в честь Моюн-чора, Терхинскую, Тесинскую, Карабалгасунскую и нек. др.

2. **Бассейн Енисея**. Вероятнее всего, еще в период могущества уйгуров на Хангае и Монгольском Алтае, во второй половине VIII – первой половине IX вв., руника распространяется на север и на северо-запад. Рунические

[1] По поводу датировки памятника в честь Тоньюкука существуют мнения и о его более позднем времени создания.

[2] По другим оценкам – 730-е гг.

надписи в значительном числе – около 150 единиц, найдены в бассейне Среднего и Верхнего Енисея, на территориях современных республик Хакасия и Тува, а также в близлежащих районах. Енисейские памятники относятся к государствам древних кыркызов и других народов и племенных объединений, которые были временами самостоятельны, а временами находились в подчинении у древних тюрок, уйгуров или кыркызов. На настоящем этапе изучения рунических памятников Хакасии и Тувы их трудно отделить друг от друга и распределить по принадлежности тем или иным этническим группам или политическим объединениям (государствам), хотя некоторые шаги в этом отношении наукой уже сделаны.

3. **Восточный Туркестан**. Уходя в Туркестан после поражения от кыркызов, уйгуры унесли руническое письмо далеко на юг от монгольских степей, мест первоначального его применения. Уйгуры восприняли руническое письмо от тюрок, которых победили в 744 г., вытеснили и на их землях создали свое государство – Уйгурский каганат (744-840 гг.). Уйгуры в свою очередь передали руническое письмо другим тюркоязычным народам. Сами уйгуры и союзные им племена после поражения от енисейских кыркызов в 840 г. ушли далеко, за 2–2,5 тыс. км от Монголии на юго-запад, в Восточное Притяньшанье. Районы Тянь-Шаня и близлежащие области Средней и Центральной Азии с первых веков нашей эры и особенно со второй половины первого тысячелетия постепенно становятся районами с преобладанием тюркоязычного населения, почему со временем весь этот регион получил название Туркестан. В настоящее время это только историческое название. Туркестан по природным и историческим особенностям всегда делили на западный и восточный. Западный Туркестан (географически – Западное Притяньшанье и Семиречье) – это области, ныне входящие в сред-

неазиатские независимые государства – Киргизию (Кыргызстан), Узбекистан и Казахстан (его юго-восточная часть). Восточный Туркестан в средние века оказался в составе Китая, сейчас он носит название Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. Географически это – Восточное Притяньшанье с севера и юга от хребта, а также области на юг от Тянь-Шаня – вплоть до Тибета, включая оазисы вокруг пустыни Такламакан и саму пустыню.

В Восточном Туркестане уйгуро-тюркские племена отчасти смешались с жившими там индоевропейскими и другими народами и создали богатую культуру, вобравшую в себя также местные традиции. Судя по большому количеству и разнообразию сохранившихся древнеуйгурских письменных памятников, грамотность и письмо получили широкое развитие в государствах Восточного Туркестана. Уйгуры принесли с собой руническую систему письма, но ведущее место здесь заняла не она, а другие письменности. В Туркестане нет рунических надписей на каменных стелах, но зато есть свидетельства применения руники на бумаге, чего мы больше не встречаем ни в одном другом районе употребления этого алфавита.

4. **Горный Алтай**. Западнее Хакасии и Тувы, на территории Горного Алтая к настоящему времени также открыто довольно значительное число (по некоторым сведениям, сейчас уже свыше 50) мелких и, в большинстве своем, плохо прочитываемых или совсем не читаемых потюркски надписей.

5. **Прибайкалье и Якутия**. Еще один тюркоязычный народ, который какое-то короткое время применял рунические письмо, но затем по каким-то причинам оставил его употребление, это – якуты. На довольно большом протяжении – от Прибайкалья и далее вдоль р. Лены до ее

среднего течения, найдено свыше полутора десятка наскальных надписей письмом, очень похожим на древнетюркские руны. К сожалению, удовлетворительного чтения по-тюркски эти надписи пока не имеют. Можно не сомневаться, что их оставили на пути своего движения на северо-восток, вниз по Лене, древние якуты. В 6-10 вв. в Западном Прибайкалье археологи фиксируют так называемую курумчинскую культуру, которую связывают с протоякутами. Именно здесь, в близком соседстве с древними уйгурами на Селенге, предки якутов, которые, как полагают многие ученые, соответствуют *курыканам* орхонских текстов, могли воспринять от них руническое письмо.

6. **Западный Туркестан**. В среднеазиатской, или западной части Туркестана руника представлена в двух районах – в Таласской и Ферганской долинах. В Таласской долине, на территории современной Киргизии, двумя этапами – в самом конце 19 в. и в 60-70-х гг. 20 вв. найдена серия из двенадцати необычных рунических надписей на округлых валунах, а также свыше десятка наскальных надписей. Трудно сказать, каким путем пришла руника в Талас: много данных за то, что она является продолжением енисейской традиции, и ее, возможно, принесла сюда часть кыркызов, та, которая, вероятно, достаточно рано, в 10-11 вв., покинула Енисей. Впрочем, некоторые единичные особенности письма указывают на возможные связи таласского алфавита непосредственно с ранней руникой Второго Восточнотюркского каганата начала 8 в. Тогда не исключено, что здесь, в Западном Туркестане, на землях Западного тюркского каганата и последующих тюркских государств была своя, более ранняя, но совершенно не сохранившаяся рунописьменная традиция, на которую затем наложилась традиция енисейских кыркызов. Это – гипотеза. Определенно можно

констатировать лишь то, что западнотуркестанская (таласская) традиция не связана с руникой ближайшего к ней рунического центра – Восточного Туркестана.

Особый лингвистический феномен представляет собой так называемая таласская палочка – обломок, длиной 12 см, четырехгранного деревянного стержня (1см х 1см) с искусно вырезанными на каждой стороне знаками, всего около 60 знаков. Только часть знаков одинакова или похожа на орхоно-енисейско-таласские, большая часть знаков от них совершенно отличается, но похожа на восточно-европейские тюркские руны (см. чуть ниже). В отличие от таласских надписей на валунах, которые совершенно определенно звучат по-тюркски, таласская палочка по-тюркски не читается.

В Ферганской долине, которую ныне административно делят сразу три государства – Узбекистан, Киргизия и Таджикистан, найдено до двух десятков обломков керамических и металлических предметов с обрывками надписей руноподобными знаками. Знаки на сосудах проведены по сырой глине до ее обжига; при краткости фрагментов – 3-5, максимум 10 знаков, знаки и их сочетания повторяются. Все это говорит за то, что перед нами определенно надписи, причем алфавитного типа, вероятно, какие-то традиционные, возможно, благопожелательные. Однако ни на каком они языке, ни каков в действительности данный алфавит установить пока что не удается, хотя многие и относят их к числу древнетюркских.

7. **Восточная Европа**. Средне-западная Монголия, Тува и Хакасия, Горный Алтай, Прибайкалье и Якутия, Восточный и Западный Туркестан – районы Азии, где применялось единое в своей основе древнетюркское рунические письмо. Его часто называют еще орхоно-енисейским письмом, по двум наиболее значительным и

ранее других исследованным ареалам. Можно говорить также об орхоно-енисейско-таласском письме. В названных районах найдено достаточное число различных рунических надписей на языке тюркского строя. Некоторые надписи, как говорилось выше, частично или полностью не читаются, но и тогда про них нельзя пока сказать, что они нетюркские: в большинстве из них как будто получаются отдельные тюркские слова. Письменные памятники из указанных регионов в большей или меньшей степени имеют отношение к истории таких современных тюркоязычных народов, как турки (тюрки), уйгуры, тувинцы, хакасы, алтайцы, якуты, кыргызы, казахи, узбеки и некоторые др. Буквенный алфавит, применявшийся на таком огромном географическом и историко-политическом пространстве далеко не всегда одинаков: между региональными алфавитами есть различия на уровне вариантов знаков, но есть сильно различающиеся варианты знаков, как существуют и просто разные знаки, не сводимые к общему прототипу.

Последнее важно учитывать при оценке рунических надписей Восточной Европы, алфавит которых только в части знаков похож на орхоно-енисейско-таласский алфавит, тогда как почти половина знаков не имеют похожих начертаний.

К настоящему времени найдено и введено в научный обиход уже около 40 рунических надписей на территории распространения салтово-маяцкой археологической культуры – междуречье Дона и Волги, а также Предкавказье до верховьев р. Кубани, – земли, которые в свое время (7-9 вв.) занимал Хазарский каганат. Несколько надписей найдено в областях волжских булгар – бассейн р. Камы и Волга вблизи Камы. Время создания донско-кубанских и камско-волжских рунических надписей – IX-X вв. Несмотря на этническую и хронологическую

определенность указанных письменных памятников, до сих пор не получено достоверных чтений ни одной из этих надписей, хотя попытки дешифровки восточно-европейской руники предпринимались неоднократно. В дальнейшем в нашем учебнике мы не будем рассматривать восточно-европейские тюркские рунические памятники, ограничимся лишь несколькими замечаниями по форме знаков и материалу памятников (см. тема 5).

Типы и виды древнетюркских рунических памятников

Что представляют собой древнетюркские рунические памятники по материалу, форме и назначению? На чем, как и с какой целью созданы тексты, которые мы теперь рассматриваем как культурно-исторические и языковые памятники?

Прежде всего обратимся к функциональному аспекту. В древности, как показывает содержание дошедших до нас письменных памятников, письмо служило двум основным целям: а) созданию памятных надписей, посвященных какому-либо событию или лицу, б) записи текстов различного содержания – житейского, делового, религиозного, художественного и т.п.

Для памятных надписей, как общественного, так и личного характера, избирался прочный, долговечный материал – камень, металл, кость, керамика, дерево; кроме того надписям общественного характера обычно придавались монументальные формы. Дисциплина, занимающаяся изучением древних надписей на том или ином алфавите, а также совокупность самих надписей определенного письма, называют эпиграфикой (от греческих слов επι 'на (чем-либо)' γραφω 'пишу', т.е. «надпись»). Здесь мы будем говорить о древнетюркской рунической эпиграфике. Есть также древнетюркская эпиграфика уй-

гурского письма, сирийско-несторианского письма, арабского письма и т.д.

В отличие от надписей, для записей текстов применялся удобный в обиходе, не громоздкий материал. Издавна таким материалом служит бумага, а до ее изобретения – ее более древние аналоги – папирус, выделанные кожи, дощечки, покрывавшиеся сырой на момент писания глиной и т.п.

Таким образом, основные функциональные типы древних текстов – памятные надписи и тексты (непамятные) – определяют материал для их фиксации и возможные формы памятников. Однако такая зависимость формы от содержания не абсолютна, в принципе возможны исключения (текст может быть зафиксирован не на бумаге, так же как и надпись может сохраниться только на бумаге – в копии, черновике), хотя на практике такие случаи пока не отмечены. Все же правильнее разделять указанные вопросы и говорить отдельно о видах памятников по материалу и форме, а также о типах и жанрах содержащихся в них текстов.

Эпиграфика

Древнетюркские рунические памятники в большей своей части относятся к эпиграфике. Сама форма орхоно-енисейских знаков – по преимуществу прямолинейная, с минимумом дополнительных черт, без возможностей соединения букв (см. об этом подробнее в предыдущей теме), говорит о том, что этот алфавит был предназначен для целей эпиграфики, т. е. для выбивания или вырезания на жестком материале (камне, металле, кости, керамике, дереве), но не для письма пером или кисточкой на бумаге. Несмотря на это рунический алфавит все же был использован для записей на бумаге текстов светского и религи-

озного характера. Однако руническое рукописное наследие невелико.

Надписи, представленные в памятниках эпиграфики, различны по назначению и содержанию, по величине – от нескольких знаков до нескольких сотен знаков, а также по месту или предмету, на котором они выбиты.

Камнеписные памятники. Самой многочисленной и наиболее ценной в историческом отношении частью эпиграфического наследия древнетюркских племен являются надписи на всевозможного рода камнях. Камнеписные памятники можно разделить на две группы. К первой отнесем отдельно стоящие или лежащие камни, ко второй – скалы, скалистые участки гор, как открытые взору человека, так и закрытые – в пещерах и гротах. Ко второй группе условно можно отнести и несколько кратких надписей на постройках в Восточном Туркестане.

К настоящему времени в Монголии, Хакасии, Туве, Горном Алтае, Якутии, в Западном Туркестане (Таласе) известно около 150 надписей на отдельных камнях и свыше 40 наскальных надписей. Отдельно стоящие камни иногда могут иметь естественное происхождение, как например, таласские валуны, округлая форма которым придана ледником. Однако чаще всего такие камни изготовлены (вырублены, вытесаны) человеком. Это делалось либо специально для данного памятника (как например, для памятных надписей в честь Кюль-Тегина, Бильге-кагана, Тоньюкука и др.), либо древнетюркскую надпись наносили на уже готовые камни, вторично используя чьи-то более старые памятники.

Изготовленные человеком каменные памятники по форме обычно бывают двух видов: стелы и плиты.

Стела – камень удлиненно-вытянутый в высоту, обычно правильной четырехгранной формы, реже трехгранной, пятигранной и т.д.; иногда многоугольник стелы

имеет неправильную форму с несимметричными гранями при неодинаковых углах соединения и т.п.

Плита – четырехгранный камень более протяженный в ширину, обычно плоский (относительно малой толщины).

Только если стелы и плиты находятся на своем первоначальном месте – на какой-либо более древней могиле или кургане, мы можем говорить о вторичном использовании такого камня под древнетюркскую надпись. В противном случае, неясно: стела или плита могли быть взяты с какого-то другого памятного сооружения и перенесены на новое место, а могли быть и специально изготовлены для данной надписи. Практически для большинства памятников очевидных следов иного, первичного назначения камня нет, и мы об этом можем только предполагать.

Двойные памятники. Достоверным свидетельством первоначальной принадлежности стелы более древней эпохе служит какой-либо изобразительный материал – скульптурные формы, рельефы, выбивки-рисунки человека, животных, фантастических существ, предметов. Можно выделить несколько групп каменных изображений на стелах, относящихся к археологическим культурам разных эпох.

Оленные камни. Чаще других для древнетюркских надписей использовались так называемые *оленные камни*, принадлежавшие культуре скифов VIII-III вв. до н.э. "Оленными" этот вид стел называют потому, что самыми многочисленными и бросающимися в глаза изображениями, выбитыми на их поверхности, являются фигурки животных из семейства оленьих – ветвисторогие самцы лосей (хак. *пулан*, тув. *булан*) или благородных оленей, по-другому – изюбри, маралы (хак., тув. *сыын*). Наряду с оленями бывают выбиты также лошади, кабаны, козлы,

верблюды, волки, собаки. Как установили ученые, фигурки животных и другие изобразительные элементы оленных камней символически отображают определенное мировосприятие носителей скифской культуры, причем символика эта многопланова и не до конца ясна.

По-видимому, оленный камень символизировал взаимодействие человека и природы, смерть и жизнь. С одной стороны, камень олицетворяет человека, микрокосм, с другой стороны – окружающий человека мир, макрокосм.

Горизонтальными бороздами вкруговую по всем четырем граням камень делится на три неравные части. В короткой верхней части в "фигуре человека" схематически передавалось лицо: тремя (реже – двумя) прямыми чертами, идущими почему-то наискось, сверху справа вниз налево. Если бы они отражали линии глаз, ноздрей и рта, мы бы ожидали не наклонные, а горизонтальные черты. На сторонах сбоку от «лица» традиционно присутствуют две окружности (диаметром около 15 см) – «ушные серьги». Ниже серег, вдоль разделительного желобка вкруговую обычно выбивалось «ожерелье» или «бусы»: цепь округлых ямочек, реалистически изображалась ниспадающей вперед, «на грудь», и поднятой вверх «на шее» сзади. В то же самое время верхняя часть стелы, она же "голова", олицетворяет "верхний" мир, надземное пространство, небо, космос, планеты и звезды, поэтому "серьги" можно принимать за астральные символы солнца и луны.

Средняя часть оленного камня олицетворяет туловище человека и одновременно окружающий человека земной мир. Человек представлен различными предметами воинского и охотничьего снаряжения на поясе мужчины – меч, боевой топорик, колчан со стрелами, лук и др. Окружающую природу символизировали многочислен-

ные фигурки животных, рельефно выбитые на боковых поверхностях.

Нижняя часть оленного камня, уходящая вкопанной частью в землю, символизировала подземный мир, царство мертвых. Символом нижней части человека можно считать в целом всю стелу, учитывая, что некоторые исследователи склонны трактовать ее как вздыбленный фаллос – животворящее мужское начало.

Каменные изваяния человека (по-тувински *кижи көжээ*) – скульптурные изображения человеческой фигуры, примерно в 3/4 роста (до колен), в одежде, с оружием на поясе и с кубком в руках, с явными признаками индивидуализации лица. Такие скульптуры, как считают многие ученые, принадлежат тюркам, и устанавливались ими в течение длительного времени – с 5-6-го по 11 век, в протяженном степном коридоре от Монголии через Туву, Хакасию, Алтай, Казахстан до Южной России, Украины и Венгрии. Русское народное название *каменная баба* является, возможно, неверным переосмыслением тюркского *таш баба* 'каменный отец', поскольку подавляющее большинство изображенных людей – явно мужчины. Лишь единично встречаются женские фигуры, как например, скульптурное изображение молодой женщины в собрании Тувинского музея.

Наиболее вероятное толкование тюркских каменных изваяний таково, что это – изображение "самого" покойного, знатного лица, "присутствующего" в парадной одежде и с кубком на собственном поминальном пире или похоронах. В народе долго сохранялся обычай "угощения" скульптуры помазанием рта молочными продуктами. Фигура человека изображалась в национальном халате *тон*, иногда в шапке, с характерным наборным поясом и некоторыми инструментами и оружием на нем – ножом, трубочисточкой, боевым топориком, мечом, кол-

чаном со стрелами. Одной рукой изображенный покойный опирался на рукоять меча, а в другой держал кубок, такой же, какой поднимали в память о нем собравшиеся на пиру соратники.

Иконография каменных изваяний, т.е. правила изображения лица, фигуры, деталей одежды и положения рук и кубка, изменялись со временем, и эта эволюция представляется ученым в следующем виде. В наиболее ранних скульптурах обе руки находятся низко, у пояса, и держат кубок. У более поздних фигур одна рука отходит на эфес сабли, а рука с кубком начинает перемещаться вверх. Со временем, рука опирающаяся на саблю, следует за кубком, поддерживая его чуть снизу, а затем и держа вплотную. Помимо положения рук и кубка, более ранние изваяния полнее отвечают принципу скульптурности, тогда как позднее объемность уступает место схематичности, вплоть до полной смены рельефно-объемного изображения на плоскостной рисунок. В Тувинском музее хранится замечательный по своей художественной выразительности образец, вероятно, наиболее позднего каменного изваяния. Это уже не скульптура. Несколькими глубокими плавными линиями на большой плоской плите передано печальное немолодое лицо, пронзительно смотрящее на зрителя, тонкие пальцы обеих рук держат у самых губ прощальный кубок. Оба вектора изобразительной эволюции – перемещение сосуда и рук вверх и смена рельефности рисунком сошлись в гениальном творении неизвестного мастера.

Если каменных изваяний зарегестрированы многие сотни, то двойных памятников – древнетюркских каменных изваяний с древнетюркскими же, но гораздо позднее нанесенными надписями – нашлось всего несколько штук. Одна из самых древних надписей – не позже начала VIII в., представлена на скульптуре из местечка Чойрен в

средней Монголии, хранится в Улан-Баторском центральном музее. Другой, очень знаменитый памятник – это каменная баба, найденная в 1722 г. экспедицией Д.Г.Мессершмидта на хакасской земле, в междуречье притоков Енисея – Теси и Ербы (Е-37, хранится в Минусинском музее, инв.№12). Там же, в Минусинском музее под № 33 хранится еще один, очень примечательный памятник – стела, происходящая из района реки Чаа-Холь в Туве, на которой прорезано человеческое лицо с идущими вниз вертикальными линиями, обрамляющими поле письма для двух строк. Стилистика рисунка уже мало что сохранила от изображений каменного изваяния – скульптурного или рисованного: здесь нет традиционного кубка, да и вообще нет никаких деталей, кроме самого лица. Однако некоторые приметы более позднего языка приведенного там текста позволяют надеяться, что и прочерченное здесь лицо представляет собой поздний этап эволюции древнетюркских поминальных изображений, притом что в данном памятнике изображение и надпись сделаны одновременно.

Двойные памятники Хакасии. Ряд оригинальных типов стел с рельефными и скульптурными изображениями встречается только в Хакасско-Минусинской котловине. Из десятков и сотен подобных памятников всего несколько относятся к числу двойных, с выбитыми на них в более позднее время древнетюркскими руническими надписями.

Каменные изваяния с личинами. Древнейшими по возрасту первичного применения – около 5 тысяч лет тому назад – являются оригинальные, не встречающиеся в других регионах Евразии, каменные изваяния с личинами из Хакасии. В центре композиции, обычно на узкой стороне стелы, выбита фантастическая трехглазая маска со змеевидными короткими и длинными отводами; горизонталь-

ными линиями "лицо" делится на три части: в верхней три глаза и короткие отводы, в средней ничего не изображено, а в нижней – дугообразная прорезь рта и овал подбородка. Ниже или сбоку может находиться еще одна – двухглазая маска. По бокам, на широких гранях длинные отводы от личины и астральные символы солнца и луны. Именно подобный двойной, поздненеолитическо / древнетюркский памятник представляет собой стела с рунической надписью Е-32 (Уйбат II), первой найденная в 1721 г. в долине р.Уйбат экспедицией Д.Г.Мессершмидта. Теперь этот уникальный памятник можно видеть в Минусинском музее (инв.№ 8). Стел с личинами, но без надписей – в Хакасии довольно много, великолепные их образцы собраны и в Минусинском, и, особенно, в Хакасском музее в г.Абакане – внутри музея, а также возле него на бульваре.

Стелы со скульптурными изображениями голов людей. Другой тип древних каменных изваяний, также встречающийся только на территории Хакасии и отсутствующий в других, соседних регионах, – реалистические изображениями голов людей с характерными физическими признаками: удлиненные, сужающиеся книзу лица европеоидного типа с преувеличенно вытянутыми подбородками. Несколько таких памятников, относимых археологами к середине III тысячелетия до н.э. (т.е. 4,5 тысячи лет тому назад), собрано в Минусинском и Абаканском музеях, но единственный двойной памятник – стела со скульптурным изображением и древнетюркская надпись Е-30 (Уйбат I), хранится в Минусинском музее (инв. № 7).

Рукописи

Руническое письмо для записи текстов на бумаге применялось только в Восточном Туркестане. Либо,

осторожнее будет сказать: только в Восточном Туркестане сохранились свидетельства применения рунического письма на бумаге.

В последнем десятилетии 19 – начале 20 веков серия экспедиций российских и западноевропейских ученых обнаружила в Восточном Туркестане значительное число древних рукописей на самых разных языках и самых разных письменностях. Среди множества древнеуйгурских рукописей заведомо малая часть – всего около 50 текстов либо отрывков текстов – выполнена тюркской руникой. Все рунические документы, как теперь почти единодушно считают ученые, написаны во втор. пол. 9 – 10 вв. В начале века первыми издателями названных текстов были В.Томсен, А.Лекок, Ф.В.К.Мюллер, В.В.Радлов. Впоследствии их издавали и переиздавали С.Е.Малов, Х.Н.Оркун, Дж.Р.Гамильтон, Л.Базен, С.Тезджан, П.Циме, О.Ф.Серткая, Т.Текин и др. тюркологи в Англии, Германии, Франции, России, Турции, Венгрии.

Наибольшую ценность представляет сохранившийся полностью текст «*Ырк битиг*» («Книга гаданий», «Гадательная книга»), рукопись на 29 согнутых тетрадью листах, размером 13,2 х 8 см, всего 104 рунические строки. Это своеобразное произведение представляет собой собрание из 65 притч, которые, вероятно, являлись основой для толкования реальных событий, либо снов, либо того и другого. Приведем пример лишь одной такой притчи.

Адығлы тоңузлы арт ӱзе сокушмыш эрмиш. Адығын қарны йарылмыш тоңузын азығы сынмыш, – тир. Анча билиң: йаблақ ол! "Говорят: медведь и кабан столкнулись на перевале. (В результате) у медведя брюхо распорото, у кабана клыки сломаны. Знайте так: (это) плохо!".

Другие рукописи представляют собой отдельные листы или обрывки, фрагменты листов каких-то книг или документов, главным образом связанных с манихеизмом,

религией, которая через посредство согдийцев распространялась в то время в Центральной Азии. В 762 г. манихейство принял уйгурский каган Бёгю. В последующее время эта религия пришла и на земли Верхнего и Среднего Енисея. Уйгуры же, как показывает большое число рукописей манихейского содержания уйгурским и брахми письмом, активно исповедовали манихейство (наряду с буддизмом) на своей новой родине – в Восточном Туркестане. Среди названных документов помимо манихейских есть небольшой текст в 31 строку о свойствах камней, несколько листков с загадками, несколько отрывков из рукописи светского (не религиозного), может быть, исторического содержания. Сохранился обрывок чьего-то частного письма. Есть документ о прибытии в Дуньхуан военного отряда в 30 человек и расходах на его содержание. Некоторые из названных текстов, видимо, из-за экономии бумаги, написаны на обороте документов, писанных по-китайски.

Помимо уникальной "Гадательной книги" еще несколько рукописей привлекают особое внимание. Одна из них – это гимн основателю религии Мани на среднеперсидском языке, но записанный тюркскими рунических буквами! На тюркском языке в этом тексте только начальные и заключительные слова. Весьма примечательны два разных, не связанных друг с другом обрывка с записью тюркского рунического алфавита с эквивалентами или, может быть названиями рун, переданными уйгурскими буквами (8 рунических знаков) и буквами манихейского письма (19 рунических знаков). Причем, в данных фрагментах совпадает только один знак. Иначе говоря, в этих листках дается дешифровка 26 рунических знаков. А.Лекок опубликовал их в 1909. Как считает турецкий ученый О.Ф.Серткая, если бы В.Томсен не нашел ключ к чтению древнетюркского рунического письма в 1893 г.,

это было бы сделано позже с помощью указанных фрагментов тюркской рунической азбуки.

О датировании памятников тюркской руники

В некоторых древнетюркских рунических текстах встречаются указания на даты описываемых в них событий по годам животного цикла. Однако "год овцы", или "год дракона", или "год лошади" повторяются каждые 12 лет и без каких-либо других данных часто бывает затруднительно произвести хронологическую привязку текста не только к определенному циклу какого-либо столетия, но даже иногда определить сам век. Таким образом, строго говоря, тюркские рунические памятники не имеют датировок, определенно соотносимых с мировым летосчислением. За единственным исключением.

Это исключение – Памятник в честь Кюль-тегина. В нем, но не в тюркской, а в китайской надписи памятника, содержится указание на китайское геральдическое исчисление событий по годам девизов правления императоров. Девизы всех китайских императоров собраны и зафиксированы еще древними историографами, потому подобные даты точно и однозначно переводятся на современный календарь. В китайском тексте сказано, что китайская государственная делегация на открытие мемориала в честь Кюль-тегина прибыла "в 20-й год *кайюань*". Такой девиз относится к правлению императора Тайцзу, его первый год соответствует 712 г. н.э., значит 20-й приходится на 732 г. В тюркской надписи памятника сказано, что здание поминального храма, скульптуры и камень с надписью завершены в "год обезьяны". 732-й год в исчислении по животному циклу действительно соответствует "году обезьяны".

Эта единственная идентификация неопределенной даты животного цикла позволяет произвести точный пересчет еще около десятка хронологических указаний текста "Кюль-тегина". Пересчет оказывается возможным благодаря тому, что в заключительной части текста сказано: Кюль-тегин умер в "год овцы" в возрасте 47 лет; "год овцы" бывает накануне "года обезьяны", т.е. это был 731 г., ближайший к 732 – году открытия мемориала. Следовательно, год рождения Кюль-тегина: 731 – 47 = 684. Ведя рассказ о жизни и подвигах Кюль-тегина, его старший брат каган Бильге приурочивает некоторые эпизоды к годам жизни брата Кюля: "когда Кюль-тегину было 21 год, мы сразились с генералом Чача"; или: "когда Кюль-тегину было 26 лет, мы пошли войной на кыркызов" и т.д. Через выяснение даты рождения Кюль-тегина (684 г.) сражение с Чачем получает абсолютную дату – 705 г., а поход на кыркызов – 710 г. и т.д. Начинается биографический цикл Кюль-тегина с упоминания: "когда умер мой отец, Кюль-тегину было семь лет", следовательно это был 691 г. Из китайских исторических источников известно, что Ильтериш-каган, восстановивший тюркский каганат в 682 г., действительно умер в 691 г.

Кроме Памятника в честь Кюль-тегина ни один древнетюркский текст больше не содержит прямой или косвенной (как в Кюль-тегине – через китайский текст) абсолютной даты. Датирование текстов производится оценочно, по нескольким аспектам: а) исторически – путем соотнесения упоминаемых в текстах событий с другими историческими источниками, в первую очередь с древнетюркскими текстами – Кюль-тегином и другими памятниками, после того как они сами получают хронологическую оценку, а также с китайскими историческими хрониками; б) археологически – при наличии материальных остатков, связанных с памятником и оцененных ар-

хеологической наукой; в) лингвистически – путем оценки языковых и палеографических особенностей (см. тему V).

Достаточно убедительным примером датирования текста памятника методом соотнесения с другими историческими источниками является надпись в честь Элетмиш Бильге-кагана, второго уйгурского кагана (годы правл. 747-759), более известная как надпись в честь Моюн-чура. В тексте есть редкие указания на годы животного цикла, одна из них такая: *Озмыш тигин қан болмыш.Қоӈ йылқа йорыдым* 'Озмыш-тегин был [у тюрков] ханом. В год Овцы я выступил [против него]'.

Год Овцы приходится на 731, 744 и 756 гг. В 731г. тюрками правил еще Бильге-каган (умерший в 734г.). В 756 г. было уже время уйгурского каганата. Следовательно, остается только 744 г. В этот год Овцы, как повествует надпись Моюн-чура (подробнее см. тему VIII), уйгуры дали тюркам сражение, в результате которого последний тюркский каган Озмыш-тегин был пленен, а тюркское государство перестало существовать. Таким, довольно несложным способом устанавливается одна из важнейших дат тюркской истории: конец Тюркского каганата (551-744).

Надпись в честь Тоньюкука вообще не имеет ни одной даты в тексте. Однако ее содержание во многом сходно с содержанием орхонских надписей. Правда, из-за неполной ясности в понимании конца надписи Тоньюкука ученые расходятся во мнении: захватывают ли описываемые в ней события правление Бильге-кагана (716-734), либо не выходят из годов правления Капаган-кагана (691-716). Во втором случае по хронологической оценке событий надпись не может быть старше 712 г., т.е. получается узкое датирование в пределах 712-716 гг. В первом случае надпись хронологически все равно близка к началу правления Бильге-кагана, т.е. более широкое датирование: ко-

нец 10-х – начало 20-х гг. VIII в. Более ранняя хронология надписи Тоньюкука сравнительно с орхонскими надписями подтверждается также палеографическими доводами (см. тему V).

Еще пример. В Онгинском памятнике также приводится несколько дат животного цикла, в том числе дата смерти мемориата в "год Овцы". Опираясь на трактовку содержания текста, данный "год Овцы" Дж.Клосон принимает как 731 г., – тот же, что и год смерти Кюль-тегина. Однако по палеографическим соображениям этот пересчет следует уменьшить на один цикл, т.е. признать в нем 719 г.

Тема V: **Палеография орхоно-енисейского тюркского рунического письма.**

Краткое содержание темы: *Типовые и индивидуальные вариации, исторические и ареальные изменения в начертании знаков как основа для построения палеографии тюркского рунического письма. Основные датирующие приметы. Этапы развития и распространения рунического письма.*

Знаки любых алфавитных систем имеют свойство варьировать не только в написании разными людьми, но даже в написании одним и тем же человеком. При этом варианты каждого знака должны оставаться одинаково понимаемыми всем кругом людей, употребляющих данное письмо. Одинаковое восприятие письменного знака обеспечивается тем, что в любых его вариантах остается неизменной (инвариантной) топология знака, или схема взаиморасположения элементов, из которых состоит данный знак. Варианты в пределах схемы считаются аллографами, или разными графическими представлениями определенной графемы (буквы, слогового знака, иероглифа). Наиболее типичный, часто встречающийся аллограф может служить типовой моделью графемы.

В сочетании изменчивости графем с их неизменностью проявляется такое фундаментальное свойство знака (не только письменного), которое называется инвариантностью: физически знак может иметь разные представления, различную организацию (структуру) своей формы, тогда как по содержанию эти его варианты едины, поскольку выполняют одну и ту же функцию в системе. Практически, т.е. в подавляющем числе случаев, для знаков разных алфавитных систем, в том числе и для древнетюркского рунического письма, речь идет о том, что во всех вариантах одного и того же знака должна быть неизменно соблюдена определенная схема начертания его

элементов, или типовая модель знака. В некоторых случаях этот принцип по разным причинам нарушается: так, в русском письме "т-печатное" (прямое) и "*т*-письменное" (курсивное) состоят из неодинакового числа неодинаковых элементов, которые соединяются между собой по разным схемам, однако большая часть букв русского алфавита схематически одинакова в самых разных шрифтах и манерах написания. Вместе с тем общепринятая начертательная модель знака с течением времени, при переходе от одного поколения к другому, от одной местности к другой, от одной школы письма к другой, может претерпеть определенные и принятые данным кругом пишуших изменения, но так чтобы за знаком осталась его прежняя функция. В отдельных случаях может измениться и функция знака, но и это должно быть общепринято. Следовательно, инвариантность знака письма связана не столько с его неизменностью вообще, сколько с устойчивостью его начертания и однозначностью его функции в данном месте и в данное время.

Тюркское руническое письмо применялось на очень большой территории Центральной и Северной Азии в течении приблизительно трех веков. В каждом из этих регионов в различное время были общеприняты те или иные начертания, либо сходные, либо различные.

При каждом историческом виде письма существует вспомогательная дисциплина, изучающая формы письменных знаков, их эталонные модели, а также временные и территоральные вариации. Эта дисциплина – палеография (от греч. слов *палео* 'древнее' и *графо* 'пишу'). Важнейшая задача палеографии, как следует из ее названия, – определять более древние формы знаков, отличать их от более поздних (более молодых) форм, а также фиксировать появление в алфавите новых знаков. Такая работа преследует практическую, но очень важную цель, возни-

кающую при изучении древних письменных памятников, – определять приблизительно возраст тех из них, которые не имеют даты своего создания или написания (переписывания). Подобная задача технически решается следующим образом.

На основе анализа начертаний букв в памятниках, прямо или косвенно датируемых, составляются таблицы графических поэлементных изменений тех знаков алфавита, эволюция которых заметна и может быть распределена на два или несколько этапов. Только благодаря хронологической определенности "опорных", взятых для анализа памятников, полученные этапы варьирования знаков получают хронологическую привязку, типа: "так этот знак писался начиная с такого-то времени", а "так – с такого-то". Определенное написание знака в определенное время получает в палеографии статус датирующей приметы: если знак писался так-то в такое-то время, то памятник, содержащий подобную форму знака может быть датирован этим временем. Временным индикатором может служить и особый знак, появляющийся в памятниках данного письма с какого-то определенного времени, либо новая функция старого знака. Тогда памятники, содержащие подобные особенности, могут быть отнесены "ко времени не ранее" появления таких новых знаков или функций. Чем больше в алфавите подобных датирующих примет, тем надежнее и точнее возможности датирования памятника – предположительного отнесения времени создания или написания памятника к определенному историческому периоду.

Тюркская руническая палеография возникла не так давно, но в ней составлены первые классифицирующие таблицы датирующих примет, накоплено достаточно много всевозможных наблюдений над особенностями начертаний знаков в различных региональных памятниках.

1. Начертание буквы ⇕ : m^1 – с ромбом в основании, двумя зубцами, составленными «крышей», вверху и вертикальной чертой, соединяющей ромб и «крышу» (вариант а), – стандартное для КТ (надпись в честь Кюльтегина) и БК (надпись в честь Бильге-кагана). В более раннем по времени Тон (надпись в честь Тоньюкука) прямолинейному орхонскому аллографу соответствует курсивный, со скруглением ромба в овал (б). Наряду с этим основным здесь оказывается в ходу целая серия вариантов, представляющих его постепенное развитие в двух направлениях: у овала возникает сначала небольшой разрыв (в), который может увеличиваться (г); наряду с редукцией овала происходит сокращение штамба: вертикальная черта может немного не доходить до «крыши» (д 1-2), а может вообще лишь слегка обозначаться как небольшой вырост из овала (е 1-2) .

Варианты (б) и (в) встречаются в Чйр (Чойренской надписи на спине каменного изваяния из Монголии), варианты (б) и (д1) – в О (Онгинском памятнике), вариант (б) – в КЧ (памятнике в честь Кюли-чора/Кули-чура). Особый редкий аллограф (ж) встретился в О – трижды, но в одном и том же слове, передающим неизвестный этноним. На этом основании Дж.Клосон предположил лигатурный характер данного знака (не предлагая какого-либо конкретного чтения). Однако данный аллограф фиксируется еще один раз в КЧ, в начале обычного слова *тутды* 'держал', где о его каком-либо ином фонетическом значении не может быть речи. Возможно, поэтому, данный аллограф с ассиметричным "флажком" вместо симметричной "крыши" является каким-то более ранним начертанием буквы m^1.

В рунических памятниках следующего, уйгурского периода наметившиеся в Тон изменения m^1 закрепились: в МЧ (надпись в честь Моюн-чора) разрыв в овале увели-

чивается, вертикальная черта либо короткая (з), либо полностью отсутствует (и). В КБл (Кара-Балгасунской надписи) и турфанских рукописях т[1] пишется уже только без соединительной вертикали, с широкой дугой внизу, мало напоминающей ромб (к).

Именно эта последняя модификация послужила прототипом для енисейского и таласского начертания: нижняя дуга (оставшаяся от ромба) была выпрямлена и из нее сделали симметричную верхней части «крышу»: ⩓ (л).

2. Усложненное и не вполне симметричное, а потому, вероятно, наиболее древнее начертание буквы *с'* содержит Тон: к короткому (в половину высоты строки) штамбу присоединяется «развилка», левая и правая части которой представляют ломаную прямую, каждая из трех-четырех коротких элементов (зубчиков). В разных частях надписи мы определенно наблюдаем неодинаковую конфигурацию ломаных прямых этой развилки, что зависело, вероятно, от резчика. В начальной части надписи Тон *с'* имеет вид (а): верхние зубчики правой и левой стороны чаще вертикальны, после них по два зубчика составлены углом, смотрящим налево (что не симметрично, т.к. симметрично было бы, если бы правая часть была обращена углом направо); левый угол присоединяется к штамбу, правый перед соединением может иметь дополнительный, еще более короткий вертикальный зубчик. В последующих написаниях (на второй стеле Тон) левая и правая части имеют по три зубчика, но в правой части очень короткий зубчик располагается третьим по счету сверху, соединяя со штамбом угол из двух зубцов побольше, тогда как в левой части очень короткий зубчик находится вверху, после него к штамбу подсоединяется угол из двух зубцов побольше (б).

Каждая из прямолинейных разновидностей (а) и (б) имеет в Тон близкие к курсивному или практически кур-

сивные начертания, когда скругляются отдельные сочленения или же все сочленения ломаных прямых, превращая их в криволинейные элементы усложненной конфигурации (в). В КЧ начертание курсивное и еще более упрощенное по сравнению с (в) в Тон: здесь левая скругленная часть не трех-, а двухэлементна; правая часть стала также двухэлементной, поскольку третья короткая черта вошла в состав удлинившегося ствола; ствол теперь не по центру буквы, а справа, так что верхние ломаные кривые линии тянутся от ствола не просто вверх, а влево и вверх (г). Этот рисунок буквы еще более упрощается в Чйр, правая часть верха и ствол выписываются единой дугой (д).

Криволинейно-курсивная форма буквы c^1 в КТ и БК ϟ (е), судя по направлению вогнутости верхних частей ее кривых составляющих, имеет прототипом начертание не в Тон, но близкое к начертанию в КЧ.

Все другие аллографы c^1 являются разнонаправленными изменениями более раннего прямолинейного написания типа Тон. Начиная с рунических надписей уйгурского времени (МЧ и др.) и далее в енисейских памятниках для обозначения c^1 применяется знак «рогатина, перечеркнутая штрихом слева или справа», который вполне можно рассматривать как дальнейшее упрощение ломаных прямых тоньюкуковского написания: → 𐰴 → 𐰵 ; → 𐰴 → 𐰶. Развитие таласского c^1 выразилось не в упрощении начертания графемы, а в ее дальнейшем усложнении путем постановки лишнего зубчика одновременно с придачей правой и левой развилочной части полной симметричности (ж).

3. Начертание руны 𐰴 : $^{\ddot{o}}к/^{\ddot{o}}к$ (а) с прямоугольными коленами встречается в КТ и БК, а из более ранних памятников – в КЧ; в Тон эта руна имеет курсивное начертание: колена скруглены в дужки, которые не соединяются ни между собой, ни со штамбом: 𐰴 (б). В О дуги смыкаются

со штамбом, образуя петли (в). В дальнейшем верхняя и нижняя петли смыкаются друг с другом, с общим участком в средней части знака (напоминая русскую букву В): (г).

4. В Тон, вероятно, сохраняется самое раннее начертание буквы *б*^{2}: скругленно-вытянутая головка, заканчивающаяся внизу двумя короткими хвостиками крест накрест; головка вверху заметно не доходит до края строки, т.е. в целом буква меньше других по высоте (а). В О встречается редкое написание (б), в котором хвостики добавлены также сверху, благодаря чему этот аллограф *б*^{2} неотличим от более позднего знака для гласного *е* в енисейских надписях. Однако основное начертание знака *б*^{2} в О и КЧ объясняется как развитие аллографа (а): руна увеличилась до полной высоты строки, хвостики увеличились и расширились, став симметричными головке (в). В КТ и БК этот последний аллограф приобрел прямолинейные формы: (г). В уйгурских рунических памятниках МЧ и Кбл у *б*^{2} появляется "навес" – продолжение линий головки вниз (д), тогда как в рукописях из Восточного Туркестана IX-X вв., классическое начертание *б*^{2} сохраняется.

В енисейских памятниках классическое начертание никогда не встречается, применяется только аллограф (д) с навесом. Позднее, в некоторых памятниках «навесы крыши» у *б*^{2} удлиняются почти до низа: (е), в ряде памятников разнообразные изменения получает внутренняя часть знака – «крестовина»: ее нижняя часть минимизируется до двух небольших хвостиков – (ж), а далее эти хвостики, как и навесы крыши, почти полностью сокращаются и образуется фигура увеличенного ромба с едва заметными остатками «хвостиков» и «навесов»: (з). По-видимому, другим направлением развития основного варианта с крышей (д) является аллограф, в котором вместо

двух скрещенных линий внизу появляется одна вертикальная – 𐰃 (и).

5. Как и в случае с m^1 (см. выше, пункт 1), несимметричное, а потому, вероятно, достаточно древнее начертание буквы *м* содержат Тон, Чйр, О. В Тон знак для *м* состоит из двух вертикально стоящих дуг: левая, хвостовая – поменьше, правая, начальная – побольше, – которые соединяются наклонной чертой, идущей почти от середины хвостовой дуги к нижней части правой дуги (а). В этой же надписи встречаются другие аллографы, в которых хвостовая часть буквы состоит из двух прямых, составленных "углом", а соединительная наклонная черта отходит от середины нижней черты "угла" (б); в некоторых начертаниях она отходит от вершины "угла", составляя с верхней чертой "угла" единую прямую (в); этот же аллограф применяется в О. В Чйр встретился вариант (г), близкий к варианту (б) в Тон, по составу элементов, но отличающийся от него порядком соединений: с внешней закругленной дугой соединяется нижним концом внутренняя часть в виде "угла", а третий элемент внутренней части, который в Тон соединяет "угол" с внешней дугой, здесь, в Чйр, является дополнительной черточкой внутри "угла".

Уже в КЧ знак для *м* имеет симметричное строение: нижняя черта, остававшаяся в Тон дополнением к длинной верхней, получает продолжение до соединения с "внешней дугой", так что внутренняя часть буквы получает симметричную структуру крестовины, однако дугообразность внешней правой черты еще остается (д). В КТ и БК дуга преломляется на две прямые, составленные "углом", и в целом знак приобретает свой классический вид: 𐰃 (е). Именно с этим классическим симметричным аллографом в более поздних енисейских надписях происходят различные трансформации – уплощения, расширения и т.п.: 𐰃 (ж), 𐰃(з).

6.-11. К числу рун, различные начертания которых могут служить хронологическими, или датирующими приметами надписей, относятся все так называемые коленосодержащие, или "коленные" руны: 𐰴 : m^2, 𐰽 : *қ*, 𐰾 : p^1, 𐰺 : *ö/ÿ*, 𐰼 : $н^2$, 𐰿 : *з*. Здесь приведены их классические орхонские начертания. Одноколенные знаки выглядят попарно симметричными, двуколенные строги по начертаниям и внутренне гармоничны. Однако не все знаки изначально имели подобные начертания, и в дальнейшем их судьба не одинакова. Изменения в данной группе рун фиксируются по наблюдениям за тремя структурными узлами этих знаков: 1) место прикрепления колена к стволу (середина, близко к середине, вершина или основание штамба); 2) углы приствольный и коленный (прямой, острый, тупой); 3) величина коленной вертикали (полуствол, меньше полуствола, больше полуствола). Рассмотрим подробнее два из них.

6. Ранняя форма знака для *ö/ÿ* – 𐰺, применяемая в Тон, О, КТ, БК, – не симметрична форме знаков для 𐰴 : m^2, 𐰽 : *қ*, 𐰾 : p^1, потому что в ней 1) колено прикрепляется к вершине штамба, 2) коленный угол – острый, 3) размер колена – уменьшенный (а). Такое начертание 𐰺 : *ö/ÿ*, – вероятно, близко к исходной структуре знака, если принимать предположение турецкого ученого О.Н.Туна о том, что этот рунический знак не что иное как лигатура (соединение) знаков 𐰃 : *и* и 𐰆 : *о/у* (второй знак в этом случае переворачивался на 180°: 𐰆 → 𐰇, уменьшался, и совмещался с зубцом 𐰃 : и). Данной гипотезе соответствует одно из написаний этого знака в Тон и КЧ с откинутой немного в сторону вертикалью колена, как бы с напоминанием, что здесь должна быть не прямая линия, а изогнутая углом (б). В дальнейшем у знака *ö/ÿ* "развивается" колено, становясь все менее острым и более крупным, спускаясь к середине штамба (т.е. все более втягиваясь в сим-

метрию одноколенных рун для m^2, *қ*, p^1): 𐰢 (а) → 𐰣 (в) → 𐰢 (г).

Позднее одноколенные руны распределились на две пары по симметрии: 𐰠 : m^2 и 𐰢 : *қ*; 𐰴 : p^1 и 𐰣 : *ö/ÿ*, – и изменения в начертаниях развивались зачастую одинаково (с учетом симметрии) внутри каждой пары, но по-разному для каждой пары в отдельности. Так например, у m^2 и *қ* могли одинаковым образом минимизироваться колена или, напротив, одинаковым образом увеличиться, тогда как у p^1 и *ö/ÿ* такие изменения не происходили или происходили иные изменения (см. табл. на стр. 18-19).

7. Ранние формы знака для $н^2$ содержатся в Тон, Чйр, О, КЧ. В них применяются два принципиально разных аллографа. Один из них с однонаправленными коленами: оба смотрят вниз, при этом колена чаще всего разновелики: левое большое, со слегка откинутой в сторону вертикалью, а правое маленькое, с короткой коленной и тоже слегка откинутой в сторону вертикалью (а) – такие начертания фиксируются в Тон и Чйр; в КЧ применяется разновидность этого аллографа, в которой колена равновелики и правое колено спускается вниз, вплоть до занятия симметричного с левым коленом положения (б).

Другой аллограф раннего $н^2$ имеет разнонаправленные колена. Наиболее частый вариант (в) – левое колено смотрит вниз, правое – вверх; разница с орхонским вариантом не только в месте прикрепления колен – почти середина штамба и близко к друг другу (но не в одной точке), но и в том, что оба колена еще не доходят до краев строки. В Тон встречается зеркальный по отношению к аллографу (в) вариант: правое колено смотрит вниз, левое – вверх, оба уменьшены (г).

Уже в Тон есть начертания, близкие орхонским: правое колено доходит до верхнего края строки, но левое до нижнего края никогда не доходит; при этом левое колено

всегда чуть крупнее (д). В О оба колена доходят до краев строк, однако правое верхнее колено все еще чуть меньше левого. В орхонских начертаниях эти последние признаки диссиметрии устраняются: здесь оба колена равновелики, расположены строго симметрично относительно середины строки и доходят до краев строк (е).

В енисейских надписях со временем проявляются прямо противоположные тенденции: рассиметризация колен (ж), уменьшение колен и прикрепление их соответственно к вершине и основанию штамба (з), продолжение коленных вертикалей вверх и вниз за пределы строк (и).

Датирующими приметами в более узких пределах того или иного исторического этапа могут служить и другие знаки – для *б*^{1}, *г*, *ғ*, *й*^{1}, *р*^{2}.

К числу признаков дальнейшего развития тюркского рунического письма, особенно проявившихся в енисейских памятниках, относятся: прием зеркального переворота целого ряда знаков по горизонтали (см. табл. на с. 18-19, № 1, 2, 6, 10, 11, 12, 22, 23, 24, 26, 28, 38), появление совершенно новых знаков в составе алфавита (см. там же, № 39-51).

Несколько выводов относительно этапов развития и распространения рунического письма по данным палеографии.

Неустойчивость начертательных схем ряда знаков – *т*^{1}, *с*^{1}, *б*^{2}, *м*, *н*^{2} – в нескольких, относительно более ранних собственно тюркских надписях, таких как Тон, Чйр, О, КЧ – говорит о начальной стадии применения алфавита. Всего лишь через 20 лет, к моменту создания орхонских надписей, процесс выработки одновариантных, доведенных до полной симметрии знаков завершается. Ни уйгурские, ни енисейские, ни таласские рунические памятники к указанному процессу стабилизации не имеют отношения, они заведомо позже этого времени.

В уйгурских рунических памятниках представлены как более ранние аллографы указанных знаков (но не самые ранние, как в Тон, Чйр, О, КЧ), так и относительно более поздние, которых нет в тюркских надписях, но которые представлены как основные начертания в енисейских памятниках. Это может свидетельствовать в пользу того, что рунические письмо на Енисей пришло, скорее всего от уйгуров, приблизительно в конце VIII – начале IX вв.

Таблица палеографически значимых изменений в начертаниях некоторых знаков орхоно-енисейского рунического алфавита (к стр.58-66)

		(а)	(б)	(в)	(г)	(д)	(е)	(ж)	(з)	(и)	(к)
1.	m^1										
2.	c^1										
3.	$^{ö}к$										
4.	$б^2$										
5.	м										
6.	ö										
7.	$н^2$										

Тема VI: **Рунические памятники Тюркского каганата.**

Краткое содержание темы: *Памятники Тюркского каганата с территории современной Монголии: ранняя эпиграфика начального периода (конца VI в.); эпиграфика последнего периода – рунические надписи II Восточнотюркского каганата (первая половина VIII в.). Памятник в честь Тоньюкука. Описание памятника. Структура содержания. Разбор отдельных тематических частей надписи. Часть 1: Борьба за возрождение Тюркского каганата. Зачины к частям 2, 4, 5 в надписи Тоньюкука. Часть 4: Поход против кыркызов. Часть 7: Итоги царствования Ильтериш-кагана. Часть 8: Воцарение Капаган-кагана. Часть 9: Заключительная.*

Характеристика эпиграфических памятников Тюркского каганата

На территории современной Монголии, в ее центральной и западной части, в конце 19 – начале 20 вв. были найдены рунические памятники двух древних государств тюркоязычных племен – собственно тюрков и уйгуров. Их государства-каганаты существовали и имели здесь свои центры с 6-го по 9-й века. Однако памятники, установленные полководцам и каганам обоих этих государств, относятся к более узкому периоду в 110-120 лет: примерно с 710-х по 820-е гг. Часть этих памятников, числом 6 (пять крупных и один средний), принадлежит деятелям Тюркского каганата (551-744 гг.), в его последний период, называемый также Вторым восточнотюркским каганатом (682-744). От эпохи Великого тюркского каганата (551-603 гг.), до его раскола в 603г. на Западный и I Восточный каганаты, у нас есть лишь один эпиграфический памятник – стела из Бугута, найденная в 1968г. в Средней Монголии.

Бугутская стела входила в поминальный комплекс Таспар-кагана (годы правл. 572-580), третьего сына осно-

вателя Тюркского каганата Бумына. Надпись на стеле была сделана на двух языках – согдийском, языке государственного делопроизводства и внешних сношений, и санскритском, священном языке буддизма, ставшего государственной религией в каганате при каганах Мукане (годы правл. 553-572) и Таспаре. Из этого ясно, что в период наивысшего могущества тюркского каганата (а он заканчивается временем Таспар-кагана) у тюрков не было своего письма.

Учитывая это, проф. С.Г.Кляшторный относит возникновение тюркского рунического письма на последующее время, обозначая его как период "не позднее первой половины VII в.". Но и для такого предположения нет каких-либо фактических данных. Прежде всего, нет самих памятников столь раннего времени – VII в. Реально есть памятники только начиная с VIII в.

Во-вторых, нет, как будто бы, благоприятных исторических условий для столь важного мероприятия, как введение новой письменности: первая половина и далее до середины 80-х гг. VII в. было временем – сначала роста противоречий внутри Тюркского государства, приведших к его расколу в 603 г., затем последовавшего за этим ослабления I Восточнотюркского каганата, прекращения в 630 г. государственности тюрков на востоке и полного их подчинения Китаю на 50-летний срок. Благоприятные условия вновь возникают с воссозданием тюркской государственности во II Восточнотюркском каганате в самом конце VII в. и значительным усилением этого государства при его втором кагане – Капагане (годы правл. 691-716).

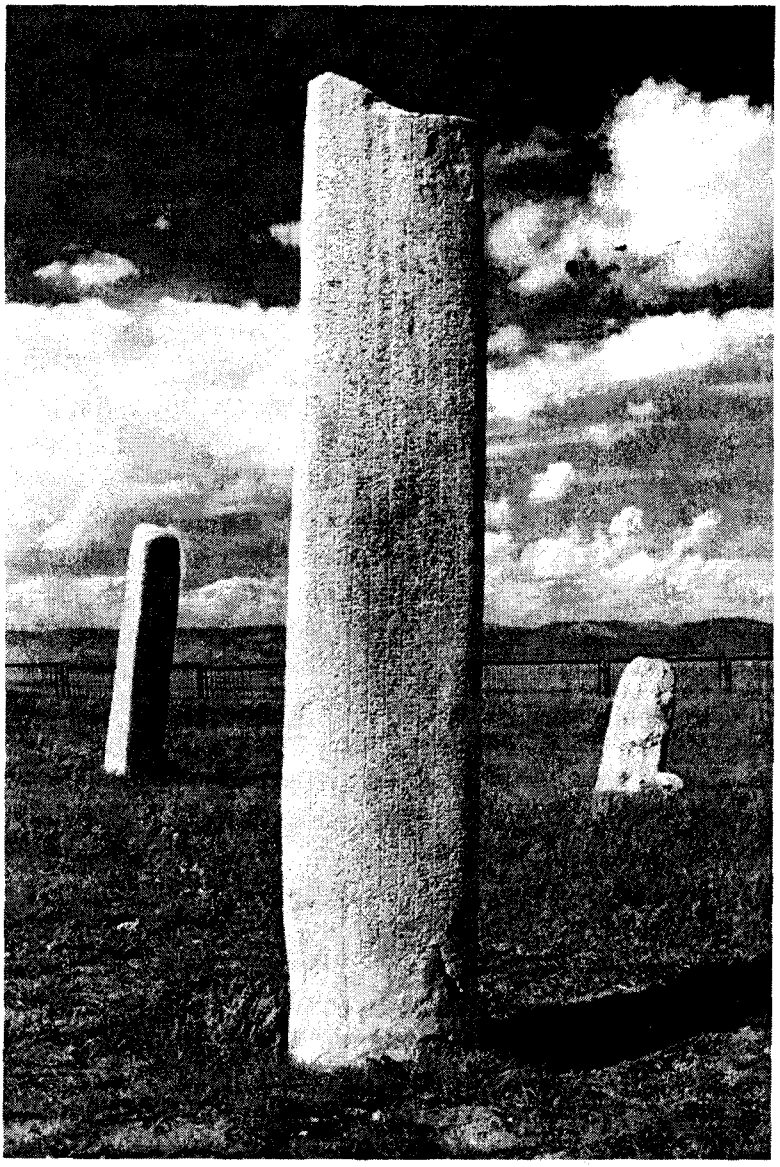
И в-третьих, как совершенно ясно из обозрения палеографических особенностей рунических памятников этого периода, представленного в предыдущей теме, формирование и отшлифовка рунического алфавита, выра-

ботка его классических форм происходила во время, близкое к эпохе создания ранних надписей, т.е. в 710-720-е гг.

К числу памятников II Восточнотюркского каганата (1-я половина VIII в.), как уже неоднократно указывалось в предыдущем изложении (см. с. 32, 49-52, 63-64, 65), относятся следующие пять крупных и одна поменьше, которые на основе хронологических оценок и палеографических данных можно объединить в две группы: а) группа относительно более ранних памятников 710-720-х гг.: Тон – памятник в честь Тоньюкука (710-е гг.); Чйр – Чойренская надпись (средняя по размерам, приблизительно одинакова по времени с Тон); О – Онгинский памятник (710-е гг); КЧ – памятник в честь Кюли-чора (720-е гг.); б) группа относительно более поздних памятников 730-х гг.: КТ – памятник в честь Кюль-тегина (732 г.); БК – памятник в честь Бильге-кагана (735 г.).

С точки зрения широты исторического содержания и совершенств языкового воплощения две великие орхонские надписи – КТ и БК, не имеют себе равных среди всех прочих эпиграфических памятников тюркоязычных народов и составляют золотой фонд тюркской филологии. Достаточно близка по этим характеристикам к КТ и БК, но все равно никак не сравнивается с ними, Тон: историческое содержание здесь не столь широко, стиль выражений менее изыскан, но прям и точен.

Изучение любой из этих трех надписей может занять почти весь годовой ресурс курса “Древние тюркские языки”. Поэтому кратко познакомимся с ними в отрывках и извлечениях: в данной теме – с надписью Тон, а в следующей теме – с орхонскими надписями КТ и БК.

Памятник в честь Тоньюкука
(урочище Баин-Цокто, Центральная Монголия)

Памятник в честь Тоньюкука

Памятник открыт в 1897 г. Е.Н.Клеменц. Издан впервые В.В.Радловым в 1899. Впоследствии Тон издавали вновь и вновь, к его переводам делали различные поправки многие крупные тюркологи: В.Томсен, С.Е.Малов, Х.Н.Оркун, Г.И.Рамстедт, Р.Жиро, Дж.Клосон, А.Н.Кононов, Т.Текин, Г.Хазаи, О.Ф.Серткая, С.Тезджан и др.

Надпись в честь Тоньюкука высечена на двух больших гранитных стелах, входивших в мемориальный комплекс этого видного сановника II Восточнотюркского государства и сподвижника его основателя, Ильтеришкагана. Памятник и скульптуры из комплекса (у всех еще в древнее время были отбиты головы) расположены в 50 км юго-восточнее Улан-Батора. Стелы и многие скульптуры, совершенно очевидно, из одной и той же породы (одинаковы по цвету и зернистости), т.е. изготовлены специально по этому случаю, о переиспользовании камней не может и быть речи. Две стелы с надписями почти одинаковы (но не идентичны) по размерам и форме. Стела I, почти строгий параллепипед: 239 см – высота от земли, не считая вкопанной части; 38 см – ширина лицевой стороны; 45см – ширина боковой стороны. Стела II, с прямоугольным основанием, которое внизу заметно шире, чем вверху (фигура усеченной вытянутой пирамиды): 211 см – высота; 56 см внизу и 43 см вверху – ширина лицевой стороны; 36 см внизу и 21 см вверху – ширина боковой стороны. На стеле I размещено 35 строк, на стеле II – 27, да и сами строки значительно меньше, чем на стеле I. Содержание одного из эпизодов, исчерпав место на стеле I, без каких-либо примечаний и повторений продолжается на стеле II.

Изложение в тексте надписи ведется в форме 1-го л. ед.ч., от имени самого мемориантa, Тоньюкука, и, судя по тому, что содержит его собственные рассуждения и размышления, его личные оценки, написана (или продиктована) действительно им самим, а не "от лица покойного мемориантa", как это имеет место в енисейских памятных надписях. Содержание в целом посвящено созданию и завоеваниям II Восточнотюркского каганата и той большой роли, по мнению Тоньюкука, которую он сыграл во всех этих событиях, будучи ближайшим советником и помощником кагана Ильтериша.

Содержательно столь длинный рассказ состоит из нескольких тематических частей: 1. вводная – о провозглашении Ильтериша каганом (строки 1-7); затем части, посвященные борьбе с главными соперниками тюрков: 2. война с огузами (стк. 8-17), 3. поход в Китай (стк 18-19), 4. война с кыркызами (стк 19-29), 5. война с тюргешами (стк 29-43), 6. поход в Среднюю Азию (стк43-48). Цикл военных повествований завершается 7-й итоговой частью (стк 48-50). Следующая, 8-я часть – короткий рассказ о воцарении Капаган-кагана и роли в этом Тоньюкука (стк 51-53), и 9-я часть, заключительная (стк 54-62), состоит из неоднократных повторений значимости для государства тюрков, находящегося под руководством Капаган-кагана, деяний и побед Ильтериш-кагана и "товарища его по мудрости и славе", как говорит о себе сам Тоньюкук.

Тематически можно выделить еще несколько мелких частей, например, исторически важный факт о размещении тюрков в Отюкенской Черни (на Хангае) после победы над огузами (строка 17) и др.

Познакомимся с 1-й, 4-й и отдельными местами из заключительной части.

Часть 1: Борьба за возрождение тюркского каганата

Надпись начинается энергичным введением в историческую обстановку конца VII в.:

(1) *Билге Тоӈуқуқ бен өзӱм Табғач илиңе қылынтым. Тӱрк бодун Табғачқа көрӱр эрти.* 'Мудрый (в делах правления) Тоньюкук, я сам был рожден в государстве Табгач (т.е. в Китае), [а] народ тюрков был подчинен Китаю'.

Напомним, что с 630 по 682 гг. Восточнотюркское государство временно не существовало, племена собственно тюрков (без союзников и подчиненных народов) были переселены в пределы Великой китайской стены, т.е. внутрь Китая. Формально тюрки находились на службе у китайского правительства (использовались как военная сила), фактически они были на положении пленников. Именно в этот период в Китае и родился Тоньюкук.

Бил-ге 'мудрый'– имя прил. очень древнего образования на *-ға / -ге* от *бил-* 'знать'. Как считал академик А.Н.Кононов, в словосочетании *Билге Тоӈуқуқ* «*билге* в данном случае, по всей вероятности, есть титул или звание, значение которого определяется семантикой его исходной основы: *бил-* 'управлять, распоряжаться', ... 'правитель', 'правящий'» (Кононов, Гр-ка тюрк. рунич. пам-ов, с.16-17).

Глагол *қыл-ын-* 'делаться, образовываться, появляться, возникать' (ДТС, 443) приобрел также значение 'рождаться' и в некоторых памятниках выступает в паре с глаголом *тоғ-* 'рождаться': *тоғмыш қылынмыш* 'родился'.

(2) *Тӱрк бодун қанин[2] болмайин[2] Табғачда адырылты, қанланты. Қанин[2] қодуп Табғачқа йана ичикди.* 'Тюркский народ, не имея собственного хана, отделился от Китая, обзавелся ханом, [но затем] бросив своего хана, снова подчинился Китаю'.

Словосочетание *қанин*[2] *болмайин*[2], не имеет однозначного толкования: *қан-и-н*[2] – можно понимать либо как форму вин. пад. на *-н*, либо как форму орудно-совм. пад. на *-н* после имени с притяж. афф. 3-го л. *-и*; *болмайин* – отрицат. дееприч. либо от глагола *бол-* 'стать' (возможно, также 'быть'), либо от глагола *бул-* 'находить'. Отсюда несколько вариантов перевода: "не став / не будучи со своим ханом / в отношении своего хана" (т.е. "не имея своего хана"), или же "не находя своего хана". Выражения "иметь своего хана" / "бросить своего хана" связаны с пониманием главного признака суверенности народа – наличие собственного верховного правителя: есть хан или каган – народ самостоятелен, нет хана – народ лишается самостоятельности.

Адыр-ыл- 'отделяться, разлучаться', производящая основа *адыр-* входит в число слов, имеющих межтюркское чередование инлаутного (находящегося в середине слова) согласного *-д-* (в древних яз. и совр. тув., тоф.), *-з-* (в ряде древн. и средневековых яз., а также в соврем. яз. хакасской группы – хак., шор., чулым. и сарыг-югурск.), *-т-* (в соврем. якут. и долган. яз.), *-й-* (в бол-ве соврем. яз. – огуз., кыпчак., карлук. и кирг.-алт. групп), *-р-* (в чуваш. яз.).

Ич-ик- 'подчиняться, покоряться', *ич* 'внутренность', *-ик* -афф., образующий от имен неперех. глаголы (*бирик-* 'объединяться', *ачық-* 'проголодаться' и т.п.), букв.: "становиться внутренним", имеет поэтому специфический оттенок 'покоряться иностранному правлению, становясь внутренним племенем государства-завоевателя'.

В приведенных фразах Тоньюкук схематично рассказывает о реальном историческом событии, известном из китайских источников, – восстании, которое подняли тюрки в 678-679 гг. против китайцев ("отделились от Ки-

тая") и которое закончилось неудачей – казнью китайцами их кагана, которого тюрки не сумели отстоять ("бросили").

Далее, в конце 2-й, в 3-й и начале 4-й строк Тоньюкук говорит о последствиях этих неудач, но облекает их в форму возмездия, которое насылает на тюрков Бог, за предательство посланного им, Богом, хана:

(2) ... *Теңри анча темиш эринч: «Қан бертим.* (3) *Қаниңин қодуп ичикдиң». Ичикдӱк ӱчӱн, Теңри: «Öл!», – темиш эринч. Тӱрк бодун ӧлти, алқынты, йоқ болты.* 'Бог так сказал: Я дал [тебе] хана. Ты своего хана бросил и подчинился. И вот из-за этого подчинения, Бог сказал: «Умри!». И тюркский народ умирал, исчезал, пропадал'.

Эринч – приглагольная частица, выражает различные модальные значения – усиление утверждения, возможность, неожиданность (ДТС, 178), образ. от глагола *эр-* 'быть'.

Алқ-ын- 'исчезать, погибать, умирать', возвр. форма от глагола *алқ-* 'губить, уничтожать', в соврем. яз. эти глаголы почти не употребляются.

В результате божественной кары силы тюрков были значительно подорваны:

(4) ... *Ыда ташда қалмышы қубранып йети йӱз болты. Эки ӱлӱги атлығ эрти, бир ӱлӱги йадағ эрти.* 'Оставшиеся по перелескам и холмам, собравшись, составили 700 человек. [Только] две трети (букв.: части) из них были конными, а одна треть – пешими'.

Ы – очень старое и редкое даже в древних памятниках слово, означает 'растительность', считается что от этого слова с помощью афф. *-ғач* в увеличительном значении образовано общетюрк. *ығач ~ ағач ~ йығач ~ йағач* (тув. *ыjаш*, хак. *ағас*) 'дерево' ("большое растение").

Йадағ 'пешком' – общетюрк. слово, кот. входит сразу в три ряда межтюркских чередований: начального

й- (*й-* ~ *ч-* ~ *ч-* ~ *ж-* ~ *д'-* ~ *з-* ~ *с-*), серединного *-д-* (*-д-* ~ *-т-* ~ *-з-* ~ *-й-* ~ *-р-*) и конечного *-ғ* (*-ғ*, *-ғ* >*-Ø*, *-ғ* >*-қ*, *-ғ* >*-в°* *(w)*, отсюда: тув. *чадағ*, хак. *чазағ*, сарыг-уйг. *йазағ*, тур. *йайа*, якут. *сатыы*, алт. *д'айу*, кум., караим., ног. *йайав°*, тат. *йайав°* ~ *ҷәйәв°* и т.д. (см.: ЭСТЯ IV, 68-69).

4) ... *Йети йӱз кишиг* (5) *удузуғма улуғы шад эрти. «Йағыл!», – тиди. Йағмышы бен эртим, Билге Тоңуқуқ.* 'Главный, предводительствовавший семьюстами человек, был шадом. "Присоединяйся!", – сказал он [мне]. И я присоединился, мудрый Тоньюкук'.

Киши-г – древняя форма обычного (без афф. принадл.) винит. пад. на *-г* от *киши* 'человек'.

Уд-уз-уғма – древняя форма прич. наст. вр. на *-ғма* от глагола *уд-* 'следовать' в форме побудит. залога с показат. *-уз*, букв. "заставляющий, тот, кто заставляет, повелевает следовать (за собой)". Глагол *уд-* тоже входит в чередовательный ряд *-д-* ~ *-т-* ~ *-з-* ~ *-й-* ~ *-р-*, но здесь известны древние формы на *-д-* и *-з-* (см.: ДТС, 605, 606, 621), а из современных языков этот глагол сохраняется только в форме с *-й-* главным образом в огузской группе (тур., туркм., азерб., гаг. *уй-* 'следовать'), в карлукских и ряде кыпчакских языков (в форме взаимно-совместного залога: узб., уйг., кирг. *уйуш-*, казах., ног., каракалп. *уйыс-* 'следовать за кем-л.'. В северо-восточных языках *-д-*, *-т-* ~ и *-з*-формы отсутствуют (см.: ЭСТЯ I, 573-574).

Йағ-ыл ... йағ-мыш-ы – только данный текст сохраняет самую древнюю форму глагола *йағ-* 'приближаться', который позднее выступает в двух вариантах: а) в форме *йағу-* 'приближаться', причем во многих современных языках сам глагол не сохранился, а есть производное от него прилагательное на *-қ* – *йағуқ* ~ *йавуқ* 'близкий': ср. туркм., аз. узб. *йов°уқ*, казах., каракалп. *жув°ық*, – и др., а также стяженные формы, в которых сонант *ғ* ~*в°* выпал, а соседние гласные образовали долгий: кирг. *ҷууқ*, алт.

д'уук, тув. *чооқ* 'близкий' (не только о местонахождении, но и о человеческих отношениях – дружбы, родства, свойства и т.д.); б) в форме *йақ-* 'приближаться', с производным на *-н – йақын ~ йағын* 'близкий' (в огуз.) ~ *ҷақын* (в кыпч.), хак. *чағын* и т.д. (см. подробнее: ЭСТЯ IV, 62-63, 81, 84).

Таким образом, буквальный смысл сказанного "приблизься ..., [и я] приблизился", – в более широком смысле означает, что возглавлявший небольшую племенную группировку шад (а это, как станет ясно в следующей строке, был будущий Ильтериш-каган) предложил Тоньюкуку, возглавлявшему другую племенную группировку, стать союзником. И Тоньюкук присоединился. Неспроста при этом он называет себя "мудрым": он не только не занял выжидательной позиции или, чего хуже, стал конкурировать, – нет, Тоньюкук сразу оценил перспективность шада для решительных политических действий тюрков (см. также след. строку).

(5) ... *«Қаған му қысайин^2?», – тедим.* 'Не сделать ли мне [его] каганом? – сказал я [себе]'.

Қыс-а-йин^2 – грамматически это – форма желат. накл. на *-а* с оконч. *-йин* 1-го л. ед.ч. (такое окончание с *-н*, а не с *-м*, считается приметой огузских языков, оно встречается в средневековых текстах, а также в соврем. туркм. яз); глагольный корень обычно объясняют как *қыс-* 'давить', в смысле: "не надавить ли мне на общественное мнение, на совет старейшин и добиться избрания?".

Свои размышления Тоньюкук выразил в притче, которая понятна в целом, однако направленность ее аллегории понимается по-разному:

(5) ... *Сақынтым: «Торуқ буқалы семиз буқалы ырақда* (6) *бөлсер семиз буқа торуқ буқа тейин билмез эрмиш», – тейин анча сакынтым* 'Я подумал: тот, кто издалека способен различить тощих и жирных быков, не мо-

жет сказать на жирного быка – тощий бык', – так я размышлял.

Торуқ буқа-лы семиз буқа-лы – дефисом отделен парный аффикс-частица *-лы*, выполнявший в древнетюркском и древнеуйгурском языках функцию союза между однородными членами (ср. русск.: *и ... и*).

Ырақда – общетюрк. слово, ср. тув. *ырақ*, хак. *ырах* 'даль, отдаленность; далекий, далеко'; интересна здесь форма падежа: местный, но в значении исходного. Дело в том, что в орхоно-енисейских памятниках исходного падежа, с показателем, на конце которого *-н* (т.е. *-дан*, как в большинстве современных тюркских языков, или *-дын*, как в современном уйгурском или древнеуйгурском языках), – нет, здесь падеж на *-да* совмещает функции местного и исходного падежей.

Бӧлсер – во многих прежних изданиях в качестве второй буквы в этом слове фиксировали 𐰴 : и, но затем ряд исследователей поправили ее на 𐰶 : ӧ (правомерность чего благодаря собственному осмотру стелы может подтвердить и автор). Форму на *-сер* в данном случае следует интерпретировать не как сказуемое условного оборота ('если отличает', или по-старому: 'если знает'), но как причастие в функции имени деятеля: 'различающий; тот, кто различает, способен различить'. Обычные значения глагола *бӧл-* в тюркских языках 'делить (на части)', 'отделять', 'отгораживать', но есть также 'размежевывать' (тат.), 'подразделять' (башк.) (см.: ЭСТЯ II, с.214-215).

Семиз буқа торуқ буқа тейин билмез – до сих пор во всех изданиях это место понималось как неспособность субъекта модальной формы глагола *билмез* (другое дело – кому отводилась роль субъекта) назвать, какие быки жирные, а какие – тощие. Наиболее подробно такое понимание обосновано в переводе С.Е.Малова:

"Я думал: если (будущий хан) вообще (*букв.* сзади, вдали) знает, (что у него есть) и тощие быки, и жирные быки, (б) но он не может (не способен, не знает) назвать (в отдельности, который) жирный бык (и который) тощий бык" (МПДП, с.65).

Таким образом, роль субъекта отводилась шадубудущему кагану, однако при этом оставалось не вполне понятным, почему все-таки шад не способен различить вблизи то, что различает издали. При такой трактовке получалось, что шад несведущ в каких-то практических вопросах. Эту подспудную мысль С.Е.Малов в переводе следующей фразы эксплицировал (сделал явной), поставив ее в скобки: "Затем: так как небо даровало мне знание, то (несмотря на малые способности хана), сам я захотел (его в качестве) хана". Однако даже намек на превосходство Тоньюкука над Ильтеришем (не говоря уже о столь прямом выводе, звучавшем в толковании С.Е.Малова) кажется противоречащим многочисленным в тексте надписи славословиям Тоньюкука в адрес Ильтериш-кагана, рядом с которым и благодаря которому (Тоньюкук это хорошо понимает!) сияла слава Тоньюкука.

Другие издатели избегали столь прямой адресации притчи Ильтериш-кагану, переводили ее в суждение общего плана. Вот как, например, трактует ее в своем новом переводе крупный турецкий специалист по древнетюркским надписям проф.Талят Текин: "Если (человеку) нужно будет определять издалека жирных и тощих быков, то он не сумеет определить которые быки жирные, а какие тощие" (T.Tekin. Tunyukuk Yazıtı. Ankara, 1994, s.3-4).

Хочется спросить: почему не сумеет? Зоркий глаз скотовода на значительном расстоянии может отличить свой скот от чужого, степень нагуленности животных и т.п.

Указанные традиционные и новые переводы основываются на следующем грамматическом понимании разбираемой фразы *семиз буқа торуқ буқа тейин билмез эрмиш*: "[вот] жирный бык, [а вот] тощий бык, – [некто] не знает/ сказать не сможет". По нашему мнению, между первым и вторым словосочетаниями существуют не разделительные отношения, а предикативные: "жирный бык [есть] тощий бык". Алогичность, абсурдность такого суждения преодолевается изъяснительным предикатом, отрицающим возможность так сказать: "[то, что] жирный бык – тощий бык, он [так] сказать не сможет (а не "не знает", как у всех, кроме С.Е.Малова), или, другими словами, "жирного быка тощим быком назвать не сможет".

Субъектом этого изъяснительного предложения является деятель (агенс), выраженный причастием *бөлсер* 'размежевывающий, различающий; тот, кто может размежевать, различить (издалека)'.

Но кто реально этот субъект? Думается, это не будущий Ильтериш-каган, как в прежних переводах С.Е.Малова и др. ученых, и не "вообще человек", как в переводе Т.Текина, а сам Тоньюкук. Именно себе он приписывает прозорливость (способность "издалека различить"), благодаря которой он в мелком племенном вожде увидел не "малые способности", а выдающегося человека ("жирного быка"). Как человек прямой (а таким предстает он на протяжении всей надписи) Тоньюкук не стал говорить на "жирное" – "тощее" ("на белое – черное"), а поступил исходя из этого факта. Поэтому:

(6) ... *Теңри билиг бертӱк ӱчӱн өзӱм өк қаған қысдым, Билге Тоңуқуқ.* 'Поскольку Божество-Небо дало мне мудрость, именно я, мудрый (в делах правления) Тоньюкук, сделал [его] каганом'.

Теңри – в древнетюркском языке значит и 'небо, небеса', и 'Бог, верховное Божество'. Представление, ког-

да небо является местом верховного божества, а земля и вода (земные и водные объекты) населены множеством божеств, подчиненных небу, характерно для шаманистско-анимистических культов. Позднее, когда тюркские племена принимали новые религии, слово *теңри* почти везде осталось в значении 'Бог'.

Бер-тӱк – форма имени действия на *-дық ~ -тық / -дуқ ~ -туқ / -дик ~ -тик / -дӱк ~ -тӱк*, функционировавшая в древнетюркском и древнеуйгурском языках, а из живых языков свойственная огузской группе.

В разбираемом предложении Тоньюкук ставит себе в заслугу мудрость своего выбора, который, как он считает далее, полностью оправдался:

(6) ... *Бойла баға тарқан* (7) *бирле Илтериш қаған болыйын берийе Табғачығ, өңре Қытаңығ, йӓрайа Оғузуғ ӱкӱш ök өлӱрти. Билиг эши, чаб эши бен ök эртим* 'Став каганом, Ильтериш вместе с Бойла бага тарканом много истребил: на юге – китайцев, на востоке – киданей, на севере – огузов. Его соратником в мудрости, его товарищем по славе был я'.

Бойла баға тарқан – официальный титул Тоньюкука, как можно заключить из того, что он приведен не только им самим здесь, в Тон, но и упоминается в БК при перечислении союзной знати. В этом словосочетании наиболее известный и чаще встречающийся термин *тарқан,* – традиционно обозначавший главного сборщика налогов, чиновника не самого высшего ранга. Видимо, два других термина, из которых известно лишь согдийское происхождение слова *баға*, служили какой-то (возможно, персональной) прибавкой к основному термину, «утяжелявшему» его социальный вес.

Бойла баға тарқан бирле Илтериш қаған – в этом словосочетании по правилам тюркского синтаксиса главное слово (субъект действия) не то, которое с послелогом

бирле, а то, которое после него, т.е. Ильтериш, поэтому политесс (правила вежливости) Тоньюкуком здесь не нарушены.

Бол^{ы}й^{ы}н, или, как чаще читают, *бол^{а}й^{ы}н,* – гласные, поднятые над строкой – это те, которые по правилам рунической орфографии (см. выше, с.24-25) не выписаны (иногда их ставят в скобки). Считается формой дееприч. на *-йын* от глагола *бол-* 'быть; стать', однако афф. *-йын* присоединяется к основам на гласный, как в слове *тейин* 'говоря' (см. выше, в строке 6) или *болмайин* 'не будучи' (см. выше, в стк 2). Поэтому-то здесь и читают морфологически никак не оправданный гласный на стыке основы и аффикса.

Берийе, өңре, йырайа – пространственные наречия, означающие буквально: 'направо', 'вперед', 'назад', – употреблялись также и для обозначения стран света. Тюркские племена ориентировались на восток, который для них был "впереди", юг – "справа", запад – "слева", север – "сзади". Отличительной чертой монгольских племен является ориентация лицом на юг, поэтому у них словом "направо" обозначается запад (ср. тув. *барыын* 'запад', 'правый (*политич.*)'), словом "слева" – восток и т.д.

Говоря о китайцах, киданях (крупное объединение монголоязычных племен) и огузах (уйгуроязычных племенах тюркской языковой семьи), Тоньюкук сообщает об основных противниках, в непростой борьбе с которыми обретал свое право на существование II Восточнотюркский каганат, а также географическую схему взаиморасположения основных народов региона. Тюрки располагались так, что у них с юга был Китай, с востока – кидани, а с запада – огузо-уйгуры. В следующей фразе 7-й строки Тоньюкук сообщает о местоположении тюрков:

(7) ... *Чоғай Қузин*[2] *Қара Қумығ олурур эртимиз* 'Мы жили [сначала] в Чогайской черни и Черных песках'.

Чоғай Қуз-и-н[2] *Қара Қум-ығ олурур эртимиз* – здесь неперех. глагол *олур-* "жить" в длит. прош. времени употреблен с винит. пад.: "населяли *кого, что*".

Эти два топонима локализуются обычно в излучине р.Хуанхэ, которую с юго-запада на северо-восток перерезают горы Ордоса. По возвышенным точкам гор проложена Великая китайская стена (построена в 300 г. до н.э. от набегов хунну-гуннов). От южных склонов на юг – китайская территория. Судя по слову *қуз* 'часть горы, не освещаемая солнцем', Чогай Кузы как раз и представляет собой северные предгорья Ордоса. С запада к Ордосу прилегает песчаная местность, являющаяся продолжением пустыни Алашань, расположенной к западу от Хуанхэ; вероятно, эти песчаники и есть древнетюркское Кара-Кум.

Тоньюкук тонко подчеркивает непритязательность этих мест, указывая далее на скудное пропитание, которое добывали здесь тюрки, и переводит все это в план мирного существования тюрков и агрессивных устремлений окружавших их государств:

(8) *Кейик йийӱ табышған йийӱ олурур эртимиз. Бодун ағзы тоқ эрти. Йағымыз тегре учуқ тег эрти, биз сег эртимиз* 'Мы жили, питаясь косулями и зайцами. Народ был сыт. Враги наши были вокруг [нас] словно хищные птицы, мы были [для них словно] падаль'.

Кейик – общетюрк. слово со знач. 'дикий (*о животных и растениях*)', а также некоторые промысловые виды парнокопытных, ср.: *киик* 'косуля' (хак., кирг., казах.), тур. *гейик*, кум. *гийиг*, узб. *кийик* 'олень', туркм. *кейик*, уйг. *кийик* 'газель' и т.п. (см.: ЭСТЯ V, 21-23).

Табышған 'заяц' – слово встречается во всех древних и ряде средневековых тюркских языков, из современных более характерно для огузской группы – тур. *тавшан*, туркм. *товшан*, азерб. *довшан*, – но есть также в

узбекском – *тушкан*, якутском – *табысған*, в качинском диалекте хакасского языка – *табысхан* (по материалам В.А.Боргоякова). Морфологически представляет собой форму причастия обычного действия на *-ған* от глагольной основы **табыш-* 'скакать, прыгать', т.е. "скачущий".

Только якутская и качинская формы *табысған ~ табысхан* сохраняют исконную морфологическую структуру, с минимальными фонетическими изменениями: **ш* > *с* и оглушением **ғ* > *х*. В остальных языках в результате фонетических изменений произошла морфологическая перестройка, затемнившая первоначальную структуру слова. В огузских формах произошли следующие изменения: 1) губно-губной смычный *-б-* в положении между гласными развился в щелинный *-в-* (*-б-* > *-в-*); 2) сонант *-ғ-* в середине и конце слова в огузских языках часто выпадает (*-ғ-* > ∅, ноль звука); 3) после выпадения *-ғ-* срединный узкий гласный трехсложного слова, имеющего последовательность ГСГСГ, по правилам тюркской фонетики сокращается (> ГССГ). В целом цепь изменений такова: **табышған* > **тавышған* > **тавышан* > *тавшан ~ товшан* (*а* > *о*, под влиянием соседнего *в*) ~ *довшан* (озвончение начальных зубных и заднеязычных смычных, т.е. *т* > *д*, *к* > *г*, – историко-фонетическое изменение, характерное для огузской группы).

В узбекской форме *тушкан* исконный *-ғ-*, в отличие от огузских языков, не выпал, а сохранился в оглушенном виде: *ғ* >*қ*, под влиянием глухого *ш*; в первом-втором слогах, вероятно, *-б-* > *-в-*, а дальше комплекс звуков *-авы-* мог развиться в дифтонг: *-аву-* > *-ову-* > *-оу-*, – который со временем перешел в краткий гласный: *-оу-* > *-уу-* > *-у-*. В целом цепь изменений такова: **табышған* > **тавышған* > **тавушқан* > **тоушқан* > **туушқан* > *тушқан*. Развитие комплекса *-авы-* > *-ову-* > *-оу-*> *-уу-* > *-у-* обычно для диалектов кыпчакского типа, в них сейчас подобные формы

этого слова отсутствуют, но, судя по русскому заимствованию *тушкан, тушканчик*, наверняка были.

Йийӱ – форма древнего дееприч. на *-ы / -и / -у / -ӱ*.

Олурур эртимиз – сложная форма прош. длительного времени (имперфекта) от глагола *олур-* ‘сидеть; иметь местопребывание; жить’, образованная из формы настояще-будущего вр. на *-ур* основного смыслового глагола и формы прош. категорич. на *-ды / -ты* вспомогат. глагола *эр-* ‘быть’.

Тегре – нареч. ‘вокруг’ и имя сущ. ‘то, что вокруг’; чаще встречается производное имя прил. на *-ки*: *тегреки* ‘находящийся вокруг, окружающий’ (см.: ДТС, 548-549). Морфологически – древний направит. падеж на *-ра*, как и *ичре* ‘внутрь; внутри’, *ташра* ‘наружу; снаружи’.

Учуқ – перевод ‘хищная птица’ предложен еще В.Томсеном, принимается условно, т.к. слово нигде больше не встречается.

Биз сег эртимиз – в оригинале написано: 𐰋𐰾𐰋𐰚:𐰉□:𐰋𐰚𐰴. Знак, переданный здесь в виде квадрата, на самом деле небольшой вытянутый прямоугольник, очень напоминающий позднюю енисейскую букву 𐰢 : *с, ш*, только без “усиков”, поэтому всеми принимается как *ш* или *с*. Х.Н.Оркун читал это слово с вопросом как *seğ* ‘бдительный’. Проф. Т.Текин предложил остроумную конъектуру (исправление вероятной ошибки в тексте на основе данных самого текста) – пропуск писцом буквы $т^2$, что дает возможность восстановить во фразе синтаксически параллельную структуру: *ӱ^{а}ғ^{ы}м^{ы}з т^{е}гре учуқ т^{е}г ^{э}рти биз ^{а}ш <т>^{е}г^{1} ^{э}рт^{и}м^{и}з*. Правда, Т.Текин, не принимая условного чтения *учуқ*, видит в нем *очуқ* ‘очаг, печь’, и его перевод принимает следующий вид: ‘Наши враги были

---

[1] В угловые скобки в филологических изданиях ставят знаки, отсутствующие в тексте.

вокруг как очаг, а мы (посередине) как пища' (Т.Текин, цит. соч., стр.4-5, 30-31). С.Е.Малов читал это слово как *шег* и семантизовал на основе монгольского слова *сег* 'падаль'. Очевидно, что это правильное решение, за исключением начального согласного, в чем убеждает форма данного слова в тувинском языке: *сек* 'падаль', оставшаяся С.Е.Малову неизвестной.

Фразой, подчеркивающей в иносказательной форме агрессивность соседей тюрков, Тоньюкук заканчивает вступительную часть своего повествования и подготавливает тем самым читателя и слушателя к воспритятию закономерности последующих военных столкновений.

Зачины к частям 2, 4, 5 в надписи Тоньюкука

Зачин – традиционное начало в сказках, эпических произведениях, часто объясняющее причину предпринимемых героем действий, его походов, сражений и т.п. Такой же, в сущности, эпический прием использует Тоньюкук, предваряя повествование частей 2, 4 и 5, в которых рассказывается о военных экспедициях тюрков против огузов, кыркызов и тюргешей. В начале каждой части сообщается, какая коалиция собиралась против тюрков: 2-я часть – огузы, китайцы и кидани (строки 8-10), 4-я часть – кыркызы, китайцы, западные тюрки – народ Десяти стрел, (строки 19-20), 5-я часть – западные тюрки – народ Десяти стрел и тюргешский каган с участием китайского войска (строки 29-30).

Об антитюркских планах коалиций каждый раз становилось известным из агентурных источников, например:

(29) ... *Түргеш қағанта көрүг келти, сабы антағ* 'от тюргешского кагана пришел (наш) соглядатай, речь его такова'.

Кӧр-ӱг ‘соглядатай, шпион’, имя на *-г* от глаг. *кӧр-* ‘видеть’.

Саб (в рунич. текстах) ~ *сав* (в др.-уйг. текстах) ‘слово, речь’, употреблялось в самых древних текстах (VIII-X вв.), а с караханидского времени (XI в.) заменяется общетюрк. словом *сӧз* ~ *сӧс* ‘слово, речь’.

Аналогичным образом и в 8-й строке “от огузов пришел соглядатай”. Лишь в 4-й части осталось неизвестным, от кого поступила информация.

Инфомация о планах антитюркских коалиционеров передавалась в виде речи одного из инициаторов коалиции; строилась эта речь по одинаковой схеме: давайте нападем на тюрков, иначе они нападут на нас; далее всегда следовало такое причинное обоснование, якобы содержавшееся в этой речи: “ибо каган у них герой, а советник мудр”·(строки 9-10, 20-21, 29). Далее описывались долгие мучительные размышления Тоньюкука, который “ночью не мог спать, и днем не находил покоя”, после чего следовал доклад (“просьба”, как сказано в тексте) кагану с инициативой совершить превентивный (упредительный) удар против одной из сил антитюркской коалиции. Основное содержание соответствующей части составляло описание похода, сведения о битве и подчинении народа.

Разберем только одно из военных повествований Тоньюкука, составляющее по нашей разбивке четвертую по счету часть надписи, – завоевательный поход против кыркызов.

Часть 4: Поход против кыркызов

(19) ... *Табғач қаған йағымыз эрти. Он оқ қағаны йағымыз эрти.* (20) *Артуқ Қырқыз кӱчлӱг қаған йағымыз болты. Ол ӱч қаған ӧглешип: Алтун Йыш ӱзе қабышалым, – темиш, анча ӧглешмиш. – Ӧңре Тӱрк қағанғару сӱлелим, –*

темиш. – Аңару сӱлемесер қач нең эрсер ол бизни (21) *қағаны алп эрмиш айғучысы билге эрмиш қач нең эрсер ӧлӱртечи кӧк. Ӱчегӱн қабышып сӱлелим, эди йоқ қысалым, темиш. Тӱргиш қаған анча темиш: Бениң бодуным анта эрӱр, – темиш. –* (22) *Тӱрк бодуны йеме булганч ол, – темиш. – Оғузы йеме тарканч ол, – темиш.* '(19) ... Каган табгачей (китайский император) был нашим врагом. Каган (народа) Десяти стрел был нашим врагом. (20) В добавление кыркызский сильный каган стал нашим врагом. Эти три кагана вместе рассудили: «Объединимся против Алтунской черни, – так, говорят, рассудили. – Пойдем походом против Тюркского кагана прежде (него). Если мы не пойдем против него, в таком случае он нас (21) – (тюркский) каган – герой, а советник его – мудр, – все равно истребит. Объединившись втроем, выступим походом, уничтожим (его) совсем», – (так), якобы, сказали. Тюргешский каган (при этом), якобы, сказал: «Там есть мой народ. (22) К тому же, – добавил, якобы, он, – тюркский народ (в состоянии) смуты, да и огузы (переживают) разброд»'.

Артуқ – имя на *-қ* от глагола *арт-* 'увеличиваться, прибавляться', наряду со знач. 'бóльший, больше', участвует в образовании сложных числительных, напр.: *отуз артуқы бир* 'тридцать один' (букв.: к тридцати добавление один); именно близкое к этому последнему наречное значение "в добавление" в данном тексте.

Ӧглеш- отименной глагол от существ. *ӧг* 'ум, разум, мысль', т.е. "размыслить, рассудить", форма взаимн. залога.

Қабыш- 'объединяться соединяться, сходиться', в др.-уйг. памятниках в формах *қавыш- / қавуш-* (с изменением *-в-* < *-б-*) встречается довольно часто (см. ДТС, 437-438).

Қач нең эрсер – букв.: сколько вещей если будет, т.е. сколько и чего бы ни было, в любом случае, все равно.

Бизни – формант *-ни* как показатель вин. падежа в др.-тюрк. языке применялся только при местоимениях.

Айғучы – причастие обычного действия на *-ғучы / -гӱчи* от глагола *ай-* ‘говорить, рассказывать, разъяснять’, здесь оно субстантивировалось: “тот, кто обычно разъясняет” > ‘советник’.

Өлӱртечи – от *өлӱр-* ‘убить, истребить’; формант *-тачы/-течи* функционирует в др.-тюрк. яз. и как причастие, и как глагольно-временная форма будущего времени.

Ӱчегӱн – ‘втроем’, афф. собират. числит. *-егӱ* и афф. инструментального (творит.) падежа.

Булғанч ... тарқанч – формы отглаг. сущ. на *-ч* от возвратн. глаг. на *-н*, соотвественно от *булған-* ‘волноваться, поднимать смуту, мятеж’ и *тарқан-* ‘расходиться, разбредаться’.

Приведенный зачин из 4-й тематической части надписи в честь Тоньюкука содержит такие элементы: сговор врагов тюрков, сведения об их намерениях напасть и причинное обоснование: если мы не нападем, то тюрки под руководством кагана-героя и его советника-мудреца нападут и уничтожат нас. Почти все это предстает в виде “заглазного”, заочного цитирования, передаваемого глагольной формой на *-мыш / -миш*: *темиш* ‘якобы, сказал’. Глагольно-временная форма на *-мыш* имеет здесь “пересказывательное” значение: говорящий сам не был очевидцем сообщаемых фактов, речей, он пересказывает их со слов еще какого-то лица. В этой, 4-й, части источник сведений тюрков не открыт, тогда как во 2- и 5-й частях этот источник – их собственный шпион.

Вторая часть зачина содержит реакцию Тоньюкука, его беспокойства и размышления, выработку им плана практических действий, доклад кагану.

(22) ... *Ол сабын ешидип түн йеме удысықым келмез эрти, <күн йеме> олурсықым келмез эрти. Анта сакынтым-а* (23) *илк Қырқызқа сүлесер йег эрмиш тедим. Көгмен йолы бир эрмиш, тумыш, – тейин эшидип, – бу йолын йорысар йарамачи, – тедим. Йерчи тиледим. Чөлги аз эри бултым* '(22) ... Когда я услышал эти слова, сон ко мне не приходил ночью, (днем) не находил я покоя. Тогда я стал размышлять. (23) Лучше было бы повести войска сначала на кыркызов, – сказал я. Узнав (букв.: услышав), что дорога на Кёгмен одна, и та закрыта, я сказал: не годится идти той дорогой. Я потребовал проводника, и нашел человека из степных азов'.

Саб-ы-н – саб ~ сав 'слово, речь', синоним слова *сöз* (см. выше, стр.84); *-ы* – афф. принадл. 3-го л.ед.ч., *-н* – афф. винит. пад., применяемый после афф-ов принадлежности.

Уды-сық-ым – основа глагола *уды-* 'спать', входит в ряд чередований серединного *-д-* (*-д-* ~ *-т-* ~ *-з-* ~ *-й-* ~ *-р-*), см. выше; *-сық* – афф. имени действия будущего времени с оттенком долженствования: букв. "долженствующее придти мое засыпание". В отличие от аналогичного по синтаксич. функциям имени действия на *-дық* (прош. и наст. вр.), имя действия на *-сық* в соврем. языках не функционирует.

Олур-сық-ым – форма, грамматически аналогичная разобранной выше *удысықым,* от глагола *олур-* 'сидеть'.

Йег 'хороший; лучше' – слово встречается в древних языках, а из соврем. яз. представлено только в огузской группе.

Тумыш – пересказывательное ("заглазное") прош. вр. от глагола *ту-* 'закрывать, преграждать'. О характере преграды можно судить по отглаг. сущ. *туг* 'преграда, завал (снежный и пр.), запруда', 'заслонка, задвижка' (ДТС, стр.584), т.е. не только естественно образовавшаяся, но и

искусственно созданная преграда. Это важно для реального толкования данной фразы. Все издатели понимали это место как "дорога заваленная [снегом]", не придавая значения тому факту, что реально осуществленный поход против кыркызов, описываемый строкой ниже, состоялся как переход через очень заснеженные горы. Глагол 'преграждать' можно увязать с нашими сведениями о фортификационной защите кыркызов. Раньше зимой, когда Енисей замерзал (до строительства электростанций) и становился прямой и удобной дорогой через Саяны на север, кыркызы в теснине Саянского каньона просверливали проруби и в них вмораживали надолбы – остро заточенные кверху толстые бревна, преграждая дорогу для конницы. Что и узнал Тоньюкук.

Йара- – общетюрк. глагол 'годиться, подходить; быть к лицу, быть приятным', ср. хак. *чара-*, алт. *д'ара-*; в тув. самого глагола нет, но есть отглаг. имя на *-ш*, широко представленное в тюрк. яз., чаще как адъектив (имя, перешедшее в прилагательное), – *чараш* 'красивый, пригожий'.

Чӧлги аз эри – народность, или племенное объединение *азов* всего несколько раз упоминается в древнетюркских надписях; по надписи КТ, тюрки сразились с азами в 715 г. у оз.Карахоль, в Западной Туве. Из приведенного выражения в Тон можно понять, что азы могли делиться на горных, – вероятно, по обеим сторонам Западного Саяна, и равнинным, степным, – вероятно, в Приабаканских степях современной Хакасии. Азов тюркских надписей некоторые ученые сопоставляют с древними племенами ассанов, говоривших на диалектах кетской языковой группы (см. также ниже, с.173). В далеком прошлом языки кетской группы были распространены на большем пространстве Южной Сибири, со временем многие кетские (а также самодийские) племена пере-

шли на языки тюркской группы и вошли в состав тюркоязычных народов данного региона.

После расспросов проводника-аза (текст в этом месте поврежден и грамматика его недостоверна), Тоньюкук узнает о дороге вдоль реки Ан (на совр. карте Хакасии это р.Большой Он и вбирающая его р.Она), кот. впадает в Абакан практически уже на равнинной части, чуть западнее совр. Абазы. Обе эти реки составляют прямой путь от перевала через Западный Саян на север к р.Абакан, центру Хакасско-Минусинской котловины; от перевала к югу до р.Хемчик, крупнейшего притока Енисея в Западной Туве, путь проходил по долине р. Ак-Суг. Описанная трасса используется и в современную эпоху как одна из двух главных транспортных артерий, связывающих Туву и Хакасию. Тоньюкук резюмирует:

(24) ... *Ол йолын йорысар унч, – тедим. Қағаныма* (25) *өтүнтүм* 'Пойти той дорогой возможно, – сказал я. Моему кагану я доложил (букв.: попросил).'

У-н-ч – отглаг. имя на *-ч* от возвратн. ф. на *-н* (ср. выше, *булғанч* и *тарқанч*) древнего глагола *у-* 'мочь, быть в состоянии', который уже к XI в. употреблялся преимуществ. в отриц. формах *ума-* 'не мочь' и в ряде производных имен, среди них особенно известно субстантивир. прич. на *-ған: уған* '(Все)могущий, Бог', – но сам глагол к тому времени уже вышел из употребления.

Содержание доклада ("просьбы") кагану не приводится, поскольку оно изложено выше, при выработке плана похода. Последующие четыре строки надписи (стк 25-28) составляют описание собственно кыркызского похода тюрков.

(25) ... *Сӱ йорытдым. Атлат, – тедим. Ақ Термел кече оғрақлатдым ат ӱзе бинтӱре қарығ сӧкдӱм йоқару ат йете йадағын ығач тутуну ағтуртым өңреки эр* (26) *йуғуру ы бар баш ашдымыз йубулу интимиз* 'Я повел войско.

На коней! – сказал я. Пройдя (реку) Ак-Термель, я приказал поставить (подразделениям) задачи. Нагрузив лошадей, я проложил дорогу по снегу. Я приказал (воинам) подниматься вверх пешими, ведя в поводу коней и держась за деревья. (Благодаря тому, что) передние утаптывали (букв.: месили) [снег], мы перевалили гору, на которой была (кое-какая) растительность, и скатывались вниз'.

Кеч-е – обычно переводят "перейдя", но возможно и "пройдя (реку до верховьев)", имея в виду, что тюркам надо было подниматься вдоль реки в горы.

Оғрақ-ла-т-дым – данный глагол больше не встречается ни в одном памятнике, производящее слово **оғрақ* тоже отсутствует, есть близкое по звучанию *оғрағ* 'цель, намерение' – имя от глагола *оғра-* 'направляться, намереваться'; поэтому значение глагола *оғрақлат-* устанавливается приблизительно и разными учеными – по-разному.

С.Е.Малов перевел: "я приказал остановиться (тыловым) лагерем". Вряд ли это был тыловой лагерь, поскольку, как мы знаем из дальнейшего текста, тюрки не вернулись в это место, следовательно они не думали здесь оставлять какие-либо припасы.

Дж.Клосон считал, что *оғрақлат-* может иметь два значения: более предпочтительное – 'выбирать удобный момент' или, менее вероятно, 'назначать встречу'. Однако ни то, ни другое не соответствует фактической ситуации: подойдя к заснеженным перевалам, какой удобный момент можно выбирать, если только не ждать наступления весны? Вряд ли была назначена здесь встреча войск: из текста ясно, что никто не подошел и, как будто, никого не ждали. Это соображение действительно и по отношению к более раннему переводу В.Томсена: "я приказал, чтобы собрались".

Если исходить из значения производящего слова *оғрағ* ‘цель, намерение’, тогда **оғрағла-* > *оғрақла-* ‘поставить (перед кем-л.) цель, намерение, задачу’, отсюда *оғрақлат-* ‘приказать (командирам) поставить (перед людьми) цели, задачи’. Предлагаемое толкование, как будто, укладывается в контекст, поскольку вслед за этим словом описываются конкретные действия.

Ат ӱзе бинтӱре – обычно переводят “Приказав (людям, солдатам) сесть на лошадей” (С.Е.Малов, Дж. Клосон, Т.Текин), не обращая внимания, что в этой же строке чуть ниже (см.) о способе движения лошадей говорится нечто совсем иное. Понуд. форма означает не только ‘приказать кому-то сесть верхом, посадить кого-л. верхом’, но также ‘нагрузить лошадь или др. животное поклажей’, ср. тур. *bindir-* ‘заставить, позволить сесть верхом’, ‘нагрузить’.

Сӧк-дӱм – общетюрк. глагол *сӧк-* ‘распарывать (*по шву*)’ имеет также знач. (например, в тур.) ‘прокладывать себе дорогу; пробираться; переправляться; проезжать *через что*; проходить; пересекать’.

Йет-е – дееприч. на *-а/-е* общетюрк. глаг. *йет-* ‘вести на поводу навьюченное животное; вести за руку человека’, ср. тув. *чет-*, як. *сиэт-* то же, хак. *чидек* ‘повод’ и др. (см. ЭСТЯ I 387).

Йуғур-у – дееприч. на *-у* от общетюрк. глаг. *йуғур-* ‘месить (тесто, глину)’; в нек. яз. этот глагол получил наращение интенсифицирующего афф. *-а*, корневой слог через стадию образования долготы сократился, напр. хак. *чура-* ‘замесить, развести (в воде/молоке)’: < **чӯра-* < **чу(ғ)ура-* < **йуғур-а-*. Аналогичное развитие прошел алтайский глагол *д'ура-* (см. также: ЭСТЯ IV 243-244).

Ы бар баш ашдымыз – это предложение представляет пример древнего синтаксиса, когда все отношения передаются аналитически, при помощи позиции слова отно-

сительно других слов в предложении, без участия морфологических категорий, букв.: "растения есть гора мы перешли".

Йуб-ал-у 'скатываясь' – дееприч. на *-у* от ф. страд. зал. на *-л* глагола *йуб- ~ йув-* 'катить, скатывать', кот. сохраняется в основном в огузской группе, но есть также в тув. *чуғ-* (*чуур*), с характерным производным *чуңғу* 'склон горы (*где катаются на санях и лыжах*)' < * *чууңғу* < * *чуғун-ғу* – причастие долженствования и возможности на *-ғу* от формы возвратн. залога на *-н*, с последующей субстантивацией (< "[место], где можно скатываться"). Тувинская форма свидетельствует, что данный глагол применялся для скатывания с горы.

(26) ... *Он түнке йантақы туғ эбирӱ бардымыз. Йерчи йер йаңылып боғузланты. Буңадып, қаған: йелӱ көр темиш.* (27) *Аны субқа бардымыз. Ол суб қоды бардымыз. Ашанғалы түшӱртӱмӱз, атығ ықа байур эртимиз. Күн йеме түн йеме йелӱ бардымыз. Қырқызығ уқа басдымыз.* 'За десять ночей нам (пришлось) обойти боковой обвал. Проводник сбился с пути и был задушен. Огорчившись (происшествием), каган приказал: постарайтесь быстрее скакать. (27) Мы двинулись по реке Аны. Мы шли по той реке вниз. Чтобы [лошади] могли подкормиться, мы спешивались, а лошадей привязывали к деревьям. Мы скакали днем и ночью. Кыркызов мы застали врасплох'.

Йан-та-қы – "находящийся сбоку", общетюрк. *йан* 'бок, сторона', саг., тув. *чан*, алт. *д'ан*, тур. и др. *йан*.

Туғ – 'завал (снежный), запруда', ср. хак. *туғ* 'пруд' и др.; см. также выше, стр.82, объяснение к стк 22-23: *Тумыш*.

Эбир-ӱ – дееприч. на *-у / -ӱ* от общетюрк. глаг. *ећир- ~ евир-* 'поворачивать, вертеть' (отсюда: 'скручивать нить, прясть'), в хак. *ибір-*, алт. *ебир* 'обходить (кругом, вокруг чего-л.)' (см.: ЭСТЯ I 228-229).

Буң-ад-ып – дееприч. глагола, образ. малопродуктивным уже в древности афф-ом *-ад* от имени *буң* ‘горе’ (ср. еще: *қутад-* ‘быть счастливым’ – от *қут* ‘счастье’): ‘горевать, огорчаться’.

(А)ш(а)-н-ғ(а)лы – имя действия цели (супин) на *-ғ(а)лы / -г(е)ли,* но от какого глагола? Разные издатели читали его по-разному. В.В.Радлов – как *аш-ын-ғалы* ‘чтобы взобраться’, что не подходит, поскольку войска уже перешли перевал. В.Томсен и вслед за ним Х.Н.Оркун и С.Е.Малов – как *сана-ғалы* ‘чтобы пересчитать (войска)’, что не имеет особого смысла и уж тем более не требует от воинов спешивания. Т.Текин, вернувшийся к переводу В.В.Радлова, ранее разделял единственный, по-моему, верный перевод П.Аалто, подправленный позднее Дж.Клосоном в отношении морфологического состава глагола – *аша-н-ғалы* ‘чтобы подкормиться’.

Представляется важным уточнить еще один момент. Люди спешивались не для того, чтобы самим поесть – в этом не было необходимости: древние воины-конники были приучены справлять все свои потребности, не покидая седла. Людям приказывали спешиться, чтобы дать возможность подкормиться лошадям. При этом, привязывая лошадей к деревьям, им не давали разбрестись. Командование спешило с марш-броском.

У-қа – форма дат. пад. от *у* ‘сон’, кот. встречается только в древних языках и соотношение которого с общетюрк. глаг. *уйу-* (огуз., кыпч.) ~ *уду-* ~ *уды-* (тув. и древние яз.) ~ *узу-* (хак., шор.) до сих пор остается загадкой (см. ЭСТЯ I 579-581).

Кажется, выражение *у-қа басдымыз* не нужно понимать буквально: “напали (ко времени, во время) сна”, поскольку по тексту далее следует, что сражение было позже, с регулярным ханским войском.

(28) *Қаны сӱси терилмиш. Сӱңӱшдимиз, санчдымыз, қанин*[2] *ӧлӱртимиз. Қағанқа Қырқыз бодуны ичикди йӱкӱнти. Йантымыз Көгмен йышығ эбирӱ келтимиз* ‘Хан их и войско, оказывается, уже собрались. Мы сразились (с ними) и разгромили (их), их кагана мы убили. Народ кыркызов подчинился (нашему) кагану, поклонился (ему). Мы возвратились (к себе), обойдя Кёгменскую чернь’.

Тер-ил-миш – ф. неочевидного (заглазного) прош. вр. на *-мыш / -миш* страд. залога на *-ыл /-ил* общетюрк. глаг. *тер- ~ дер-* ‘собирать, соединять’ (ЭСТЯ III 204-205). В имеющихся переводах обычно не обращается внимания на заглазность формы прошедшего времени, которая показывает, что войско собиралось не после того, как неожиданно пришли тюрки (на их глазах), оно было уже, оказывается, собрано к моменту их вторжения.

Йӱкӱн-ти – прош. вр. глаг. *йӱкӱн-* ‘склонять голову (*в религ. ритуалах, а также в знак покорности*)’, широко представлен в древних яз., в соврем. яз. огузской, кыпчакской, булгарской (чув.) групп, в остальных выборочно: есть в кирг., но нет в алт., из яз. северо-вост. группы представлен только в як., но отсутствует в хак., тув. и др. (ЭСТЯ IV 264-265). Присутствие в тексте глагола “поклонился” (наряду с “подчинился”) отражает, очевидно, принесение каких-то формальных заверений покорности со стороны племенного, или, скорее даже, межплеменного объединения, называемого “кыркыз бодун – народ кыркызов”, кагану тюрков.

Часть 7: Итоги царствования Ильтериш-кагана

После рассказа о весьма успешном с точки зрения военной добычи походе в Среднюю Азию (6-я часть, стк 43-48) непосредственно в 48-й строке начинается подведение итогов царствования Ильтериш-кагана, которое состоит из «офици-

альной» части – сообщения о числе военных походов, предпринятых самим каганом или его полководцами, и к которой Тоньюкук посчитал необходимым добавить фразу о значении его личности в успехах Ильтериш-кагана.

(48) ... *Илтериш қаған билгесин ӱчӱн* (49) *алпин*^{2} *ӱчӱн Табғачқа йети йигирми сӱңӱшди, Қытаңқа йети сӱңӱшди, Оғузқа беш сӱңӱшди. Анта айғучысы* (50) *йеме бен ӧк эртим йағычысы йеме бен ӧк эртим. Илтериш қағанқа, тӱрк бӧгӱ қағанқа, тӱрк билге қағанқа.* ‘Ильтериш-каган благодаря своей мудрости, благодаря своей храбрости с китайцами (табгачами) сражался 17 раз, с киданями сражался 7 раз, с огузами сражался 5 раз. Тогда я был и советником (в делах), и воителем в сражениях – Ильтериш-кагану, тюркским мудрым каганам, опытным (в делах правления)’.

Алп ‘храбрый, отважный’ – общетюрк. слово, встречается в древн. яз., совр. огузск., кыпч, карлукских (узб.), хак., алт. *алып* ‘богатырь, герой’.

Билге-си-н ӱчӱн алп-и-н^{2} *ӱчӱн* – прилагательные *билге* ‘мудрый’ и *алп* ‘отважный’ здесь субстантивированы, о чем свидетельствует наличие аффиксов принадл. 3-го л. и винит. пад. на *-н* от притяжат. имен.

Йети йигирми – в орхонских, а отчасти и в енисейских памятниках действует особая система составных числительных в пределах второго, третьего и четвертого десятка (от 11 до 39): здесь вместо системы «прибавления к достигнутым десяткам последующих единиц» (*он йети* ‘семнадцать’ = “десять [и] семь”) применяется система «приближения единиц к следующему десятку» – *йети йигирми* “семь [в направлении] двадцати” = семнадцать. После сорока действует более обычная система прибавки: *қырқ артуқы йети* ‘сорок семь (букв.: сорок прибавить семь)’. Эта система была разгадана венгерским тюркологом Йожефом Марквартом, но позднее была обнаружена

исследователями в сарыг-югурском языке (в счете от 11 до 29).

Йағычы – в языке более позднего периода – караханидско-уйгурском XI в., это слово перешло в разряд прилагательных: 'воинственный' (ДТС, 224). Однако в орхонских и енисейских памятниках, встреченное всего лишь дважды, оно ощущается как имя. Его морфологическую природу можно объяснить двояко: либо это отименное сущ. с показ. имени деятеля на *-чы / -чи* от *йағы* в знач. 'война' (у *йағы* есть также другое знач.: 'война'), либо это прошедшее субстантивацию древнее малопродукт. прич. на *-чы /-чи* от глагола * *йағы-* 'воевать, сражаться', однако фиксация этого глагола недостоверна (см. ЭСТЯ IV 55-56).

Түрк бөгү қағанқа, түрк билге қағанқа – традиционно в названных словосочетаниях видели собственные имена, в последнем из них – которое повторяется в заключительных частях надписи еще дважды: в стк 58 и 62, – видели Бильге-кагана (гг. правл. 716-734), почему и существуют расхожие мнения о длительности служения Тоньюкука подряд сразу трем каганам. С признанием этого обстоятельства связана возможность более поздней датировки самой надписи Тон (о чем уже говорилось в теме IV, см. выше, с.52). Думается, наличие прилагательного *тюрк* делает невозможным понимание этих словосочетаний как имен собственных, поскольку имя собственное не нуждается в этническом определении. Поэтому указанные словосочетания следует толковать как нарицательные и синонимичные друг другу, так как выражены синонимами: *бөгү* 'мудрый, мудрец' (ДТС, 116), *билге* 'мудрый, мудрец' (ДТС, 99).

Часть 8: Воцарение Капаган-кагана

Самая короткая, 8-я тематическая часть надписи Тон занимает неполных четыре строки – с 51 по 54, и посвящена

Капаган-кагану. Прежде всего, Тоньюкук прямо указывает на свою причастность к воцарению Капагана, младшего брата своего главного патрона, Ильтериша:

(51) ... *Қапаған қаған олуртдым* – букв. "я посадил (на трон) Капаган-кагана ".

Затем Тоньюкук в духе фольклорных зачинов описывает свои старания на благо государства Капаган-кагана:

(51) ... *Түн удыматы,* (52) *күнтүз олурматы, қызыл қаным төкти қара терим йүгүрти ишиг күчиг бертим ök* 'Я не спал ночью, днем не находил покоя, проливал свою алую кровь, трудился до седьмого пота, отдавая все свои силы.'

Уды-ма-ты ... олур-ма-ты – дееприч. на *-ты / -ти* от отриц. основы глаголов *уды-* 'спать', *олур-* 'сидеть'. В последующие периоды этот показатель начинает употребляться исключительно с отрицанием, образуя отрицательное деепричастие на *-маты /-мады*, а также с наращениями: *-матын /-мадын*, а в караханидско-уйгурском языке встречается даже форма *-мадып*, представляющая сращение *-мады* с другим деепричастием – на *-п*.

Қызыл қаным төкти қара терим йүгүрти – при общей понятности этой части фразы морфологическое строение глагольных форм и связанные с этим семантические нюансы не совсем ясны. Прежде всего глагольные формы неодинаковы в отношении переходности: *төк-* 'лить (*что; перех.*), *йүгүр-* 'бежать (о чем-л.; неперех.)'. Многие специалисты видят в них деепричастия на *-и* от основ в понудит. залоге: *төк-(ү)т-и ... йүгүр-т-и* (переводы С.Е.Малова, А.Н.Кононова, Т.Текина). Однако разница в степени переходности при этом остается, получается примерно так: "допуская (в силу неизбежных обстоятельств; не заставляя же!), чтобы враги проливали мою красную кровь), заставляя бежать мой обильный пот". В древних и современных языках от глагола *төк-*

форма понуд. залога на *-ӱт* не зафиксирована, только на *-тӱр*. Может быть, поэтому в данных формах следует видеть не каузативы на *-т-* плюс деепричастия на *-и*, а деепричастия на *-ти*, правда фиксировавшиеся до сих пор только при отрицаниях?

Завершается эта краткая, но насыщенная самооценками часть надписи упоминанием конкретных мероприятий по организации военной и оборонной деятельности, инициатором которых был Тоньюкук:

(52) ... *Узун йелмег йеме ы[д]тым оқ.* (53) *Арқуй қарғуғ олғуртдым оқ. Йанығма йағығ келӱрӱр эртим* ... (54) *Бу тӱрк бодун ара йарықлығ йағығ йелтӱрмедим тӧгӱнлиг атығ йӱгӱртмедим* 'Это ведь я рассылал на далекие расстояния подвижные конные отряды. (53) Именно я приказал установить сигнальные башни в горах. Я приводил врагов, надумавших вернуться (к нам с повинной). Я не позволял (хорошо вооруженным) врагам в кольчугах проникать в тылы (букв.: в середину) нынешнего тюркского народа, я не допускал, чтобы угоняли клейменых коней'.

Йелме-г – ф. винит. пад. на *-г* отглаг. имени на *-ма/-ме*, образ. от глагола *йел-* 'скакать, мчаться (*на конях*)'; *йелме* – подвижной отряд конников, применявшийся для рейдов в расположении противника с целью активной разведки и внезапных, с быстрым отходом атак

Арқуй қарғу-ғ – в этом словосочетании второе слово в двух разновидностях *қарғу* и *қарғуй* приводит Махмуд Кашгари с точным значением (которое иначе мы бы не знали): "сигнальная сторожевая башня". Значение первого слова устанавливается примерно, на основании близкого по звучанию *арқу* 'изрезанный ущельями (о горах)' и *арғу* 'долина между горами' (*арғу* – тоже из Словаря Махмуда Кашгари, см.: ДТС, 51, 54).

Олɣур-т-дым оқ – понуд. ф. на *-т* глаг. *олɣур-* ‘посадить’, т.е. букв.: ‘я приказал посадить/установить (башни)’, – эмфатич. частица в знач. ‘ведь, именно’.

Йаныɣма йаɣы – одно из знач. прич. на *-ɣма / -гме* – обычное действие: *йаныɣма* “возвращающийся”. Имеется в виду ситуация, когда какое-либо племя или объединение откочевывало, сбегало из-под власти тюрков, становилось им врагом, а затем передумывало и возвращалось (*йан-* не “вновь приходить”, но именно “возвращаться на прежнее место”). По отношению к таким “возвращающимся” Тоньюкук не занимал репрессивной позиции, не нападал на них, не громил, но сопровождал с войсками (ибо осторожность требовала этого) их движение в центр или во внутренние районы государства на размещение, для церемонии изъявления покорности.

Йарықлыɣ йаɣыɣ йелтӱрмедим – понудит. ф. отриц. глаг. означает не только “не заставлять налетать, наскакивать”, но и “не позволять, не давать возможности”. В переводе С.Е.Малова “на этот (свой) тюркский народ я не направлял (хорошо) вооруженных врагов и не приводил снаряженную конницу”, а также в переводе в ДТС, с.241: “к этому тюркскому народу я не приводил врагов”, – возникает иной смысловой акцент, будто Тоньюкук заверяет в своей верности и порядочности. Думается, речь шла о другом, что видно из сопоставления смыслов двух фраз, одинаково говорящих о врагах: одних врагов, возвращающихся с повинной, Тоньюкук пропускал и даже сопровождал, тогда как вооруженных врагов-налетчиков он не пропускал, не давал им пройти.

Тӧгӱнлиг атыɣ йӱгӱртмедим – аналогично с рассмотренным выше каузативным глаголом *йелтӱрмедим* необходимо понимать и реальное содержание каузативности глагола *йӱгӱртмедим* как “не позволял угонять

клейменых коней", ср. в ДТС, 579: "я не устраивал набеги на клейменых конях".

Часть 9: Заключительная

Заключительная, 9-я часть начинается на 54-й строке, сразу же за рассказом о деятельности Тоньюкука в царствование Капаган-кагана, и представляет собой возврат к теме Ильтериша.

(54) ... *Илтериш қаған қазғанмасар* (55) *уду бен қазғанмасар ил йеме бодун йеме йоқ эртечи эрти. Қазғантуқин*[2] *үчүн уду өзүм қазғантуқым үчүн* (56) *ил йеме ил болты бодун йеме бодун болты. Өзүм қары болтым улуғ болтым* ... (58) *Түрк билге қаған илиңе бититдим.*

'Если бы Ильтериш-каган не приобретал, (55) и следом (за ним) если бы я не приобретал, то ни государство, ни народ не существовали бы. Благодаря его приобретениям, и следом (за ним) благодаря моим приобретениям и государство стало (настоящим) государством, и народ стал (настоящим) народом. Я сам стал старым, стал старейшиной. ... (58) Я велел написать (все это) для государства тюркских каганов, мудрых (в делах правления)'.

Қазған-ма-сар – условная форма (дееприч.) на *-сар* от отриц.ф. глаг. *қазған-* 'приобретать, добывать, зарабатывать', продуктивного в древних яз. и соврем. яз. огузской и кыпчакской групп.

Уду – дееприч. на *-у* от глаг. *уд-*'следовать, последовать (за кем-л.)', здесь фактически перешло на полож. союза 'и, также', поскольку занимает обособленную от имени позицию в предложении.

Йоқ эртечи эрти – аналитич. форма сослагат. накл. от глагола *эр-* 'быть', здесь с отрицанием: "не было бы, отсутствовало бы" (см. подробнее тему XII).

Қазған-туқ-ым ӱчӱн – имя действия на *-дық ~ -дуқ* (см. выше, примеч. к стк 6) употребляется в различных обстоятельственных конструкциях: *-дық* + афф. принадл. + падеж и/или послелоги.

Улуғ болтым – все издатели переводят "стал великим", упрекая Тоньюкука в нескромности, однако нечто иное, вероятно, имел в виду сам Тоньюкук. У Махмуда Кашгари приводится употребление слова *улуғ* в значении 'старший, на́больший в племени'. Возможно, данное выражение синонимично первому ("стал старым") – "стал старейшиной".

Бити-т-дим – понудит. залог (каузатив) на *-т* от древнего тюрк. глаг. *бити-* 'писать', которое считается адаптацией (усвоением) китайского **пиэт* "кисть (*для письма тушью*)". Позднее в бол-ве тюрк. языков в этом значении утвердился глагол *йаз-*, с первоначальным значением 'рисовать, вырезать узоры'. Глагол *бити-* остался в ряде восточно-тюркских языков, был заимствован монгольскими языками, где произошло характерное фонетич. изм. *-т-* > *-ч-* (в позиции перед *и*); из монг. диалектов форма *бичи-* вернулась в ряд тюрк. яз. (возвратное заимствование): алт. *пичи-*, тув. *бижи-* (<* *биши-* <**бичи-*).

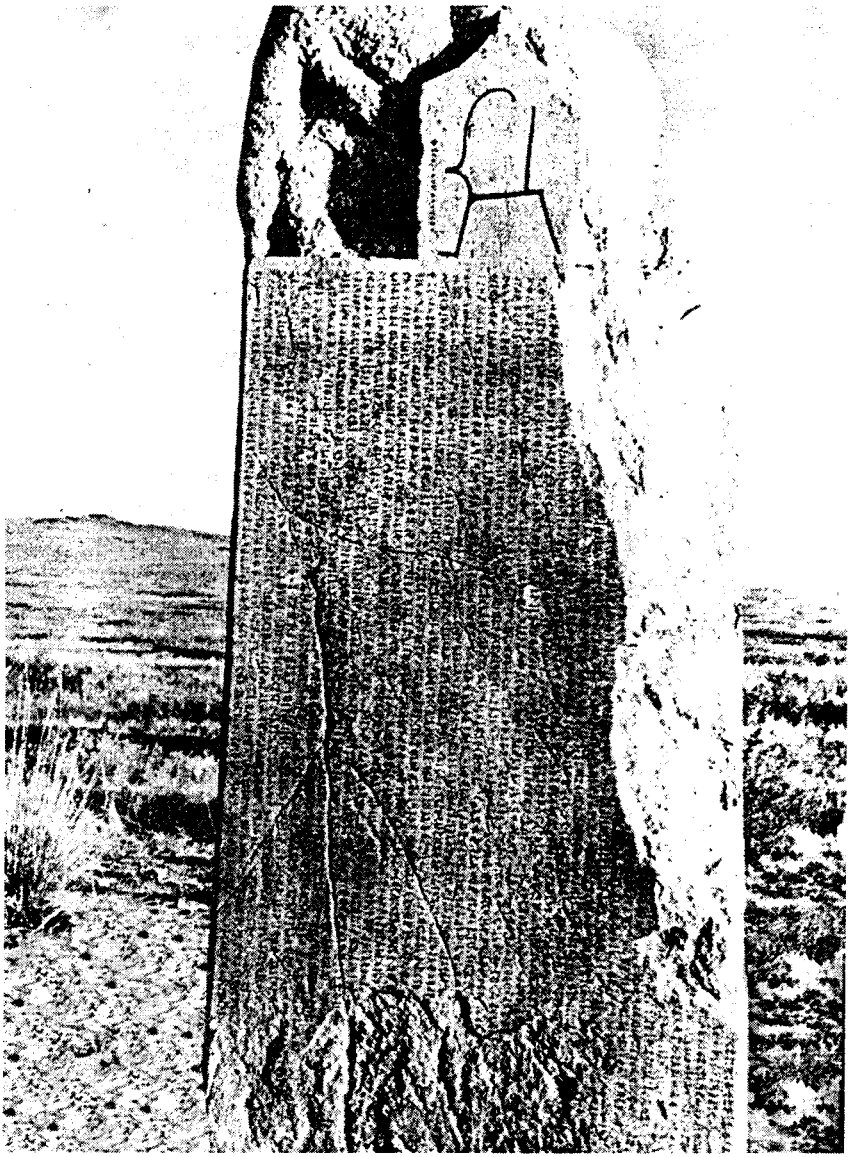
В последних четырех строках (59-62) надписи повторяется сентенция Тоньюкука о значимости деяний Ильтериша и его самого, обеспечивших нынешнее существование Капаган-кагана и тюркского народа. И еще одна, самая последняя сентенция (стк 62) о том, что тюркское государство в лице своих мудрых в делах правления каганов (*тӱрк билге қаған* – в нарицательном смысле) поднимает народы тюрков и огузов. Из этого следует заключить, что надпись составлена в царствование Капаган-кагана, т.е. до его смерти в 716 г.

Тема VII: **Содержание и историческое значение основных орхонских памятников.**

Краткое содержание темы: *Памятники в честь Кюль-тегина (732 г.) и Бильге-кагана (735 г.). Структура содержания (повествовательные циклы) КТ: предыстория и история Тюркского каганата VI в., период смут и подчинения Китаю, возрождение государства – Второго восточнотюркского каганата под руководством отца – Ильтериш-кагана, правление дяди – Капаган-кагана (691-716 гг.), собственное правление Бильге-кагана, старшего брата Кюль-тегина, описание военных подвигов и политических заслуг Кюль-тегина, даты в жизнеописании Кюль-тегина, скорбь и размышления Бильге-кагана по поводу смерти Кюль-тегина, перечисление государственных делегаций и их глав, прибывших для участия в траурных мероприятиях, политико-стратегические прокламации Бильге-кагана в тексте "малой надписи", роль Йоллыг-тегина в создании надписи, приписки о сооружении поминального комплекса, датах смерти, поминальной тризны и окончания мемориального комплекса в честь Кюль-тегина. Сходства и различия в содержании надписей в честь Бильге-кагана и Кюль-тегина. Битва с чиками 710 г. при Ӧрпене (совр. Тыва). Поход на кыркызов зимой 710/711 гг. через Кӧгмен (Западный Саян) и сражение в Сонгайской долине (совр. Хакасия), битва Кюль-тегина с азами при оз. Кара-кӧл (совр. Западная Тыва) в 715 г.*

Памятники в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана

В 1889 г. русский исследователь-географ Н.М.Ядринцев на берегу Кёкшин-Орхона, протоки р.Орхон, в Средне-Западной Монголии, в 400 км западнее Улан-Батора, открыл остатки двух очень похожих друг на друга мемориальных комплексов, в составе которых были и две большие мраморные стелы с двуязычными надписями – китайскими иероглифами и неизвестным по языковой принадлежности сибирским руноподобным письмом. Именно прочтение китайского текста сыграло решающую роль в дешифровке этого неизвестного письма, оказавшегося письменностью древних тюрков VIII в.

Памятник в честь Кюль-тегина (р.Орхон, Монголия)
(Наверху стилизованное изображение животного –
тамга каганского рода Ашина)

Как стало ясно гораздо позднее, не только после расшифровки этих надписей, но в целом после обретения множества других древних тюркоязычных памятников, Орхонские надписи в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана являются одними из лучших, если не лучшими, творениями тюркской словесности.

Довольно значительные по объему – около 2 тысяч слов в КТ и около 2,5 тысяч в БК – памятные надписи в честь наследного принца (тегина) Кюля и его старшего брата кагана Бильге (время правления последнего: 716–734 гг. н.э.) имеют много общего в построении и содержании текстов, что объясняется историей создания как самих надписей, так и в целом мемориальных комплексов обоих братьев, в состав которых входили стелы.

О мемориале Кюль-тегина. Кюль-тегин погиб в феврале 731 г., и его старший брат Бильге-каган в память больших заслуг своего брата перед ним и государством распорядился соорудить младшему брату поминальный храм. Здание храма не сохранилось, но уцелели мраморные скульптуры, стоявшие перед храмом и изображавшие, по-видимому, вождей союзных племен и представителей иностранных держав, а также огромная стела, размерами около 3 м 75 см в высоту, от 1 м 20 см до 1м 30 см в ширину и около 45-46 см толщиной, темного мрамора, в форме параллелепипеда (вытянутого четырехугольника) с выбитой на ней надписью. Точнее, надписей было сделано две: тюркская, занимающая три стороны стелы (одну широкую и две узких), и китайская, расположенная на второй широкой стороне. Дело в том, что мастеров для строительства “здания, украшенного резьбой”, и изготовления скульптур и стелы запросили у императора Китая, который прислал своих “внутренних” (дворцовых) резчиков и строителей. На поминальные торжества в августе 732 г. прибыла китайская государственная делегация

(вместе с делегациями других держав-соседей) с "добровольными многочисленными дарами шелков, золота и серебра".

Авторство надписей. Текст китайской надписи КТ составлен от имени китайского императора, только в этом случае он мог быть нанесен на стелу, поскольку тюркский текст эпитафии в честь Кюль-тегина составлен от имени кагана тюрков Бильге. Форма и содержание китайского текста – вежливые соболезнования, восхищение деятельностью Кюль-тегина, выраженные от имени самого императора, а также "добровольные дары" подчеркивают прочность политического положения тюркской державы и суверенность ее правителя.

Авторство тюркской надписи КТ в литературе иногда приписывают племяннику Кюль-тегина и Бильге-кагана – Йоллыг-тегину, потому что в заключительных строках текста об этом дважды прямо сказано, например:

(68) *Бунча битиг битигме Күл Тигин атысы Йол[лы]ғ Тигин битидим. Йигирми күн олуруп бу ташқа бу тамқа қоп Йол[лы]ғ Тигин битидим.* 'Эту, столь (большую) надпись написал я, племянник Кюль-тегина – Йоллыг-тегин. В течение двадцати дней я, Йоллыг-тегин, нанес на камень эту тамгу и все (остальное)".

Судя по сроку в "двадцать дней", Йоллыг-тегин руководил работами по переноске текста на камень; нельзя исключать, что он имел отношение к составлению текста в качестве секретаря (спич-райтера) кагана, но подлинное авторство все же следует оставить за Бильге-каганом, поскольку в тексте везде (кроме приписок Йоллыг-тегина, а также приписок сына Бильге-кагана в надписи БК) речь ведется от его имени в форме первого лица, наподобие: "мой отец создал государство", "теперь я сел на престол", "мы с моим младшим братом Кюль-тегином пошли походом на ...", "мой младший брат Кюль-тегин, сев на коня,

вступил в бой" и т.д. и т.п. Кроме того, и, конечно, это важнее, в тексте делаются некоторые очень важные политические заявления, которые мог делать только руководитель государства.

О мемориале Бильге-кагана. Строительство храма, изготовление скульптур и стелы в честь Кюль-тегина было закончено через полтора года после его смерти, в августе 732 г., а уже в ноябре 734 г. погибает и сам Бильге-каган. Наследовавший ему его сын, Тенгри-каган, поблизости, в 400 м от поминального комплекса дяди, Кюль-тегина, устраивает несколько больший (в соответствии с более высоким рангом покойного) поминальный комплекс своему отцу, также построенный присланными китайскими мастерами. Стела с памятной надписью в честь Бильге-кагана также больше стелы из мемориала Кюль-тегина в каждом из трех измерений.

Оба мемориальных комплекса были сооружены, как уже сказано, и их остатки вместе со стелами продолжают находиться в среднем течении р. Орхон, левого притока Селенги, в 350 км (по прямой, 400 км – по дорогам) на запад от Улан-Батора. В последние годы усилиями монгольских и турецких специалистов здесь ведутся широкие исследовательские и охранно-восстановительные работы. В частности, поваленная на землю и разбитая на три большие куска стела с надписью в честь Бильге-кагана ныне склеена и водружена на прежнее место.

Основа композиции и общее в содержании надписей КТ и БК. Памятные надписи в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана композиционно построены по одинаковой схеме и представляют собой в общем виде описания жизни и деяний каждого из мемориантов, предваряемые пространным историческим введением. Однако помимо этого их общего совпадения данные надписи в большей своей

части являются текстуально идентичными. Это объясняется историей их создания.

Поскольку между смертью обоих братьев проходит всего три с небольшим года, а текст, составленный Бильге-каганом и содержавший его оценки исторических событий, его видение политических задач тюркского государства, был в наличии в виде эпитафии его брату, принцу Кюлю, то устроители мемориала справедливо, на наш взгляд, посчитали возможным взять за основу эпитафии Бильге-кагану эпитафию Кюль-тегину, как текст наиболее аутентичный (соответствующий первоисточнику, т.е. в данном случае мыслям самого покойного кагана). По этой причине значительная часть надписи в честь Кюль-тегина вошла в текст эпитафии Бильге-кагана, которая, как и в КТ, ведется в 1-м лице ед.ч. от имени самого Бильге-кагана, но теперь уже не живого, а покойного.

В тексте БК по сравнению с текстом КТ были сделаны изменения следующего характера: а) были изъяты эпизоды с описаниями ратных подвигов Кюль-тегина; б) датирование относительно лет жизни Кюль-тегина заменено датами относительно жизни самого Бильге-кагана; в) историческая канва походов и сражений осталась, но там, где в КТ говорилось "мы с моим младшим братом пошли походом", теперь сказано "я пошел походом" и т.п.; г) в целом текст расширен, в него вошло большее число исторических событий – прежде всего, войн и сражений; д) в самом начале надписи сделано небольшое, в полторы строки добавление. Нельзя исключать, что последнее, возможно, является словами не Бильге-кагана (как последующие строки), а его сына, взошедшего на трон, и что этой припиской хотели передать авторство надписи новому кагану, однако дальнейшая необходимая для этого правка текста не была сделана.

Очередность и последовательность частей надписей КТ и БК. Помимо основных граней мраморных монументов, ориентированных по странам света – восток, юг, запад, север, для нанесения текста были использованы узкие, 7-9 см, полосы поверхности на углах, образовавшихся от стесывания острых ребер на стыке граней (что делалось, видимо, для предотвращения облома верхнего письменного слоя по краям камня). Ввиду отсутствия примет начала надписи и ее продолжений (кроме содержательных), а также в результате допущенной путаницы в размещении текста КТ, определение последовательности частей обоих текстов (как на основных сторонах, так и на дополнительных местах на обтесанных ребрах) вызывает среди специалистов разногласия. Опираясь на анализ содержания и сопоставление обоих текстов, будем придерживаться следующей последовательности сторон и дополнительных строк к ним (цифрами – количество строк, в скобках заглавными буквами – сторона: С – северная, С-В – северо-восточная и т.д.):

КТ: 40 (В) – 13 (С) –13 (Ю) – 1 (С-В) – 1 (Ю-В) – 1 (Ю-З) – 2 (З) = 71 строка

БК: 41 (В) – 1 (Ю-В) – 15 (Ю) – 15 (С) – 1 (Ю-З) – 7 (З) = 80 строк

Началом обеих надписей следует считать текст на широких гранях стел, обращенных к востоку, где содержится соответсвенно 40 и 41 вертикальная строка, следующие друг за другом справа налево. В КТ текст восточной стороны содержательно продолжается не на южной, как ожидалось бы по ходу строк, а на северной грани. Китайские резчики, видимо, при начале работ перепутали местами одинаковые по величине тюркские тексты южной и северной сторон. То, что текст восточной стороны продолжается текстом северной стороны, несомненно: собы-

тия, описываемые в КТ в последних двух строках восточной и первых четырех строках северной стороны соответствуют в основном тексту 28-29 строк восточной стороны БК (что доказывает их неразрывность). На второй широкой стороне КТ – западной, помещена китайская надпись, сделанная от имени императора Китая, китайскими иероглифами и тоже вертикальными строками справа налево, как и было принято в китайской эпиграфике. На этой стороне на свободном месте вверху справа, очевидно, позднее была сделана приписка горизонтальными строками руническими буквами по-тюркски.

Аналогично расположение текстов в надписи БК, с тем только, что она больше по размерам, поскольку посвящена лицу более высокопоставленному – кагану: на восточной стороне – 41 строка, на южной и северной сторонах – по 15 строк, на западной стороне – китайский текст.

Во многих изданиях, в том числе самых авторитетных, 13 строк южной стороны памятника КТ выделяют в отдельную, так называемую «Малую надпись», считая ее общей преамбулой (введением) к остальному тексту. Однако это не так: обе надписи начинаются одинаково (не считая краткой приписки в БК, о чем уже сказано выше) – с эпического зачина "о сотворении мира" и переходят к истории Первого тюркского каганата (сер. VI – VII вв.). Соответствующий "Малой надписи" КТ отрывок в тексте БК находится на своем месте, после описания жизни и смерти героя надписи (мемориата). По своему содержанию указанные части обоих текстов представляют собой заключение, вывод из вышеописанных исторических событий и всецело обращены в настоящее их авторов и к тем, кому они прямо адресованы – бекам и народу тюркской державы.

Структура содержания надписей КТ и БК. Столь значительные и многоплановые повествования, какими яв-

ляются тексты обеих орхонских надписей, естественно состоят из ряда эпизодов, или тематических частей, связанных в единый рассказ сверхзадачей, или общей идеей повествователя, Бильге-кагана. Если в Тон тематические части посвящены определенному историческому событию, чаще всего, военному походу, то в КТ и БК части крупнее форматом, каждая из них посвящена целому историческому периоду – времени правления и личности одного кагана или нескольких каганов. При этом мы можем констатировать некоторую стандартизацию изложения, так что каждая часть принимает циклическое построение, от начала исторического периода к его завершению, и включает следующие 4 основные темы: а) воцарение кагана (каганов); б) их военные и государственные деяния; в) оценка и итог – морально-этическая характеристика деятельности каганов и их личности, а также общее число военных походов и сражений; г) смерть героя (героев) надписи и воздание ему (им) траурных почестей. В КТ и БК таких частей, или повествовательных циклов – по семь. Ниже на цитатах из текста мы познакомимся кратко с содержанием каждой части по надписи КТ, дополняя в необходимых случаях этот анализ сведениями из БК; параллельные места отмечаются адресацией на оба текста.

I часть: КТ В, строки 1-4 (БК В, 2-5[1]).

[1] В – восточная сторона, Ю – южная и т.д., счет строк – общий для всего памятника. Разница в счете строк между КТ и БК в начале за счет приписки в БК нового начала текста, а затем за счет разницы в длине строк: в БК они длиннее, и эта надпись постепенно "обгоняет" КТ. Кроме того в БК есть дополнительный текст, отсутствующий в КТ.

Построена в виде повествовательного цикла. Тема – создание государства тюрков, эра "идеального правления" первых тюркских каганов.

(1) *Üze Kök Teŋri asra Yaғız Yer қылынтукда экин ара киши оғлы қылынмыш. Киши оғлынта üze эчӱм апам Бумын қаған Истеми қаған олурмыш олурыпан Түрк бодуның илин төрӱсин тута бирмиш ити бирмиш*

'Когда наверху было создано Голубое Небо, а внизу Бурая Земля, между ними обоими были созданы сыны человеческие (*т.е.* люди). Над сынами человеческими воцарились (*букв.* сели) мои предки Бумын-каган, Истеми-каган. Воцарившись, они взяли в управление себе государство народа тюрков и установили в нем законы правления.

Қылынтукда ... қылынмыш – основа *қылын-* может рассматриваться и как возвратная, и как страдательная формы от глаг. *қыл-* 'делать, создавать'. Поэтому возможны переводы: а) 'делаться, образовываться, возникать' (сами по себе, возвр. знач.), отсюда развивается знач. 'рождаться', обсуждавшееся выше, тема VI, стк 1, Тон; б) быть сделанным, быть созданным (напр., Творцом, Богом, страдат. знач.). Оба перевода у специалистов в ходу, ср.: "Когда было сотворено (*или* возникло) вверху голубое небо и внизу темная земля, между (ними) обоими были сотворены (*или* возникли) сыны человеческие..." (С.Е.Малов); "Когда возникло вверху голубое небо и внизу бурая земля, между ними обоими появились сыны человеческие" (ДТС, стр. 443).

Это – самое начало надписи КТ, которое звучит эпически, "от сотворения мира", но сразу же переходит к основной теме цикла – созданию Тюркского каганата (551 г. н.э.), что понятно по упоминанию имен его основателей – Бумын-кагана (время правл. 534-552 г.) и его брата Истеми-кагана (умер в 575 г.), управлявшего запад-

ными землями государства. Такой хронологический «перескок» (от глубин истории к конкретным событиям VI в. н.э.) можно объяснить желанием придать легитимность (законность) власти династии тюркских каганов из правящего рода Ашина (это имя известно из других источников): тюркские каганы властвуют над "сынами человеческими" испокон веков.

Несмотря на исконность и, следовательно, легитимность власти тюркских каганов, ее им, как признается текст, приходилось утверждать силой:

(2) *Төрт булуң қоп йағы эрмиш сӱ сӱлепен төрт булуңдақы бодунуғ қоп алмыш қоп баз қылмыш. Башлығыг йӱкӱнтӱрмиш тизлигиг сӧкӱрмиш.* 'Все четыре страны (*букв.* угла) (света) были (им) врагами. Поведя войска, они захватили все народы четырех стран света, всех (их) покорили. Тех, кто имел головы, они заставили (их) склонить, тех, у кого были колени, они заставили опуститься (на колени)'.

Булуң – угол (внутренний), слово было распространено в древних языках и в соврем. яз. восточной ветви, ср. хак. *пулуң*, тув., алт. *булуң*.

Баз – подчиненный, покоренный.

Баш-лығ-ығ ... тиз-лиг-иг – адъективные формы имен на *-лығ / -лиг* со значением обладания: *баш-лығ* "имеющий голову", *тиз-лиг* "имеющий колени". Продуктивна в болве тюрк. яз. – в хак., алт., як., кыпч. и огуз. группах, но не сохранилась в тув. Адъективные формы часто лексикализуются, переходя в разряд прилагательных, либо существительных. Здесь эти формы субстантивированы, т.е. замещают отсутствующее существительное, поэтому приняли афф. винит. пад. *-ығ / -иг*.

(2) *... илгерӱ Қадырқан Йышқа теги кирӱ Темир Қапығқа теги қонтурмыш. Экин ара* (3) *иди оқсыз Көк Тӱрк <ити> анча олурур эрмиш.* 'Вперед (т.е. на восток), до Кадырқан-

ской черни (до гор Хингана), назад (т.е. на запад) до Железных ворот они расселили свой народ. Между двумя этими границами царили они так, устраивая "голубых" (кореннных?) тюрок, не имевших над собой властителя и племенной организации.

Иди – 'хозяин, владетель, властитель', слово входит в список основ с чередованием инлаутного (в середине слова) *-д- ~ -й- ~ -з- ~ -р- ~ -т-*.

Оқсыз – букв. "без стрелы", "стрелами" называли составные части союза племен.

Көк Түрк – ученые по-разному трактуют слово *көк* в данном словосочетании: а) как цветовое прилагательное "голубой", считая, что при этом имеется в виду символика географического характера: "голубой" = северный или восточный; б) как существительное "корень" в определительной функции: 'корневой, коренной'; в) как другой этноним, выступающий здесь в парном сочетании: "кёки" и тюрки.

<ит-и> – дееприч. на *-и* от глаг. *ит- ~ эт-* 'устраивать, упорядочивать' в угловые скобки ставятся слова, которые отсутствуют в тексте по вине переписчика, но которые со смысловой и грамматической точек зрения должны быть там. В данном случае пропуск мастерами-резчиками КТ этого слова ощущается грамматически и восполняется по идентичному тексту в БК где это слово есть.

Рассказав о воцарении первых тюркских каганов и их завоеваниях, повествователь, Бильге-каган, переходит к оценочно-итоговой части:

(3) ... *Билге қаған эрмиш, алп қаған эрмиш, буйруқы йеме билге эрмиш эриṇч, алп эрмиш эринч, беглери йеме, бодуны йеме түз эрмиш. Аны үчүн илиг анча тутмыш эринч илиг тутуп төрүг итмиш.* 'Они были мудрыми каганами, они были отважными каганами, их приказные (т.е. военачальники и управители, министры) тоже были мудрыми,

отважными, а их беки (– предводители племен) и их народ были верными. Благодаря этому они так правили государством, и управляя государством, упорядочивали законы (власти)'.

Буйру-қ-ы – имя на - *қ* от глаг. *буйур-* 'приказывать, повелевать': 'приказной, тот, кому приказывают, тот, кто проводит приказы кагана в жизнь, военные и гражданские управители'; наиболее близкое, вероятно, современное слово для *буйруқ* – министр.

Ил тут- – букв.: держать (в руках) государство, т.е. "управлять".

Төрӱ ит- – *төрӱ* 'установления обычного права, законы', они не могли охватывать всех случаев практики правоотношений, выражение "устраивать, упорядочивать законы", говорит о том, что кагану как верховному правителю принадлежала также функция надзора за новыми правовыми актами (вводимыми и правительством, и местными властями), с тем чтобы эти акты не противоречили традиционным нормам.

Первые тюркские каганы ввиду своей идеальной морально-этической характеристики и жизнь оканчивают достойно, "своей смертью", на фоне менее удачливых каганов следующего периода. Правда, искусственность такой формы идеализации в отношении Бумына очевидна: есть сведения, что он умер не своей смертью, а был отравлен. Важнейшим элементом положительной характеристики этих каганов являются те грандиозные траурные почести, которые были им оказаны: на поминальные церемонии приезжают представители всех сопредельных государств, включая все крупнейшие державы Центральной Азии того времени:

(3) ... *Өзи анча кергек болмыш. Йоғчы, сығытчы күн тоғсықда Бөкли чөллӱг эл, Табғач, Тӱпӱт, [a]п[a]р, Пурум, Қырқыз, Ӱч Қурықан, Отуз Татар, Қытан, Татабы, – бун-*

ча бодун келипен сығтамыш, йоғламыш. Антағ күлүг қаған эрмиш. ‘Они окончили дни своей смертью. Для выражения соболезнований пришли: с востока, из (страны, лежащей) на восходе солнца, – племена Бёклийской степи (корейцы), табгачи (китайцы), тюпюты (тибетцы), апары (авары? персы?), пурумы (византийцы), кыркызы, союз трех племен курыкан, союз тридцати племен татар, кидани, татабы – столько народов пришло, столь славные каганы они были’.

Кергек бол- – букв. “стать необходимым”, одно из эвфемистических выражений для смерти, кончины человека.

Йоғчы, сығытчы – йоғ ‘тризна, траурный поминальный пир’, *сығыт* ‘плачи по покойнику; *перен.* выражение соболезнования’; *-чы* – афф. деятеля, передает значение “тот, кто занимается тем, что выражено в основе”.

$^{a}n^{a}p$ / $n^{a}p(c)$ – толкование этого слова вызывает разногласия. Одни ученые видят здесь аваров, бывших сюзеренов тюрков, с разгромом которых утвердился Тюркский каганат. Фонетически здесь более подходила бы форма **абар.* Фактологически тоже трудно ожидать функционирования аварского (жуань-жуаньского) государства после 551г. Есть предположение, что руническое написание *пр* передает слово *$П^{a}p(c)$* ‘Персия, Иран’, и это фактологически гораздо историчнее, поскольку из источников нам известно об активных связях Тюркского каганата с Ираном; в противном же случае было бы непонятно отсутствие в списке важнейших контрагентов тюрков великой державы Среднего Востока – Ирана, в то время как представлена равная ей по калибру держава Ближнего Востока – Византия, см. ниже.

Пурум – есть тюркская фонетическая адаптация (приспособление) тибетского *Фурум*, которое в свою очередь есть тибетская адаптация византийского (среднегреческого) *Урум* ‘Рим (западный) = Византия’.

Кто назван в числе выражавших соболезнования в связи со смертью славных первокаганов? Конечно, это не зависимые от тюрков, не подчиненные им государства, но самостоятельные, в том числе крупные державы – Китай, Тибет, Византия, возможно, Иран. Те, кто вошел в этот список наряду с заведомо суверенными государствами, – кыркызы (полиэтничное государство, в состав которого входили предки современных кыргызов, алтайцев и хакасов), курыкане (протоякуты), монголоязычные татары и кидани, – тоже должны восприниматься как суверенные государства: смешать суверенные и зависимые государства в одном перечислении было бы политической ошибкой. В число зависимых или подчиненных при такой логике скорее должны попасть те народы и территории, которые не названы: Средняя и Западная Монголия (Хангай, Алтай), Джунгария (Северо-Западный Китай), Восточный Туркестан, Семиречье.

II часть: КТ В, 4-10 (БК В, 5-9).

В конце 4-й строки словами: *анта кисре иниси қаған болмыш оғлыты қаған болмыш* "после этого их младшие братья стали каганами, их сыновья стали каганами", – начинается II повествовательный цикл, продолжающийся по 10-ю строку. Темы цикла: период смут и раздоров в каганате, раскол на Западный и Восточный (603 г.), потеря государственной самостоятельности Восточным каганатом и его 50-летняя зависимость от Китая (630-680-е гг.), неудачная попытка восстания и обретения независимости от Китая, полнейший крах и самоуничтожение тюрок.

Автор надписи, Бильге-каган, называет причины, по которым тюркский народ и государство попали в столь бедственное положение. Их – две, внутренняя – собственные ошибки, неразумность, неверность, и внешняя – происки, интриги врагов. Поскольку, говорит Бильге-каган,

каганы и приказные (министры) были *билигсиз йаблақ* "немудрыми, скверными", при этом:

(6) ... *Табғач бодун теблигин кўрлўгин ўчўн армақчысын ўчўн инили эчили кикшўртўкин ўчўн бегли бодунлығ йоңашуртуқын ўчўн Тўрк бодун илледўк илин ычғыну ыдмыш* 'из-за того, что китайский народ был хитрым, коварным и лживым, и ссорил (наших) младших братьев со старшими, натравливал друг на друга беков и народ, тюркский народ потерял созданное им государство'.

Теблиг кўрлўг – коварный, хитрый.

Армақчы – лгун, обманщик.

Бег-ли бодун-лы-ғ – сочинительное словосочетание с парной союзной частицей *-лы /-ли* в винит. пад. на *-ғ*.

Кик-ш-ўр-тўк-и-н ўчўн ... йоңа-ш-ур-туқ-ы-н ўчўн – синтаксически параллельные (грамматически синонимичные) конструкции, ядром которых является имя действия на *-туқ /-тўқ* с послелогом *ўчўн*, который управляет винит. пад. (афф. *-н* после афф. принадл. 3-го л. *-ы / -и*). Основы глаголов грамматически идентичны – это двойные залоговые формы – понуд. на *-ур/-ўр* от взаимной ф. на *-ш*, – и лексически тоже близки, почти синонимичны: *кик-ш-ўр-* 'вызывать вражду, ссорить', *йоңа-ш-ур-* 'заставлять клеветать друг на друга, натравливать'.

Ычғыну ыдмыш – аналитическая (из двух отдельных слов) форма лексико-грамматической категории способа действия (выражает различные оттенки действия – многократность, мгновенность, повторяемость, продолженность и т.п.), с глаголом *ыд-* 'посылать' в качестве вспомогательного образуется форма законченности действия: "совершенно, окончательно потерял" (*ычғын-* 'терять').

Потеряв государство, продолжает Бильге-каган, тюркский народ лишился обретенного им кагана, стал табгачскому народу рабами, в течение 50 лет ради его интересов отдавал свои силы, проливал свою кровь (строки 7-8). Та-

кое положение привело к возмущению тюрков против китайцев, которое окончилось неудачей, тюркский народ решил лучше погибнуть, чем жить в рабстве, и стал погибать (строки 9-10).

III часть: КТ В 10-16 (БК В 9-14).

III повествовательный цикл посвящен возрождению Тюркского государства под руководством отца Бильге-кагана, Ильтериш-кагана (годы правл. 682-691). Повествователь, Бильге-каган, объясняет спасение тюркского народа вмешательством божественных сил, орудием которых оказался его отец, Ильтериш-каган:

(10) ... *Üze Türk teŋriси Türk ıduq yeri* (11) *subы anча temiш eринч: Türk bodun yoq bolmazun tiйин ... qaŋым Ilteriш qaғanығ ögüm Ilbilge qatunuғ Teŋri töpesinte tutup üüгerü kötürmiш.* ‘Наверху Божество -небо тюрков, (внизу) святые земля и вода тюрков так сказали: да не исчезнет тюркский народ, ... они взяли моего отца, Ильтериш-кагана и мою мать, Ильбильгя-хатун за макушки и возвели (их) наверх’.

Ни о каких поисках союзников, политических расчетах, как это изображено (хотя порой и глухо) в надписи Тоньюкука, речь не идет: Ильтериш – избранник Неба. Тоньюкук, одна из главных политических фигур (согласно ему самому – главная) в продвижении Ильтериша, бывшего всего лишь шадом, на верховный пост кагана, здесь даже не упоминается, как не упоминается этот статус отца Бильге-кагана: здесь Ильтериш изначально каган. Тем не менее отголоски трудной борьбы за выживание и упрочение тюркского государства, драматически описанные Тоньюкуком, находят место и в КТ/БК:

(11) ... *Qaŋым qaғan йити йегирми эрин ташықмыш. ... тирилип йетмиш эр болмыш. Teŋri күч биртүк үчүн qaŋым qaғan сüси бöри тег эрмиш йағысы коӈ тег эрмиш.* ‘Мой

отец-каган выступил с семнадцатью мужами. ... (Затем еще народу) собралось, стало семьдесят мужей. Благодаря силе, которую дало (ему) Божество-Небо, войско моего отца-кагана было словно волк, а враги его были словно овцы'.

Ташық- – отименной глагол на *-(г)қ* от *таш* 'внешняя сторона': 'двигаться вовне, наружу (изнутри)'; есть предположения, что глагол *чық-* 'выходить', распространенный во многих тюрк. яз., является его фонетич. преобразованием: **ташық-* > * *тшық-* > *чық-*.

Рассказ о том, что Ильтериш начинал с малого числа сторонников, практически одинаков с изложением Тоньюкука (см. Тон, стк 8), однако оценка соотношения сил в надписях прямо противоположны друг другу: у Тоньюкука враги рыскали вокруг тюрков словно хищные птицы, т.е. тюрки были слабее, у Бильге-кагана тюрки, напротив, сильнее.

Далее в этой части надписи описывается сплочение народа вокруг Ильтериш-кагана, присоединение тёлесов и тардушей, подчеркивается состояние вражды с большим числом окружающих народов – табгачами (китайцами), Девятью огузами, кыркызами, Тремя курыканами, Тридцатью татарами, киданями и татабами. Итог правления – 47 походов (*сӱ сӱле-* 'выступить войском') и 20 сражений (*сӱңӱш*). Смерть и отдание почестей в виде установки балбала, олицетворявшего самого высокопоставленного из убитых им (возможно, и не лично) врагов, – Баз-кагана, главы Девяти огузов. Судя по количеству, в число войн и сражений вошли и те, что предшествовали годам каганства Ильтериша (682-691 гг.). У Тоньюкука в качестве военного итога деятельности приводится другая цифра: 29 сражений – 17 с китайцами, 7 с киданями, 5 с огузами (Тон 49).

IV часть: КТ В 16-25 (БК В 14-20).

IV цикл охватывает правление дяди Бильге-кагана, Капаган-кагана (691-716 гг.), в то время как сам автор надписи, будущий Бильге-каган, был назначен шадом над народом тардушей. Походы вместе с дядей на восток – до реки Хуанхэ и степей Шандунга, на запад – до Железных ворот, на север через Саяны – на кыркызов (об этом см. особый раздел ниже). Всего совершили 25 походов, дали 13 сражений, особо упоминаются войны против кагана тюргешей, который был «своим же, тюркским народом», и против кыркызов. Известно, что Капаган-каган умер не своей смертью, а в результате предательства. Бильге-каган обвиняет в этом тюркский народ:

(24) ... *Билмедӱк ӱчӱн йаблақыңын ӱчӱн эчим қаған уча барды* 'Из-за невежества, из-за твоей низости мой дядя-каган скончался'.

Йаблақ-ың-ын ӱчӱн – прилагат. *йаблақ* 'плохой, подлый, низкий' субстантивируется: 'низкий' → 'низость', – благодаря чему получает именные категории принадл. (*-ың* – 2 л.ед.ч.) и падежа (*-ын* – винит. после афф-ов принадл.); винит. падежа требует здесь послелог *ӱчӱн* 'для; из-за'.

Уча барды – аналитич. форма законченности действия со вспомогат. глаг. *бар-* 'уходить' (как и рассмотренная выше с *ыд-* в стк 6): "отлетел (окончательно)", эвфемизм для выражения смерти – "(душа) отлетела".

При отдании траурных почестей во главе цепочки балбалов был установлен камень, олицетворявший кагана кыркызов, что означает, что победа над кыркызами была самой значительной в царствование Капаган-кагана:

(25) ... *Башлайу Қырқыз қағаныҡ балбал тикдим* 'Во главе (балбалов) я установил балбал кагана кыркызов'.

Башлайу – дееприч. на *-у* от глаг. *башла-* 'начинать, возглавлять'; здесь эта форма адвербиализована, т.е. совер-

шила семантический (без участия словообразоват. аффов) переход в наречие: 'начиная, возглавляя' → 'в начале, во главе', – что очевидно из синтаксич. позиции *башлайу* в начале предложения и отсутствия у него зависимых слов.

Балбал – небольшая стела, но чаще простой камень, устанавливаемый на могиле мужа-воина, героя, полководца и олицетворявший убитого им врага. Вероятно, отражает представление о том, что убитый враг будет служить на том свете своему победителю. Чем доблестнее муж-воин, тем больше у его могилы балбалов. Цепочка камней балбалов от поминальной стелы Кюль-тегина протянулась почти на 500 метров, это, пожалуй, самая длинная из известных верениц балбалов (конечно, многие другие аналогичные памятники не сохранились) и подтверждает его легендарную славу искусного воина. Установка цепочек камней-балбалов является характерным этническим признаком древних тюрков, сопровождавших их захоронения с каменными изваяниями (см. выше, тему III).

V часть: КТ В 25-30 (БК В 20-24).

V повествовательный цикл короток, он посвящен автором, Бильге-каганом, своему собственному правлению, которое началось после смерти дяди, Капаган-кагана, в 716 г. и в 732 г., в период составления мемориальной надписи брату Кюль-тегину, еще продолжалось.

Воцарение Бильге-кагана, так же как и его отца, Ильтериша, объясняется вмешательством божественных сил:

(25) ... *Түрк бодуныӷ аты күси йоқ болмазун тийин, қаӈым қағаныӷ, өгүм қатуныӷ көтүрмиш Теӈри, ил биригме Теӈри ... өзүмин ол Теӈри* (26) *қаған олуртды эринч.* 'Говоря: "Да не исчезнет имя и слава тюркского народа", – Божество-Небо, возвысившее моего отца-кагана и мою мать-хатун, Божество-Небо, дающее (в управление) госу-

дарства, и меня самого именно это Божество-Небо посадило каганом'.

Бодуныҕ аты кӱси – в этом словосочетании двустороннего изафета определение *бодун-ыҕ* стоит в форме винит. пад. на *-ыҕ*, вместо ожидаемого родительного.

Бильге-каган описывает успехи и достижения своего правления как свои собственные, но дважды в этой части (в стк 26 – это место у нас опущено, и в стк 27 – ниже цитируется) отмечает особую роль своего младшего брата Кюль-тегина, подготавливая следующую, собственно эпитафийную часть надписи в честь Кюль-тегина:

(27) ... *Тӱрк бодун ӱчӱн тӱн удыматым, күнтӱз олурмадым. Иним Күл тигин бирле, эки шад бирле өлӱ йитӱ қазғантым* 'Ради народа тюрков я не спал ночами, днем не имел покоя (*букв.* не сидел). С моим младшим братом Кюль-тегином, с двумя шадами, [трудясь] до изнеможения, я приобретал'.

Аналогичное образное выражение – "ночью не спал, днем не имел покоя" – для характеристики своей самоотдачи употреблял (неоднократно) Тоньюкук. Источником того, что́ не покладая рук добывал ради народа и для народа Бильге-каган со своим братом, служили завоевательные походы:

(28) ... *Йырығару Оғуз бодун тапа, илгерӱ Қытаń Татабы бодун тапа, биригерӱ Табғач тапа улуғ сӱ эки йегирми сӱледим сӱӊӱшдим* 'На запад – против огузов, на восток – против киданей и татабов, на юг – против китайцев, – (всего) я совершил двенадцать походов большим войском и дал (столько же) сражений'.

Завоевательные войны – основа жизни кочевой империи. Но к этому необходимым слагаемым Бильге-каган объявляет свою харизму наделенного Небом удачливого полководца и руководителя. Только благодаря такому единству – ратный труд воинов плюс покровительстве-

мый Богом каган, – осуществилась в его правление идеальная, с точки зрения кочевнической идеологии, социально-политическая программа: народ – сыт, одет, богат, многочислен, враги же вокруг усмирены, покорены, подчинены:

(28) ... *Анта* (29) *кисре Теңри йарлықазу қутум бар үчүн, үлүгүм бар үчүн, өлтечи бодунұғ тиргируү игиттим, йалың бодуныұ тонлыұ, чыгаń бодуныұ бай қылтым, аз бодуныұ үкүш қылтым ... Төрт булуңдақы* (30) *бодуныұ қоп баз қылтым йағысыз қылтым қоп маңа көрти* 'И в результате этого, а также благодаря тому, что по соизволению Божества-Неба у меня была удача, у меня был фарт, я оживил и прокормил народ, который шел к своей погибели (*букв.* должен был умереть), голый народ я одел (*букв.* сделал одетым), бедный народ я сделал богатым, малочисленный народ я сделал многочисленным. ... Все народы по четырем странам света я покорил, сделал (их) невраждебными, все (они) подчинялись мне'.

Проведение в жизнь подобной социально-политической программы и есть главное достижение царствования Бильге-кагана.

Таким образом, в V части КТ налицо все названные выше признаки циклического повествования – воцарение, военно-политические и социальные мероприятия, итоговое число войн (хотя правление продолжается), – и все эти признаки относятся к Бильге-кагану, а вот следуемое за этим сообщение о смерти – касается Кюль-тегина, и этой фразой открывается новая, VI по нашему счету и самая длинная, равная трети надписи КТ, тематическая часть, всецело посвященная ее мемориантy, Кюль-тегину.

VI часть: КТ 30-53 (В 30-40, С 1-13).

(30) ... *Ишиг күчиг бирүр бунча төрүг қазғанып иним Күл тигин өзи анча кергек болты. Қаңым қаған учдуқда иним*

Күл тигин йити йашда қалты ‘Отдав труды и силы ради стольких законных приобретений, мой младший брат Кюль-тегин скончался своей (смертью). Когда умер мой отец, Кюль-тегин остался в возрасте семи лет’.

Төрӱ-г қазған- – букв. ‘добывать, приобретать закон’, в перен. смысле “приобретать законное право на что-л.”, т.е., в конце концов, “делать законные приобретения”.

С началом приведенных фраз 30-й строки КТ заканчивается полная идентичность текстов КТ и БК (приходящаяся в БК на 24-ю строку), дальше тексты совпадают только фрагментами. Различие объясняется тем, что в КТ VI часть содержит описание жизни Кюль-тегина, в БК аналогичная часть – описание жизни Бильге-кагана, но так как событийная канва жизни обоих братьев имеет много общего – участие в одних и тех же войнах, то фактура событий, естественно, одинакова – упоминание противоборствующих народов, политические обстоятельства, подробности походов, места сражений и т.п.

Далее в КТ в хронологическом порядке излагаются факты биографии Кюль-тегина, при этом поразительно, как рано – всего десяти лет отроду – он вошел во взрослое сословие мужей-воинов (обычно это происходило с юношами в 15-16-летнем возрасте), а в шестнадцать лет он уже воевал, проявляя чудеса доблести. Кюль-тегину было семь, а его старшему брату – восемь лет, когда они потеряли отца. Очевидно, огромное значение имела тогда поддержка их матери (и всей ее родни), так что в свой смертный час дети еще раз вспоминают об этом с благодарностью.

(30) ... *Он йашда* (31) *Умай тег өгим қатун қутыңа иним Күл тигин эр ат булты. Алты йегирми йашыңа эчим қаған илин төрӱсин анча қазғанты, Алты Чуб Соғдақ тапа сӱледимиз буздымыз. Табғач Оң тутуқ биш түмен сӱ келти, сӱңӱшдимиз. Күл тигин йадағын оплайу тегди. Оң тутуқ*

йурчын йарақлығ элигин тутды, йарақлығды қағанқа анчулады. ‘В десять лет благодаря благодати моей матери-хатун, подобной (богине) Умай, Кюль-тегин обрел имя мужа-воина. В шестнадцать лет, когда мой дядя-каган приобретал права на государства, мы пошли на Шесть округов согдийцев и разгромили (их). [После этого] (под водительством) китайского князя-губернатора пришло пять тюменов войска, мы сразились (с ними). Кюль-тегин вступил в схватку в пешем строю. Рукою в кольчуге он схватил родственника китайского князя со стороны жены и (как был) в кольчуге представил (пленника) кагану’.

Умай – имя богини-покровительницы женщин у тюркских народов; так же называется “детское место” (послед), см. ДТС, 611.

Алты Чуб Соғдақ – на территории шести округов Китая, в Ордосе было разрешено поселение согдийцев. Здесь они находились под защитой китайского государства, почему против тюрков и выступило китайское войско.

Табғач Оң тутуқ – словом *оң* передается кит. *ван* ‘князь, правитель области, губернатор’.

Йурч-ы-н – винит. пад. на *-н* при притяжат. основах (*-ы* – притяж. афф. 3 л.) родственного термина: *йурч* ‘младшие родственники со стороны жены’ (ДТС, 282), ср. тув. *чуржу* ‘шурин (*младший брат жены*), свояченица (*младшая сестра жены*)’. Впервые это слово понято так в переводе Т.Текина. Раньше в нем не видели родственного термина, читали его либо как *йорчы* ‘вождь’ (< ‘путеводитель’), тогда получалось, что Кюль-тегин лично, своей вооруженной рукою “схватил Онг-тутука с вождями” (С.Е.Малов), – и это, пожалуй, чрезмерно для одного человека. Другой вариант перевода данного слова – в составе имени собственного: “он схватил Онг Тутука-Йорчина” (ДТС, 44), – все равно получалось, что Кюль-тегин пленил китайского командующего, что маловеро-

ятно вообще, и совсем невероятно для бойца пешего строя.

Йарықлығ ... йарықлығды – слово *йарық* 'кольчуга, панцирь; оружие' в адъективн. форме на *-лығ* – 'в кольчуге, с панцирем; *или* вооруженная (рука)'; афф. *-ды ~ -ди / -ты ~ -ти* образует наречия от прилагат. (напр., *қатығды* 'крепко' – от *қатығ* 'крепкий'), отсюда *йарықлығды* '*букв.* вооруженно, будучи вооруженным, в кольчуге'.

Далее в VI, собственно эпитафийной части КТ после первого похода, совершенного Кюль-тегином в 16-летнем возрасте, содержатся описания с разной степенью подробностей еще полтора десятков боевых эпизодов. Кульминацией их стал драматический рассказ о том, как в длительной, с многократными сражениями войне с Девятью огузами Кюль-тегин с второстепенным войском был послан на защиту ставки, или столицы (тюрк. *орду*), и отстоял ее:

(48[2]) ... *Йазыңа Оғузғару сӱ ташықдымыз. Кӱл тигин эбиг башлайу ақыттымыз. Оғуз йағы ордуғ басды. Кӱл тигин* (49) *ӧгсӱз ақын[2] бинип тоқуз эрен санчды ордуғ бирмеди.* ... 'К лету мы выступили войском против огузов. Кюль-тегина мы спешно послали защитить (*букв.* возглавить) дом. Враждебные (нам) огузы напали на столицу. Кюль-тегин, верхом на белом Оксюзе поразил (копьем) девять мужей-воинов (врага), (но) столицы не отдал'.

Ақыт- букв. 'заставлять течь', у Махмуда Кашгари сохранилось переносное значение 'послать летучий отряд', т.е. глагол 'течь' передает быстрое движение (ср. русск. *утекать / утечь* в просторечном значении 'убежать').

Ӧгсӱз ақын[2] бинип – первое слово – кличка лошади, по предположению С.Е.Малова в нариц. знач. "безумный"

---

[2] 8-я строка на Северной стороне стелы, 48-я строка по общему счету.

(< *öг* ‘ум’, *-сӱз* – приативный афф., обозначающий отсутствие чего-л.), второе слово *ақ* ‘белый’ субстантивировано, обозначает лошадь белого цвета, поэтому принимает именные категории: принадлежности 3-го л. *-ы* и винит. пад. после притяжат. основ *-н*. Характерно, что имя собств. (кличка) связано со своим определяемым изафетом.

Описание этого яркого эпизода заканчивается панегириком в адрес Кюль-тегина (ниже приведена только одна фраза из него), после панегирика Бильге-каган переходит к заключительной части циклического повествования – сообщению о смерти Кюль-тегина, о своей скорби по этому поводу и отдании траурных почестей:

(50) *Күл тигин йоқ эрсер қоп өлтечи эртигиз. Иним Күл тигин кергек болты. Өзӱм сақынтым. Көрӱр көзӱм көрмез тег билир билигим билмез тег болты.* ‘Если бы не было Кюль-тегина, все вы погибли бы! Мой младший брат Кюль-тегин скончался. А я заскорбел. Зоркие очи мои словно ослепли, разум мой словно помутился’.

Довольно много места – две с лишним строки, конец 51, всю 52 и 53, – занимает перечисление делегаций соболезнования во главе с видными сановниками целого ряда народов и государств – киданей и татабов, Китая, Тибета, согдийских колоний, Бухары, тюргешей, кыркызов.

Этими сведениями заканчивается одна из главных тематических частей надписи КТ – VI повествовательный цикл, посвященный прославлению ратных подвигов младшего брата правящего кагана Бильге – принца Кюля. Эта часть надписи заняла всего 23 строки (из 71): 10 строк из 40 на лицевой, восточной стороне стелы и все 13 строк боковой северной стороны.

VII часть: “Малая надпись”, КТ 54-66 (КТ Ю 1-13).

Эта тематическая часть надписи из 13 строк располагается на южной боковой стороне стелы, куда она ошибоч-

но, вместо северной стороны, помещена китайскими резчиками, разорвав хронологию текста. По общему счету строк в КТ она занимает строки с 54-й по 66-ю включительно (после 40 строк восточной и 13 строк северной сторон). Текст ее почти полностью включен в надпись БК, располагаясь в правильном порядке на северной стороне: 11 строк (КТ 54-64) без изменений, остальное – частично, кусочками, вкрапливается в последующий текст.

Как уже сказано выше, см. выше, тема VII, с. 112, многие исследователи неоправданно выделяют эту часть надписи в качестве особого вступления к основному тексту, называя ее "малой надписью". Однако, по некоторым признакам, в том числе по расположению в конце БК, эта часть текста является заключительной. Она содержит целый ряд нравственных и политических оценок положения тюркского государства, высказываемых Бильге-каганом, его настойчивые увещевания и предостережения, обращенные к знати и простому народу тюрков и союзных им племен. Многие места из этой части являются образцами политической риторики, примерами яркой публицистической речи.

(54) *Теңри тег теңриде болмыш Түрк билге қаған бу ödке олуртым. Сабымын түкети эшидгил улайу ини йегүним оғланым бирики оғушым бодуным бирийе шадапыт беглер йырыйа тарқат буйруқ беглер ...* (55) *Тоқуз Оғуз беглери бодуны бу сабымын эдгүти эшид қатығды тыңла. Илгерӱ* ... анта ичреки бодун қоп маңа көрӱр анча бодун* (56) *қоп итдим. Ол амты аңығ йоқ Түрк қаған Өтӱкен йыш олурсар илте буң йоқ. Илгерӱ* ... бунча йирке теги йорытдым. Өтӱкен йышда йиг иди йоқ эрмиш, ил тутсық йир Өтӱкен йыш эрмиш.* '(54) Подобный Божеству-Небу, возникший от Божества-Неба Тюркский каган, мудрый (в делах правления), я нынче сел (на царство). Речь мою полнос-

тью выслушайте: (вы), идущие следом (за мной) мои младшие родичи, мои сыновья, союзные мне племена и народы, (вы, стоящие) справа беки – шады и апа, (вы, стоящие) слева беки – тарханы и приказные ... (55) (и вы) беки и народ Девяти огузов, – эту мою речь хорошенько выслушайте и крепко запомните. На восток* ... все живущие на этих пространствах (*букв.* там внутри) народы подчиняются мне, столько народов (56) я устроил. Если тюркский каган, у которого нет теперешней порчи, сидит в Отюкенской черни, то у государства нет забот. На восток* ... до столь (многих) стран я водил (свои войска). И оказалось, что лучше Отюкенской черни нигде (*букв.* совершенно) не было (земли), оказалось, что Отюкенская чернь является местом, в котором может существовать государство (*букв.* в котором можно управлять государством)'.

Бу ӧдке – *букв.* в это время, к этому времени (*ӧд* 'время', *-ке* – афф. дат пад.), в других местах, в том числе в идентичном месте БК, это словосочетание принимает вид сложного слова: *бӧдке* 'сейчас'.

Тӱкети – 'полностью', адвербиализованное дееприч. на *-ы /-и* от глаг. *тӱкет-* 'завершать'.

Улайу – 'вслед, за', адвербиализованное дееприч. на *-у /-ӱ* от глаг. *ула-* 'соединять, связывать'.

Шадапыт – два титула, из числа высших должностных отличий, – *шад* и *апа*, образовали сложное слово и приняли афф. множ.числа на *-т*.

Тарқат – множ. число на *-т* от *тарқан*.

---

* В цитируемом отрывке дважды после слова *илгерӱ* 'на восток' соответствующий текст, в традиционных выражениях передающий крайние точки походов или расселения тюрков на востоке, западе, юге и севере, здесь ради краткости опущен; см., например, выше, строку 2.

Ötüken йышда йиг – общетюрк.слово *йег* ~ *йиг* 'лучший; лучше', обычно образует сравнительные конструкции с исходн. пад. или, как в данном случае, с местн. в значении исходного.

Иди – в такой форме в тексте КТ и БК выступают два слова: *иди* 'хозяин, владелец', и в *и*-кающей форме слово *эди* ~ *иди* 'очень; совсем (*при отрицании*)'. Из-за этого в перевод С.Е.Малова вкралось ошибочное толкование данного места: "... в Отюкенской черни не было хорошего владыки"[3]; к тому же слово *йиг* синтаксически не связано с *иди*, см. предыдущ. примеч.

Эрмиш – поскольку говорящий сам выполнял все действия, ведущие к логическому выводу, передаваемому связкой *эрмиш*, то в ней не может выражаться значение пересказывательности (заглазности), но содержится значение неожиданности результата для говорящего: "оказалось, что".

Ил тутсық йир – архаическое имя действия на *-сық* со знач. пассивности (страдательности), которое может реализоваться как действие возможное, *букв.*: 'место возможного держания государства'.

Начиная со следующей фразы становится ясной причина расхваливания Отюкенской черни. Эта географическая область хороша не просто сама по себе, но главным образом в контексте взаимоотношений тюрков с Китаем.

(57) ... *Бу йирде олуруп Табғач бодун бирле* (58) *түзүлтим. Алтун күмүш исиғти қутай буңсыз анча бирүр Табғач бодун сабы сүчиг ағысы й²имшақ эрмиш. Сүчиг сабын й²имшақ ағысын² арып ырақ бодунығ анча йағутыр² эрмиш.*

---

[3] Раньше этому переводу следовал и автор этих строк (см. мою статью: Текстологические исследования по древнетюркским руническим памятникам. I. В кн.: Тюркологический сборник. 1977. М., 1981, с.146). Данное чтение исправил Т.Текин.

Йағру қонтуқда кисре аңығ билиг анта өйүр эрмиш. (59) *Эдгү билге кишиң эдгү алп кишиг йорытмаз эрмиш* 'Воцарившись на этой земле, я уладил (дела) с народом табгач (китайцами). У народа табгач, дававшего [окружавшим его народам] без печали столько золота, серебра, шелка, речи всегда были сладкие, а дары – мягкие. Обманывая сладкими речами и мягкими дарами, он так приближал к себе далекие народы. Они же, после того как поселялись вблизи него, усваивали там дурные знания. [Однако] людей добромыслящих, истинных героев он не мог стронуть с места.'

Түзүл- страд. ф. от глаг. *түз-* 'ровнять; *перен.* приводить в порядок (*дела*)', отсюда возможно двоякое толкование формы *түзүлтим* – а) невозможно чисто страдательное значение "я был приведен в порядок", но допустимо средне-пассивное знач. "я упорядочился, уладился (с китайцами)"; б) можно предположить, что перед нами форма *түзүлт[т]им* – с невыписанным вторым согласным в геминате (паре одинаковых согласных), как это довольно часто бывает в рунических текстах, тогда правомерно перех. знач., ср. тур.düzelt- 'приводить в порядок'.

Исигти қутай – второе слово значит 'шелковая материя', первое слово точно неизвестно, это либо какое-то парное, синонимичное ко второму (т.е. тоже 'шелк, шелковая материя', так теперь читает Т.Текин), либо совершенно другой семантики, как читали раньше: 'спирт' (С.Е.Малов), 'хмельной напиток' (ДТС, 213).

Ағы – 'шелковая ткань', 'дар, дары' (ДТС, 17).

Саб-ы-н ... ағы-сы-н^2 – грамматически аналогичные формы инструментального (творит.) пад. после афф. принадл. *-ы / -сы*.

Ар- 'обманывать' (ДТС, 50).

Йағу-т-ыр^2 – наст.-буд. время на *-ыр* от побудит. формы глаг. *йағу-* 'приближаться'.

Ӧ-йӱр эрмиш – ӧ- ‘думать, размышлять’, после основ на гласный афф. наст.-буд. вр. *-йур / -йӱр*; *-йӱр эрмиш* – аналитич. ф. прош. длит. заглазного. *Аӈығ билиг анта ӧйӱр эрмиш – букв.* “размышляли там плохим знанием”.

Далее Бильге-каган развивает и дополняет обрисованную этими фразами коллизию: часть тюркского народа выступала за тесное взаимодействие с Китаем, часть была против:

(59) ... *Тӱрк бодун ӱлесикиг – бирийе Чуғай Йыш тӱгил Тӱн* (60) *йазы қонайын тисер Тӱрк бодун ӱлесикиг анта аӈығ киши анча бошғурур эрмиш: ырақ эрсер йаблақ ағы бирӱр йағуқ эрсер эдгӱ ағы бирӱр тип анча бошғурур эрмиш.* ‘Часть тюркского народа, ту часть тюркского народа, которая говорила: “Не на юге, в Чугайской черни, на северной равнине поселюсь я”, дурные люди в этом случае так наставляли: “Если быть далеко, плохие дары даст [народ табгач], если рядом быть, хорошие дары даст”, – так наставляли’.

Ӱле-сик-иг – прич. / имя действия на *-сик* глагола *ӱле-* ‘делить, распределять’ → ‘подразделение’; винит. пад. *-иг* вызван подчинением этого слова с его определениями переходному глаголу *бошғур-* ‘учить, наставлять’. Дополнение *ӱлесикиг* приводится в предложении дважды: в соответствии с риторическим правилом эмоционального нагнетания вторично это слово дается с развернутой определительной группой, которая таким образом оказывается логически выделенной.

Бильге-каган обрушивается на сторонников близости с Китаем, называет их глупцами – *билиг билмез киши* ‘людьми, которым неведома мудрость’, обвиняет их в том, что следование их советам являлось причиной гибели тюрков. В противовес этой гибельной практике Бильге-каган выдвигает иную тактику:

(61) *Ол йергерӱ барсар Тӱрк бодун ӧлтечи сен. Ӧтӱкен йир олуруп арқыш тиркиш ысар нең буңуғ йоқ Ӧтӱкен йыш олурсар беңӱ ил тута олуртачы сен.* ‘Если, тюркский народ, ты пойдешь в те земли [вблизи народа табгач], ты непременно погибнешь. Если ты, живя в Отюкенской черни, [только] посылаешь караваны [за данью], у теба совсем нет забот. Если ты живешь в Отюкенской черни, ты непременно будешь жить, сохраняя свой вечный племенной союз’.

Ӧл-течи сен... олур-тачы сен – форма *-тачы / -течи* функционирует как причастие и как личная форма глагола, как в данном случае, с временным знач. будущего с оттенком категоричности (“непременно”).

Ыі-сар – условная ф. от глаг. *ыд-* ‘посылать, отправлять’, кот. входит в чередовательный ряд *-д- ~ -т- ~ -з- ~ -й-* – тув. *ыт-*, як. *ыыт-*, хак., шор. *ыс-*, кыпч. группа *ий-*; в древних языках выступала основа *ыд-*, поэтому, вероятно, *ысар* здесь сокращение исходного **ыдсар* через ассимилятивный вариант: *ысар* <**ыссар* < **ыдсар.*

Арқыш тиркиш – парн. караван(ы).

Не-ң буң-уғ – форма принадл. 2-го л.ед.ч. в др.-тюрк. языке выражается двумя афф. *-ң* и *-ғ.*

Как видим, речь не идет о позиции изоляционизма, Бильге-каган призывает к гибкой тактике осторожных, осмотрительных связей, основанной на своеобразном принципе «отстояния» тюрков от Китая. Поскольку Бильге-каган неоднократно в этой части текста возвращается к обоснованию данного тезиса, подчеркивая, – тоже неоднократно, – что ценой его несоблюдения является гибель государства и народа, то становится очевидным: это не просто тактический принцип, это – политическое кредо и стратегическая концепция, выдвигаемая и отстаиваемая Бильге-каганом, это его главная мысль, которую он хотел донести до каждого своего подданного, и в особенности,

– племенных вождей. Политико-стратегическая концепция «отстояния» тюрков от Китая – это подытоживание длительного, в полтора десятилетия опыта самого Бильге-кагана по руководству государством, а также учет предшествующей истории тюркского каганата.

Завершается эта часть и вместе с ней основной текст надписи-эпитафии обращениями к читателю и сведениями по истории создания памятника:

(64) ... *Мен беңгӱ таш тикдим, Табғач қағанта бедизчи келӱртим, бедизе[т]тим, мениң сабымын сымады.* (65) *Табғач қағаның ичреки бедизчиг ыт[т]ы. Аңар адынчығ барқ йаратуртым, ичин ташын адынчығ бедиз уртуртым, таш тоқытдым ... буны көрӱ билиң беңӱ таш* (66) *тоқытдым ... Бу битиг битигме атысы Йол[л]ығ тигин.* ‘Я водрузил (этот) вечный камень, привел от кагана табгачей (китайского императора) резчиков, приказал (им) выполнить резьбу, мою речь они не исказили. Каган табгачей (китайский император) прислал (мне) придворных (*букв.* внутренних) мастеров. Я велел им построить (*букв.* создать) особое здание, внутри и снаружи приказал украсить (стены) особой резьбой и воздвигнуть камень. ... Глядя на него, знайте: я воздвиг вечный памятник. ... Писавший эту надпись – племянник его Йоллыг-тегин’.

Приписки к основному тексту надписи КТ

Существует 5 приписок к основному тексту надписи КТ: три – на углах (стесанных ребрах) между основными гранями, по одной строке на каждом углу, все они принадлежат, видимо, Йоллыг-тегину, руководившему (как сообщает в последней фразе своей надписи, стк 66, сам Бильге-каган) работами по высечению надписи. Одна из этих приписок, стк 68, рассмотрена выше, с.109; одна приписка на западной стороне, сверху от китайской надписи, принадлежит самому Бильге-кагану; еще одна до-

полнительная надпись из 7 плохо сохранившихся строк есть на каменной черепахе, служившей цоколем стелы.

Одна из приписок Йоллыг-тегина, племянника Бильге-кагана и Кюль-тегина, содержит ключ к хронологизации целого ряда исторических событий, упоминаемых или описываемых в КТ и БК, а через них, косвенно и в других древнетюркских надписях.

(67 = СВ) *Күл тигин қоң йылқа йити йигирмике учды. Тоқузунч ай йети отузқа йоғ эртүртимиз. Барқын*[2] *бедизин битиг ташын бичин йылқа йитинч ай йити отузқа қоп алқыдымыз. Күл тигин өзи қырқ артуқы йити йашыңа болты.* ... 'Кюль-тегин скончался в Год овцы, семнадцатого (27.02.731). В девятый месяц, двадцать седьмого (1.11.731) мы устроили поминальный пир. Здание и скульптуры, камень с надписью мы завершили окончательно в Год змеи, седьмой месяц, двадцать седьмого (21.08.732). Кюль-тегину было сорок семь лет'.

Эта приписная строка дает возможность уверенно и просто пересчитывать хронологию описываемых событий, приуроченных повествователем, Бильге-каганом, к годам жизни мемориата, Кюль-тегина, на общепринятый календарь. Конечно, отправной точкой здесь служит свидетельство китайской надписи, помогшей отождествить дату приезда китайской делегации в 732 г. (20-й год эры Кай-юань, см. об этом выше) с Годом змеи приведенной приписки. Предшествующий ему Год овцы – дата смерти Кюль-тегина, приходится, следовательно на 731 г. В год смерти Кюль-тегину было, согласно надписи, 47 лет, т.е. годом его рождения является 684 г. Отсюда выводятся даты упоминаемых в КТ событий. Например, согласно тексту, война с кыркызами состоялась, когда Кюль-тегину было 26 лет, т.е. в 710 г. (684+26), а в сражении с азами у озера Кара-кёль Кюль-тегину было 31 год, что дает календарную дату этой битвы 715 г., и т.д.

Некоторые военные эпизоды орхонских надписей связаны с территорией древних государств нынешней Южной Сибири. При дефиците исторических сведений по этому региону, небольшая, но достаточно конкретная информация из КТ и БК представляется весьма ценной. Ниже рассмотрим всего два таких эпизода.

Поход тюрков против кыркызов по данным КТ и БК

О военной кампании тюрков против кыркызов зимой 710 г. в надписи КТ и соответствующих местах БК речь ведется трижды. Первый раз в строке 17 КТ (= стк 15 БК) война против кыркызов лишь упоминается в контексте рассказа о диапазоне завоевательных походов Капаган-кагана и принимавших в них участие со времени своего повзросления его племянников:

(17) ... *Эчим қаған бирле илгеру Йашыл өгүз Шантуң йазықа теги сүледимиз, қурығару Темир қапығқа теги сүледимиз Көгмен аша Қырқыз йириңе теги сүледимиз.* ‘С моим дядей-каганом вместе мы ходили войском на восток до Зеленой реки (Хуанхэ) и Шатунгской равнины, на запад мы ходили войском до Железных ворот, перейдя Кёгмен, мы ходили войском до страны кыркызов’.

В этой фразе Бильге-каган указывает диапазон военных походов своего дяди, Капаган-кагана, в которых принимали участие оба брата – будущий Бильге-каган и Кюль-тегин. Во всех трех примерах конструкция с послелогом *теги* ‘до, вплоть до’ при дательном падеже управляемого имени указывает на предел, до которого распространяется действие. Страна кыркызов упоминается как крайняя северная точка походов.

Второй и третий раз о кыркызском походе рассказывается несколько подробнее. Сначала там же, где и первое общее упоминание, т.е. в IV части надписи, посвященной правлению Капаган-кагана. Этот рассказ тоже, как и пер-

вое упоминание, имеет идентичный текст в обеих надписях: в КТ – строка 20 и только начало 21, в БК – самый конец строки 16 и большая часть строки 17.

(20) ... *Барс бег эрти, қаған ат бунта биз биртимиз, сиңилим қунчуйуғ биртимиз. Өзи йаңылты, қағаны өлти бодуны күң қул болты Көгмен йир суб идисиз қалмазун тийин аз Қырқыз бодуныг <итип> йаратып келтимиз сүңүшдимиз* ... (21) *Йана биртимиз.* '[Главным] был Барс-бек. При этом мы ему дали титул кагана, пожаловали в супруги мою младшую сестру. Он сам совершил проступки, (поэтому) каган его погиб, народ стал рабами и рабынями. Говоря: "Да не останется Кёгменская земля без хозяина", – мы навели порядок в немногочисленном народе кыркызов, пришли, сразились, (а потом) отдали (страну) назад (в управление кыркызам)'.

Өзи йаңылты – не вполне понятен субъект этого предложения в составе сложной фразы: каган Барс-бег? кыркызский народ?, – поскольку оба они далее упоминаются, то не могут подразумеваться под словом *өзи*.

Необходимость рассказа о войне против кыркызов в этом месте (наряду с рассказом в следующем месте, см. далее) вызвана тем, что убитый тюрками кыркызский каган послужил главным балбалом в мемориальном комплексе самого Капаган-кагана.

Третье упоминание войны тюрков с кыркызами приходится на VI часть КТ, прославляющую самого меморианта. Участие в этой кампании является одним из ярких эпизодов героической биографии Кюль-тегина:

(34) ... *Күл тигин алты* (35) *отуз йашыңа Қырқыз тапа сүледимиз. Сүңүг батымы қарығ сөкипен Көгмен йышығ тоға йорып Қырқыз бодуныг уда басдымыз. Қағанын*[2] *бирле Соңа йышда сүңүшдимиз. Күл тигин Байырқуның ақ адғырығ* (36) *бинип оплайу тегди. Бир эриг оқун урты эки эриг удышру санчды.* ... *Қырқыз қағанын*[2] *өлүртимиз илин алты-*

мыз. 'На двадцать шестом году (жизни) Кюль-тегина мы пошли войском на кыркызов. Прокладывая дорогу в снегу глубиной с копье, мы перешли Кёгменскую чернь, на кыркызов мы напали врасплох. С их каганом мы сразились в Сонгайской черни. Кюль-тегин, сев на белого байыркуского жеребца, вступил в схватку. Одного мужа-воина (противника) он убил стрелой, двух (других) мужей-воинов, преследуя, он пронзил (копьем). ... Кагана кыркызов мы убили, государство их взяли.'

Сӱӊӱг бат-ым-ы – общетюрк. слово *сӱӊӱг* 'копье'; *батым* – имя от глаг. *бат-* 'погружаться (*в жидкую или рыхлую среду – воду, грязь, снег и т.п.*)' + афф. *-ым* со значением акта и меры действия (напр., общетюрк. *йудум*, алт. *д'удум* 'глоток' = "то, что проглатывается за один раз"), отсюда *батым* – "глубина, на которую однократно погружается какой-либо предмет", в данном случае, копье.

Тоға йорып – аналитич. ф. глаг. со знач. продолженности, длительности действия: дееприч. на *-а* основн. глаг. *тоғ-* 'подниматься' + *йоры-* 'идти, ходить'; оттенок длительности в переводе передать не удается.

Соӈа йыш – Сонгайская (или: Сунгайская) чернь, древнее название Хакасско-Минусинской котловины, встретившееся всего однажды в орхонских надписях (КТ В 35 = БК В 27) и также один раз в енисейских надписях (Е-28, Алтын-Кёль I), см. ниже, тему X, стр. 21.

Уд-ыш-ру – морфологическое строение и, как следствие, точное значение данного слова остаются все еще не до конца ясными: основа *уд-* 'следовать', *-ыш* может быть и взаимн. залогом (*удыш-* 'преследовать друг друга') и отглаг. именем (*удыш* 'следование, преследование'), *-ру* может быть сочетанием глаг. афф-ов побудит. залога *-р* и дееприч. *-у*, но может быть и афф. направительности *-ру*. С.Е.Малов в своем словаре к хрестоматии "Памятники древнетюркской письменности" привел три возможных

перевода *удышру*: 'в схватке' (со ссылкой на П.М.Мелиоранского[4]), 'одного после другого' (со ссылкой на В.Томсена), а также свой собственный – 'при преследовании', определив форму слова как деепричастие. Однако в текстовой части книги С.Е.Малов принял толкование В.Томсена (см.: МПДП, 437 и 41). Представляется, что наиболее близок к разгадке был В.Томсен, идея его перевода нуждается в следующей коррекции: "одного после другого" не во временном плане, а в смысле "одним ударом пронзить сразу двух мужей", как характеристика мощности удара. Такой удар осуществлялся на скаку с помощью массы коня, но нужна была огромная сила в руке, чтобы удержать копье по цели.

То же самое событие – поход против кыркызов – в аналогичной, VI части БК, прославляющей теперь уже самого Бильге-кагана, к счастью, оказался несколько расширен, и дополнительные сведения относятся к древней Туве:

(БК 26) ... *Алты отуз йашыма Чик бодун Қырқыз бирле йағы болты. Кем кече Чик тапа сүледим. Örпенте сүңүшдим, сүсин санчдым, аз бодуныҕ алтым, ... ичгиртим.* 'Когда мне было двадцать шесть лет народ чиков вместе с кыркызами стали (нам) врагами. Перейдя Кем (Енисей), я пошел войском на чиков. При Орпене я дал бой, войско их я разгромил, малочисленный народ я завоевал (*букв.* забрал), ... подчинил'.

Чик – таково название населения центральной части территории Саянской котловины, т.е. нынешней Тувы, применявшееся древними тюрками и уйгурами (о борьбе уйгуров с чиками см. тему VIII). Как мы знаем, в рунических текстах, найденных на территории Тувы и Хакасии,

[4] Мелиоранский, Платон Михайлович (1868-1906), ученик В.В.Радлова, автор работы "Памятник в честь Кюль-Тегина" (1899).

этноним чик, как и этноним кыркыз, не встречаются, сами себя эти народы называли различными другими именами (см. темы IX и X), а слова чик и кыркыз являются экзоэтнонимами (внешними, применяемыми чужими племенами).

Чик бодун Қырқыз бирле – сочинительное (или подчинительное с послелогом *бирле*, как в данном случае) словосочетание из двух этнонимов свидетельствует обычно о политическом альянсе указанных народов – союзе или зависимости. В паре употребляются в КТ и БК названия киданей и татабов, доминирующую роль здесь играли кидани. В паре кыркызы – чики, по всем историческим данным, с которыми не расходятся и орхонские тексты, ведущей силой, во много превосходящей чиков, были кыркызы. Об этом достаточно красноречиво говорит тот факт, что о столкновении с чиками в КТ даже не упоминается: видимо, посчитали его достаточно мелким, "проходным", по пути к кыркызам, эпизодом. Он был востребован лишь в более подробной редакции текста в БК.

Örpen – как установил В.М.Наделяев, данная древнетюркская форма, по-видимому, отразилась в современном тувинском как *Урбун*, – название села, которое прежде находилось в средне-западной части Тувы, на "великом повороте" Енисея на север, напротив впадения в Енисей р.Чаа-Холь. Ныне село перестало существовать, т.к. его земли ушли под водохранилище. Как можно предположить по обилию в низовьях Чаа-Холя и его окрестностях рунических памятников (называемых нами "западнотувинскими", см. ниже тему X), где-то в этих местах был центр одного из этно-политических объединений, государств-княжеств древней Тувы. И вполне возможно, что это было княжество этноса, который у тюрков и уйгуров носил название чиков.

Аз бодуныҕ алтым – в этом словосочетании слово *аз* многие ошибочно воспринимают как название народа азов, которые находились неподалеку от этих мест, в Западной Туве (эпизод, посвященный азам, см. след. раздел). Так переводили С.Е.Малов, Т.Текин и др. Однако никаких примет перехода темы от чиков к азам в данном куске текста нет. С другой стороны, ярким примером того, что Бильге-каган любой побежденный народ может назвать "малым", является вышеприведенный отрывок из 20-й стк КТ, где "малыми" (= малочисленными) названы кыркызы, народ и государство, заведомо крупнее чиков.

Ич-г-ир- – побудит. залог на *-ир* от основы *ичик-* 'подчиняться' → 'подчинять'.

Битва тюрков с азами по данным КТ

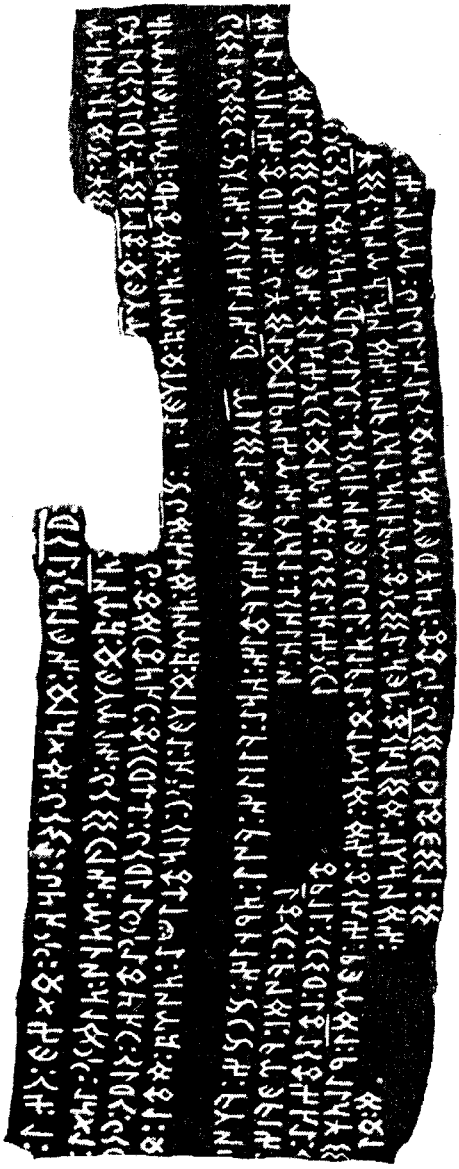
(42) ... *Аз бодун йаҕы болты. Қара көлте сӱӊӱшдимиз. Кӱл тигин бир қырқ йашайур эрти. Алп шалчы ақын*[2] (43) *бинип оплайу тегди. Аз элтебериг тутды. Аз бодун анта йоқ болты.* 'Народ азов стал (нам) врагом. Мы сразились у озера Кара-кёль. Кюль-тегину шел тридцать первый год. Верхом на белом (коне по кличке) Алп Шалчы он ринулся в бой и захватил эльтебера азов. Азский народ в том (бою) был уничтожен'.

Элтебер – титул верховного правителя у некоторых тюркских народов; менее весом, чем *каган* и, вероятно, чем *ябгу*.

Отождествление Кара-кёля надписей с совр. оз. Карахоль в Западной Туве, почти на границе с Алтаем, очень вероятно. Кара-кёль находится в непосредственной близи (50-60 км) от перевальной дороги по долине р. Ак-Суг через Западный Саян, зимний переход по которой так красочно описан в надписи Тоньюкука (стк 25-27). Вспомним, что проводником по этой дороге был избран «муж из степных азов» (Тон$_{23}$), который хорошо знал, по его

рассказу, засаянскую часть пути (по р. Б.Он на север), но трагически заплутал в горах. Поэтому можно предполагать, что степные азы жили за Саянами, в южнохакасских степях, тогда как в Западной Туве обитали азы горные. Ученые предполагают, что под азами древнетюркских памятников подразумевались самодийские племена, окончательная тюркизация которых завершилась лишь в XIX в. Нащупываемое по древнетюркским текстам различие степных и горных азов совпадает с данными специалистов по самодийским языкам, согласно которым в прилегающей к Западному Саяну части современной Тувы жили маторы, а в бассейне р. Абакан – койбалы[5].

[5] Языки мира. Уральские языки. М., 1993, с. 372-373, 389.

Памятник в честь Бильге-кагана
(фото с эстампажа в Атласе акад.В.В.Радлова)

Тема VIII: Содержание и историческое значение основных рунических памятников уйгурского периода.

Краткое содержание темы: *Руническая эпиграфика Уйгурского каганата. Надпись в честь Моюн-чура (Моян-чора) и Терхинская надпись, история борьбы и окончательной победы над тюрками, подчинение чиков.*

Руническая эпиграфика Уйгурского каганата

После победы над тюрками гегемония в степях севернее Китая почти на сто лет переходит к уйгурам, создавшим свой каганат (744-840). Уйгуры перенимают от тюрок обычай воздвигать своим полководцам и каганам памятники с надписями руническим письмом на литературном языке, общим для тюрков и уйгуров. Содержание по крайней мере четырех крупных памятников дает нам уверенность в том, что они относятся к уйгурскому времени и поставлены уйгурами: Селенгинская стела, или памятник в честь Моюн-чура[1] (Моян- ~ Моян-чора; сокращенно: МЧ; датируется приблизительно: около 760 г.), Кара-Балгасунская стела (КБл; ок. 821 г.), Терхинская стела (Трх; ок. 753 г.), Тесинская стела (Тес; ок. 762 г.). Первые два памятника – из старых находок, тех, что чи-

[1] Поскольку в литературе памятник больше известен под этим названием, мы его сохраняем, но в измененной транскрипции: Моян/Моян-чор. Это – имя второго уйгурского кагана до вступления его на престол (о тронном имени Элетмиш Бильге-каган см. ниже), проходящее только по китайским источникам в форме Моян(ь)-чжо. Есть мнения, что за этой транскрипцией стоит тюрк. *Баян-чор*, однако прототипом первого слова было, скорее, уйг. *буйан* ~ *муйан* 'благодеяние' (санскритско-буддийский термин), поэтому, правильнее все же будет передача не Моюн, а Моян или Муян. Ср. совр. тувинское имя Буян (= "добрый, доброта").

тали еще В.В.Радлов и В.Томсен, а два других – из числа открытий последних десятилетий.

Карабалгасунский памятник представляет собой трехязычную китайско-согдийско-тюркскую надпись, причем тюркская версия сохранилась очень отрывочно, небольшими фрагментами. Остальные три надписи (МЧ, Трх, Тес) – одноязычные, тюркские, но все – также со значительными повреждениями текстов.

Надпись в честь Моян-чора, как полагают специалисты, является поминальной эпитафией на смерть этого, второго по счету, уйгурского кагана (годы правл. 747-759). Несмотря на образовавшиеся многочисленные лакуны (пропуски текста) она содержит важные сведения из начального периода истории уйгурского каганата. В 1909 г. ее нашел в Северной Монголии, в районе р. Селенги, традиционных местах обитания уйгуров в VI-IX вв., и издал финский ученый Г.И.Рамстедт. Памятник до сих пор находится на месте обнаружения. Впоследствии его текст неоднократно переиздавался: С.Е.Маловым, Х.Н.Оркуном и др. Семьдесят лет МЧ оставался уникальным раннеуйгурским документом.

В 1950-70-х гг. усилиями монгольских и российских ученых был открыт и исследован ряд памятников древнетюркской эпиграфики на территории Монголии. К числу важнейших среди них можно отнести опубликованные проф. С.Г.Кляшторным в 1980 и 1983 гг. Терхинскую и Тесинскую надписи. Оба памятника перевезены в Улан-Батор.

Терхинский памятник происходит из северо-западной части Хангайского нагорья, из местности вблизи р. Терхин-гол. Четырехгранная стела из светлосерого гранита, шириной до 37см и толщиной до 27см, с помощью штыря была вставлена в постамент в форме черепахи. Общая высота обелиска, состоявшего из постамен-

та, стелы и утраченного навершия превышала, вероятно, 3,5 м.

Анализ текста Трх показал ее многочисленные текстуальные совпадения с МЧ. Обе они составлены как повествование самого кагана Моян-чора в форме 1-го л.ед.ч.: "я ходил ...", "я покорил ..."; – и т.д. События царствования Моян-чора – войны, сражения, политические коллизии, описываемые в Трх, повторены в основном в МЧ. Однако исторически Трх у́же МЧ: в Трх событийная часть доведена до 753 г., тогда как МЧ охватывает события всего царствования Моян-чора (по 759 г.). При этом не менее важно, что текст МЧ вообще подробнее текста Трх, т.е. это касается и параллельно описываемых в обеих надписях исторических событий по 753 г. В известном смысле Трх может рассматриваться как краткая ранняя редакция МЧ. И обе они, конечно, являются "надписями Моян-чора" (поэтому правильнее их было бы называть соответственно: Селенгинская и Терхинская надписи).

Более подробному характеру изложения в надписи МЧ способствовали и ее бо́льшие размеры: в первоначальном (неразрушенном) варианте МЧ была больше Терхинской примерно в два раза (вероятно, свыше 6 тысяч знаков – по расчету количества строк и знаков в строке), хотя процент сохранности у нее, возможно, и меньше, чем в Трх.

Наличие параллельных или даже просто сходных мест в МЧ и Трх, как и в случае с идентичными местами КТ и БК, позволяет восполнять недостающее в одной надписи по сохранившимся местам другой и лучше понимать смысл фрагментарного текста каждой надписи. Некоторый материал для сопоставлений дает также Тесинская стела. Детальный сравнительный анализ всех надписей уйгурской эпохи, но главным образом, Трх и МЧ, еще

впереди, в нем сделаны лишь первые шаги, остается пока много неясного.

Селенгинская и Терхинская надписи в честь Моян-чора

Познакомимся с некоторыми сохранившимися частями текстов обеих надписей – МЧ и Трх, выбирая за основу в зависимости от сохранности то одну, то другую. Относительно самостоятельные фразы цитируем из каждой надписи порознь, а дополнения и уточнения из надписи неосновного цитирования ставим в угловые скобки, при этом везде указывается адрес – надпись, сторона, строка.

Становление уйгурского каганата, борьба против тюрков. Начало повествования об уйгурском каганате, включающее его краткую предысторию, а также начальную фазу – борьбу и победу над тюркским каганатом, – плохо сохранилось в обеих надписях – МЧ и Трх, но все же больше осталось в МЧ. От первой строки надписи МЧ осталось всего несколько слов, но они содержат зачин, напоминающий орхонские тексты:

(МЧ $С_1$) *Теңриде болмыш ил итмиш билге қаған* ... 'Небом рожденный, государство устроивший, мудрый (в делах правления) каган ...'.

Теңриде болмыш – см. ниже, с.160.

Ил итмиш билге қаған – С.Е.Малов понимал данное словосочетание в нарицательном смысле, как и сохранено в приведенном выше переводе. В последнее время ряд тюркологов толкуют слова *ил итмиш* / в Трх: *эл этмиш* как имя собственное *Элетмиш*, видя в нем тронное имя мемориантa, от лица которого ведется повествование: Элетмиш Бильге-каган (по дотронному имени: Моян-чор). Вторая часть есть в имени отца мемориантa, Кюль Бильге-кагана, проходящем в строке 5 (см. ниже). Однако

есть несколько нюансов, мешающих восприятию указанного словосочетания как собственного имени.

Прежде всего, при подобном прочтении эпитетная часть при слове каган – *теңриде болмыш* –.слишком коротка для зачина, явно неполная, а вот с включением *ил итмиш* в состав эпитетов достигается некоторая равновесность: характеристика кагана включает и божественное происхождение, и его земные деяния. Другое соображение: каган вряд ли представляет себя по имени, скорее – только описательно, через титулование. Третье. В Терхинской надписи называние кагана имеет место три раза, и все три раза повторяется целиком весь оборот: *теңриде болмыш эл этмиш билге қаған* (Трх Ю$_6$[2], З$_{1, 6}$). Вряд ли столь длинное словосочетание составляло имя. Четвертое. В Тесинской надписи указанное словосочетание употреблено, видимо, несколько раз, как минимум – четыре, но без утрат сохранилось в двух местах, причем один раз в измененном составе: ... *теңриде болмыш эл этмиш уйғур қаған* (Тес В$_1$). Кстати, и в Трх (З$_6$) можно отметить хоть и несущественное, но все же изменение лексемного состава этого словосочетания: *теңриде болмыш эл этмиш билге қаным* 'небом поставленный, государство устроивший мудрый мой хан' (не каган). Но ведь состав имени не может варьировать в отношении образующих его лексем. Из всего сказанного вытекает, что перед нами, скорее всего, не имя собственное мемориата, а описательное именование конкретного кагана (Моян-чора), состоящее из индивидуализированного, относительно устойчивого набора эпитетов.

---

[2] Заглавными буквами – Ю, З, С, В – обозначаются грани (стороны) стелы, ориентированные на страны света – юг, запад и т.д., а спущенными вниз цифрами при буквах – номера строк на гранях.

Отрывки второй – третьей строк, грамматически не всегда стыкуемые, продолжают давать информацию общего исторического плана.

(МЧ C_2) *Ötüken <или> тегреш или экин ара олурмыш субы Селеңе эрмиш* ... 'Отюкенское государство, окружающие государства, – между ними обоими поселились (уйгуры?), рекой у них была Селенга'. В Терхинской надписи (B_3) вместо слов *субы Селеңе* стоит *Орқун өгүзде.* Можно понять, что речь идет о расселении уйгуров в районе рек Селенга и Орхон, севернее государства тюрков на Отюкене (совр. Хангае). В Терхинской надписи (B_3) перед словом *Ötüken* хорошо сохранилось еще целое предложение: *эчүм апам секиз он йыл олурмыш* 'мои предки восемьдесят лет сидели (на царстве)'. Однако было ли такое предложение на стершейся части строки 1 в МЧ, мы достоверно судить не можем.

Тегреш – в Тон встретилось наречие *тегре* 'вокруг', в др.-уйг. текстах есть также прилагательное *тегреки* 'находящийся вокруг, окружающий' (см. выше, с. 85), но в МЧ и Трх несколько раз употреблена форма *тегреш* (или, возможно, *тегрес*), которую можно рассматривать как производное от *тегре* с отименным афф. *-ш* (*-с-?*), отмеченное в редких образованиях: *бағыш* 'связки (*сустава*)' от *бағ* 'веревка', *бөгүш* 'понимание' от *бөгү* 'мудрый', *теркиш* 'быстрота' от *терк* 'быстрый' (ДТС, 663); другое возможное понимание афф. *-с/-ш* – значение множественности, как в слове *ышбараш* 'ышбары' (*назв. должности, титула – во множ.ч.*) от *ышбара* 'ышбар' (*назв. должности, титула – термин из санскрита*). При обоих толкованиях *тегреш* означает приблизительно: "то, что вокруг", "окружающие (местности)", т.е. должно быть именем нарицательным и вряд ли именем собственным.

(МЧ C_3) *Суб ... қалмышы бодун Он Уйғур Тоқуз Оғуз үзе йүз йыл олурмыш* 'Народ, оставшийся ... (где? – неясно;

С.Е.Малов предполагает: "поблизости Орхона"), властвовал над (букв.: сидел над) народом Десяти Уйгуров и Девяти Огузов в течение ста лет'. Наиболее вероятно, что имеются в виду тюрки, которые на протяжении истории тюркского каганата (551-744) неоднократно подчиняли себе уйгуро-огузские племена. Собственно, тюркский каганат во многом, как считают историки, состоялся благодаря усилению, особенно на первых порах, тюрок за счет подчинения уйгуров. Возможно, под концом этого периода в сто лет имеется ввиду 630 г., год временного, на 50 лет прекращения существования тюркского государства (и, следовательно, временного освобождения уйгуров из-под власти тюрков). Начало же этого периода отсчитывается, очевидно, от момента их первоначального подчинения еще до провозглашения в 551 г. ябгу тюрков Бумына – каганом, т.е. приходится на 530-е гг.

(МЧ С4) *Түрк Қыбчақ элиг йыл олурмыш Түрк илиңе алты отуз йашыма* ... '[Когда над нами] пятьдесят лет властвовали тюрки и кыпчаки, для Тюркского государства (или: в Тюркском государстве) на 26-м году моей жизни...'.

"Пятьдесят лет" – имеется в виду период следующего подчинения уйгуров тюркам, наступивший с восстановлением Тюркского каганата Ильтеришем (годы правл. 682-691), войны с Токуз-огузами, в результате которых они вновь были подчинены тюркам, – примерно, 687 г. Длился этот период как минимум до 741 г., когда уйгуры начали борьбу с тюрками, о которой и идет речь далее в надписи Моян-чора. 26-му году жизни Моян-чора соответствует 739 г. (о возрасте самого Моян-чора см. ниже, с.154), в это время он еще был связан с государством тюрков. Но события, как увидим, уже надвигались.

(МЧ C_5) ... *Тоқуз оғуз бодунымын тирӱ қобраты алтым. Қаңым Кӱл Билге қаған* ... ‘Я собрал свой народ токуз-огузов. Мой отец, Кюль Бильге-каган ...’.

Судя по этой строке и следующим, руководил всем выступлением против тюрков отец мемориантa (которого он величает “каганом”, хотя, возможно, этот титул будет принадлежать ему по праву лишь через несколько лет), а сын выполнял его поручения.

Тирӱ қобраты алтым – аналитич. форма способа действия, состоящая из пары основных глаголов (*тер-~ тир-* ‘собирать’, *қобрат-* ‘собирать’) в форме дееприч. на *-у / -ӱ* и вспомогат. глаг. *ал-* ‘брать’, кот. придает всему сочетанию знач. совершения действия в интересах субъекта: “собрал для себя”. В русском переводе этот оттенок обычно не передается. Трехкомпонентные глагольные аналитические формы – характерная примета уйгурского варианта древнетюркского литературного языка.

В Терхинской надписи на восточной стороне, в пятой строке есть предложение, сохранившее важное хронологическое свидетельство, аналога которому в МЧ (возможно, из-за утраты текста) не находится:

(Трх B_5) ... *секиз отуз йашыма йылан йылқа тӱрк элин анта булғадым анта артатдым* ‘на двадцать восьмом году моей (жизни) в Год змеи в тюркском государстве я поднял смуту и привел его к гибели’.

Ближайший к описываемым событиям Год змеи приходится на 741г.; если Моян-чору тогда было двадцать восемь, значит дата его рождения – 713 г. Это позволяет, в частности определить дату для 4-й строки МЧ, см. выше.

В приведенной фразе из Трх не менее интересен и «лексикологический» нюанс: глагол *булға-* ‘возбуждать недовольство, сеять смуту’ (ДТС, 122) применяется по отношению к внутренним распрям. Это сходится со сказан-

ным выше, в комментарии к строке 4, о том, что Моянчор и, следовательно, уйгуры в целом в это время еще были связаны с тюркским государством, относились к числу его федератов.

(МЧ $С_6$) *Сӱ йорыды. Өзӱмин өңре быңа башы ы[д]ты. Кейреде өңдин йантачы.* '[Мой отец] ... выступил с (основным) войском. Меня послал вперед во главе тысячи. От Кейре я должен был повернуть на восток'.

Восстановление "мой отец" не подлежит сомнению, поскольку кто же мог "послать" сына-наследника, кроме отца-кагана? Некоторые другие детали этой экспедиции помогает определить параллельный (событийно близкий) текст Терхинской надписи:

(Трх $В_6$) ... *Атлығын йумшады, быңа йорыды. "Озмыш тегин Одурғанта йорыйур, – теди, – аны алғыл! – теди.* 'Он послал свою конницу, пошла тысяча. Сказал: "Озмыш-тегин кочует в Одургане. Захвати его!", – сказал'.

Становится яснее и определеннее, чем это следовало из ущербного текста МЧ, что Кюль Бильге-каган проводит операцию против тюрков, и его сын действует против Озмыш-тегина по его приказу.

(МЧ $С_7$) *Ичгирип йана йорыдым. Кейре башынта Үч Биркӱде қан сӱси (бирле) катылтым* 'Подчинив, я снова выступил в путь. У горы Кейре, при слиянии Трех рек я соединился с ханским войском'.

Объект глагола "подчинив" находился на уничтоженной части 6 строки, и было основание сомневаться: а вдруг описан новый эпизод и речь идет не о тюрках. Теперь благодаря свидетельству фразы из Трх $В_6$ эта неопределенность снимается, и мы удостоверяемся, что в строках 6 и 7 МЧ повествование о военных действиях против тюрков было продолжено.

Восьмая строка завершает первый эпизод, который логикой событий перерастает во второй, будучи, возможно, его причиной. Сохранившаяся в Трх после слов "тюркский народ" дата определенно свидетельствует о том, что речь идет о сражении:

(МЧ C_8) *Иртим. Қара қум ашмыш. Көгӱрде Көмӱр таға Йар ӱгӱзде ӱч туғлығ Тӱрк бодун* <Трх B_7 *қа анта йетинч ай тӧрт йегирмике*>... 'Я преследовал (их). Они, как нам стало известно, перешли через Каракумы (Большую пустыню). В Кёгюре, у Угольной горы, на реке Йар, на трехбунчужный Тюркский народ в седьмой месяц четырнадцатого ...'.

Возможно, тюрки, которых стал преследовать Моян-чор, еще недавно (в начале 7-й строки) "подчинились", но затем, вероятно, сбежали, откочевав всем объединением, не желая соблюдать новую зависимость. О такого рода "бегствах народов" и их "преследованиях" нередко упоминается и в тюркских, и в уйгурских надписях.

Предложение *Қара қум ашмыш* С.Е.Малов переводит как "Мы перешли Кара-Кум", делая его однородным с *иртим*. Однако форма заглазного прошедшего на *-мыш* заставляет осмыслить это место по-другому: это сбежавшие перешли пустыню; преследуя их не по пятам, а через какое-то время, Моян-чор узнал об их маршруте от кого-то (местных жителей и т.п.), почему и потребовалась модальность недостоверности.

К сожалению, мы не знаем ни одной конкретной локализации упомянутых топонимов – Кёгюр, Угольная гора, река Йар. Сближение местности *Кёгюр* со средневековым названием Кореи – *Кёгюре* кажется рискованным прежде всего из-за значительной отдаленности от Гоби, но также и из-за разницы в количестве слогов.

В названных местах – в Кёгюре, у Угольной горы и на реке Йар, – располагался трехзнаменный народ тюрков, временно или постоянно – не ясно, к нему, возможно, и присоединились бежавшие. Как известно из источников, тюрки состояли сначала из десяти, а позднее из двенадцати племен, каждое со своими племенными вождями и собственным знаменем (бунчугом). Знамя олицетворяло также способность (и обязанность) племени выставлять на общие военные кампании войсковую единицу – тьму (*тюмен* – дивизия, численностью до 10 тыс. чел.). Поэтому "трехбунчужность" тюркского народа в устах повествователя говорит, скорее, об ослабленном военном потенциале тюрков, поскольку в их союзе осталось к тому времени три из 12 племен. То, что это не какая-то периферийная часть тюрков, а их главные на тот момент силы, свидетельствует тот факт, что ими руководил каган тюрков. Продолжение и окончание второй части повествования о войне с тюрками в надписи таково:

(МЧ С$_9$) *Озмыш тигин қан болмыш. Қоӈ йылқа йорыдым. Икинти сүӈүш еӈ илки ай алты йаӈықа тоқыдым.* ...<Трх Ю$_1$: *Бичин йылқа йорыдым.*> *Озмыш тигиниг* (С$_{10}$) *тутдым, катунын анта алтым. Түрк бодун анта ынағару йоқ болты.* 'Озмыш-тегин стал ханом. В Год овцы (743) я двинулся (в поход). Второе сражение я дал шестого числа первого месяца. ...<В Год обезьяны (744) я выступил.> Озмыш-тегина я взял в плен, его супругу я забрал (себе). После этого народ тюрков (т.е. их государство) перестало существовать. Затем в Год курицы (745) ...

Йаӈы-қа – *йаӈы* 'новый' имеет также значение 'новолуние'.

Тоқы- 'бить, ударять', *перен.* 'разбивать, громить (*противника*)'.

Ы-на-ғару 'затем, после'; есть синонимичная ей форма *ынару* 'за, туда, дальше' (ДТС, 219), в составе обеих

есть направит. афф. *-ɣару* и *-ру*, основу слова точнее подсказывает еще одно производное (с уподобительным значением) на *-ча – ынча* ‘так, таким образом’: *ы-н-*. Местоименная основа **ы* ‘этот’ сохранилась только в ряде косвенных форм (где появляется вставочное *-н*), так же как и другая местоименная основа **а* ‘тот’ сохранилась в формах *анта* ‘там’, *аңар* (< *а-н-гар*) ‘туда’, *анча* ‘так’.

Несмотря на не поддающиеся чтению разрушенные места, историческая канва только что цитированного отрывка текста вполне определенна. Год Овцы (МЧ$_9$) приходится на 731, 743 и 755 гг. В 731г. еще правил тюркский Бильге-каган, в 755г. было уже время уйгурского каганата; следовательно, остается только 743 г., в котором сын уйгурского Кюль Бильге-кагана, повествователь и одновременно мемориант надписи МЧ выступил в поход. Дата второго сражения косвенно устанавливается и по МЧ, поскольку оно имело место всего лишь на 6-й день после наступления нового года, следующего за Годом овцы, а это – Год обезьяны (744). Однако текст Трх сохранил прямое указание на Год обезьяны как дату гибели тюркского каганата: Моян-чор пленил последнего тюркского кагана Озмыш-тегина и в знак лишения его суверенности забрал к себе в гарем его супругу, после чего составлявший основу государства племенной союз (народ) тюрков распался.

Другие войны уйгуров, вступление на престол Моян-чора. Столь важное историческое событие как завоевание уйгурами тюркского каганата в надписях МЧ и Трх никак особо не выделено, оно идет в череде, надо думать, рядовых эпизодов, посвященных войнам с другими народами.

(МЧ С$_{11}$) <Трх Юз: *Ыт йылқа*> *Üч Қарлуқ йаблақ сақынып тезе барды, қурыйа Он Оққа кирти. Лағзың йылқа тоқыдым. ... Тай Билге тутуқуғ* (С$_{12}$) *йабғу атады. Анта кисре қаңым қаған учды.* ‘<В Год собаки> [Объединение] Трех карлуков, замыслив недоброе, бежали, на западе они

присоединились к [народу] Десяти стрел. В Год свиньи (747) я разгромил (их). ... Тай Билге-тутука назначил ябгу. Затем мой отец-каган скончался'.

Ата-дым – ат 'имя; звание, титул', *-а-* афф. древнего глаголообразования: *ата-* 'давать (*имя, звание, титул*), назначать (*на должность с соответствующим званием*).

На предательство Трех карлуков, сбежавших к западным тюркам, уйгуры смогли ответить карательным походом только в Год свиньи, приходившийся на 747г. Само же бегство карлуков имело место в предыдущем (746) году, поскольку указание на Год свиньи стоит в середине рассказа об этом событии, непосредственно перед сообщением о военном разгроме карлуков. Так получается, если учитывать лишь текст МЧ, в котором дата бегства Трех карлуков утрачена. Однако эти выкладки напрямую подтверждаются Терхинской надписью, сохранившей указанную дату.

Хотя между эпизодом с карлуками и эпизодом с Тай Бильге-тутуком и последовавшей за этим смертью Кюль Бильге-кагана, отца повествователя, в тексте есть лакуна, вероятнее всего, эти события покрываются одной и той же датой – Годом свиньи (747). Назначение некоего Тай Бильге-тутука на должность йабгу – один из высших постов в государстве, очевидно, относится к последним актам отца-кагана. Судя по дальнейшему тексту, указанное назначение оказалось причиной длительных раздоров среди огузов (объединения уйгурских племен), перипетии которых занимают довольно много места в надписи МЧ – строки 13-19 (о чем ниже). В Терхинской надписи эпизоды с Тай Бильге-тутуком и междуусобными войнами огузов совершенно отсутствуют. Столь заметная разница в содержании текстов безусловно была порождена какими-то политическими, пока нам неизвестными обстоятельствами. В отличие от МЧ в Трх подробнее отражено всту-

пление Моян-чора на царство; правда, некоторые выражения в этом месте текста остаются не до конца ясными, приведем лишь заключительные фразы:

(Трх Ю5) ... *Қара бодун турйан қаған* (Ю6) *атады, Теңриде болмыш эл этмиш билге қаған атады, эл билге қатун атады.* 'Весь народ провозгласил живущего кагана, провозгласил рожденного Небом, государство устроившего, мудрого (в делах правления) кагана, провозгласил государственномудрую хатун'.

Теңриде болмыш – С.Е.Малов переводил это выражение как "неборожденный" (в КТ/БК), исходя из буквального значения: "в небе *или* из неба возникший" (ПДП, 33); при переводе МЧ он несколько изменил его понимание: "Небом поставленный" (ПМК, 38). Контекст Терхинской надписи позволяет внести уточнение в значение этого выражения: поскольку кагана назначили, провозгласили "на земле", земные силы (народ), то ясно, что функция назначения не принадлежит Небу. Следовательно, оборот нельзя понимать как "поставленный Небом". Тогда остается другой смысл – "на Небе ставший, возникший" или "от Неба произошедший", что одинаково покрывается русским переводом 'Неборожденный', 'рожденный Небом'.

Турйан – слово очень трудное для истолкования. С.Г.Кляшторный, публикатор надписи, воспринял его как "собственное имя Элетмиш Бильге-кагана", которое "регистрируется впервые". Такому пониманию препятствует, на наш взгляд, употребление этого слова применительно к отцу Моян-чора: (Трх Ю4) ... *сеңүт қара бодун турйан қаңым қанқа өтүнти* 'генералы и весь народ обратились с просьбой к моему отцу – живущему (?, действующему?) кагану'.

Слово *турйан* и в нарицательном смысле тоже в древнетюркских памятниках не отмечено. Вероятно, это –

производная форма общетюрк. глаг. *тур-* 'вставать / стоять', 'пребывать, находиться, обитать, жить'. Грамматический контекст указывает, что она должна быть причастием, однако в древних памятниках показатель *-йан* в этой функции до сих пор не фиксировался.

Междуусобные войны огузов. Описывая целую серию сражений с соплеменниками, Моян-чор сообщает о своих неоднократных попытках перевода конфликта на мирные рельсы:

(МЧ B_1) ... *Анта Бӱкегӱк[к]е йетдим. Киче йаруқ батур эрикли сӱңӱшдим, анта санчдым. Кӱн қачмыш, тӱн тирилмиш. Бӱкегӱкде Секиз Оғуз, Тоқуз Татар қалмадуқ. Ики йаңықа кӱн тоғуру сӱңӱшдим. Қулым кӱним бодуныг теңри* (B_2) *йер айу бирти. Анта санчдым. Йазуқлыг атлыг ... теңри тута бирти. Қара игил бодуныг йоқ қылмадым эбин барқын йылқысын йулмадым. Қыйын айдым, турғуру қо[д]тым. "Кентӱ бодуным", – тидим, – "уду келиң", – тидим. Қодуп бардым, келмеди.* 'Тогда я настиг (их) у Бюкегюка. Вечером, на закате солнца я сразился с ними и победил. Днем они разбежались, а ночью (вновь) собрались. В Бюкегюке не осталось Восьми огузов и Девяти татар. На второй день полнолуния на восходе солнца я сразился с ними. (Сами) Небо и Земля говорили (мне, что это) мой подданный народ. Тогда я победил их. Погрешивших (против меня) именитых (людей) Небо прибрало (т.е. они погибли). (Но) простой народ (их) я не уничтожил, их жилища и скот я не отобрал. Я (лишь) назначил наказание, (а все) оставил как всегда. "(Вы) мой собственный народ, – сказал я, – придите, (чтобы) следовать за мной". Я оставил (их) и ушел, (но) они не пришли'.

Йаруқ бат-ур эр-икли – аналитич. форма прич. на *-р* осн. глаг. + частица *эрикли* (< прич. общего времени на *-гли/-кли* от глаг. *эр-* 'быть') передает обст-во врем. "когда".

Қул-ым күң-им бодун – қул ‘раб (*мужчина*)’, *күң* ‘рабыня (*женщина*)’, букв.: народ (представляющий собой) моих рабов и рабынь.

Йазуқ-лығ ат-лығ... – здесь в тексте небольшая лакуна, но как показывает текст в строке 17 (см. ниже), слово *атлығ* ‘называемый (обладающий именем), именитый (обладающий званием, титулом)’ может употребляться субстантивированно. По этой причине две адъективные формы на *-лығ* смогли составить определительное словосочетание: первое (‘грешный, обладающий грехом’, *йазуқ* ‘грех’) остается адъективом, второе субстантивировалось, т.е. перешло в разряд имен.

Игил – ‘простой’ (ДТС, 204).

Йул- ~ йол- – общетюрк. глаг. со знач. ‘вырывать, выдергивать’, *перен.* ‘отнимать, грабить’, ср. тув., хак. *чул-*, алт. *д'ул-*.

Қыйын айдым – букв. наказание я сказал (*сообщил*).

Қо[д]-тым – общетюр. глаг. *қод-* ‘ставить, класть’, ‘оставлять, покидать, прекращать’ и т.д. (см.: ЭСТЯ VI, с.27-29) относится к числу основ с чередованием *-д- ~ -з- ~ -й- ~ -р-*. Согласно законам исторической фонетики в кыпч. и огуз. группах представлены формы с *-й-*: *қой- ~ қуй-*; в хакасской группе – формы с *-з- ~-с-*: *хос-* ‘прогонять (*кого-л.*); *перен.* разводиться (*о супругах*)’. В тувинском вместо ожидаемой формы с *-д-*, которая утрачена, представлена форма с *-з/с-*, заимствованная из хакасских диалектов: тув. *хос-* ‘не подпускать; бросать, оставлять; отказываться’, ‘не хотеть жить вместе, не любить (*о ком-л. из супружеской пары*)’. Значение тувинского глагола богаче аналогичного хакасского, сохраняет семантический переход к исходному ‘оставлять’, следовательно заимствование имело место достаточно давно, вероятно, еще в древности.

Еще раз Моян-чор для увещевания "своего" народа посылает десяток пленных, взятых им в одном из сражений, с тем чтобы они донесли его позицию народу:

(МЧ B_4) ... *Бен Селеңе кече уду йорыдым. Сӱңӱшде тутуп он эр ы[д]тым.* (B_5) *Тай Билге тутуқ йаблақын ӱчӱн, бир эки атлығ йаблақын ӱчӱн, қара бодуным ӧлтиң йетдиң, йана ичик, ӧлмечи, йетмечи сен, – тидим, – йиче исиг кӱчиг биргил, – тидим. Ики ай кӱтдим, келмеди.* 'Я перешел Селенгу и преследовал (их). (Из) взятых в сражении (пленных) десять человек я послал (сказать): "Из-за низости Тай Бильге-тутука, из-за низости одного-двух именитых (людей), ты, мой простой народ, погибал, дошел (до крайности), присоединяйся снова (к государству), ты не должен погибать, доходить до (крайности), – сказал я, – опять служи (мне)", – сказал я. Я ждал (иҳ) два месяца, они не пришли'.

Йет-диң – букв. 'ты достиг', оттенок "плохого состояния, крайности" домысливается только исходя из необходимости дать синоним к глаголу *ӧлтиң* 'ты, умирал, погибал'. У общетюрк. глаг. *йет-* 'достигать, доходить; быть достаточным, хватать' в различных тюркских языках «сформировались многочисленные переносные значения» (ЭСТЯ IV, 194), однако столь явная отрицательная семантика нигде, как будто, не зафиксирована, ср. тув. *чеът-*, алт. *д'ет-*, хак. *чит-*, якут. *сит-* 'достигать, доходить; догонять, настигать; приближаться, наступать; созревать; быть достаточным и т.п.', кроме, может быть, тувинского устойчивого выражения в понудительно-возвратной форме этого глагола: *амы-тынынга чеъттинер* 'кончать жизнь самоубийством'. Буквальное значение: "свою жизнь (парн. *ам-тын* 'жизнь') доводить самому / в отношении себя", – но при этом домысливается – "до плохого, смертельного конца".

Öл-мечи, йет-мечи – форма на *-мачы /-мечи* является отрицательным соотвествием форме будущего времени личной формы и причастия на *-тачы /-течи.*

Кӱт-дим – общетюрк. глаг. *кӱт-/ гӱт-* с основными знач. 'пасти (*скот*)', 'охранять', 'ждать' (ЭСТЯ IV, 108), ср. алт. *кӱт-* , якут. *куут-*, однако в тувинском и хакасском языках этот глагол утрачен.

После бесполезного ожидания, Моян-чор выступил было против огузов, но они сами пришли с враждебными намерениями:

(МЧ B_5) ... *Секизинч ай бир йаңықа: "Сӱ йорыйын", – тидим. Туғ ташықыр эрикли* (B_6) *йелме эри келти: йағы келӱр, – тиди. Йағын башы йорыйу келти.* 'Восьмого месяца первого числа я решил (*букв.* сказал): Пойду-ка я походом. Когда уже знамя двинулось в путь, прибыли мужи-воины летучего отряда: "Враг идет, – сказали, – передовые отряды (уже) пришли'.

Моян-чор сразился и победил сначала огузов, а затем в отдельном сражении – татар, после чего часть татар подчинилась ему, а часть ушла и присоединилась либо к китайцам, либо к киданям (тест испорчен). Решив проблемы с коалицией огузов и татар, Моян-чор на некоторое время получил передышку от военных действий:

(МЧ B_7) ... *Ӧтӱкен ирин қышладым, йағыда бошана бошанылдым. Эки оғлыма йабғу шад ат биртим, Тардуш, Тӧлис бодунқа биртим.* 'Я зимовал на солнечной стороне Отюкена, от врагов я полностью стал свободен. Двум своим сыновьям я пожаловал (титулы) ябгу и шада, назначил (их народам) тардушей и тёлисов'.

Ир-и-н – ир 'солнечная сторона горы' (значение слова раскрыто у Махмуда Кашгари, см.: ДТС, 211), *-и* афф. принадл. 3 л., *-н* – винит. пад. после притяжательных основ.

Боша-н-а боша-н-ыл-дым – от глаг. *боша-* 'освободиться' возвр. ф. на *-н-* 'освободиться (*самому/для себя*)', от нее страдат. залог *боша-н-ыл-* 'стать освобожденным'. Очевидно, форма дееприч. *бошана* при том же глаголе служит усилению: букв. "освобождаясь, освободился", т.е. полностью освободился.

Тардуш, Тӧлис бодунқа биртим – вспомним, еще недавно, за 50 лет до надписи Моян-чора, другой талантливый полководец, но не уйгур, а тюрк, будущий Бильге-каган, в возрасте 14 лет (т.е. в 697 г.) сел шадом над народом тардушей (БК, стк 15), потому что еще раньше его отец, Ильтериш-каган, "устроил" народы тёлесов и тардушей, т.е. подчинил их и присоединил к своему государству. Теперь, в конце 740-х гг. эти народы подчинил себе уже уйгурский каган Моян-чор, назначив, как это делали и тюркские каганы, наместниками к ним своих ближайших родственников.

Войны с чиками и кыркызами. Несколько эпизодов в надписи Моян-чор посвятил войнам с чиками и кыркызами.

(МЧ $В_7$) ... *Барс йылқа Чик тапа йорыдым. Экинти ай тӧрт йигирмике Кемде* ($В_8$) *тоқыдым. Ол йыл ... ичикди.* <Трх $З_1$: *Ӧтӱкен кедин учынта Те>з башынта Қасар Қурда (?) ӧргин анта ититдим, чыт анта тоқытдым, йай анта йайладым йақа анта йақаладым, белгӱмин битигимин йаратытдым* 'В Год барса (750г.) я пошел на чиков. Во второй месяц четырнадцатого (числа) на [реке] Кем я разгромил (их)'. В тот год ... (они) подчинились. Затем <на западной окраине Отюкена> в верховьях (реки) <Те>з, в Касар Куре (?) я приказал устроить там ставку, я приказал воздвигнуть там стены и провел там лето, там я установил границы (моих владений) и приказал выбить мои знаки и письмена'.

<Ötüken kedin učynta Te>z bašynta – благодаря сохранению знака 𐰋 : z в МЧ и определенному сходству контекстов соответствующих мест МЧ и Трх в этом знаке легко угадывается часть слова 𐰋𐰋 : *m^{e}z*, название реки, сохраняющееся у нее до сих пор в монгольском и тувинском языках в виде *Тэс ~ Тес*. Было ли перед этим словом в МЧ уточняющее обстоятельство "на западной окраине Отюкена", наличное в Трх, не известно.

Қасар Қурда (?) – раньше это словосочетание понималось как нарицательное: 𐰚𐰢𐰍𐰚𐰍𐰜𐰃 ^{a}*қс^{ы}р^{a}қ орду* 'беловатый лагерь' (С.Е.Малов, Х.Н.Оркун). Изменив членение группы рун и чтение последнего знака с 𐰚:у на 𐰆:н^{1}, получили *Қ^{a}с^{a}р Қорд^{a}н,* где *Қордан* – тюркское название Хотана, города в Восточном Туркестане, перенесенное, как считает проф. С.Г.Кляшторный, на "название западной ставки уйгурского кагана, построенной им в Туве". Если же допустить, что последний знак не 𐰆:н^{1} или 𐰚:у, а 𐰀:а, тогда последние два знака составят афф. местн. падежа *-да*, а топоним примет вид Касар Кор или Касар Кур. В такой форме он получает подтверждение текста Тесинской надписи.

Дело в том, что и в Тес есть упоминание похожего названия и тоже в связи с устройством ставки:

(Тес Ю$_{2}$) ...[*те?*]*зиг Қасар Қуруғ қонты чыт тигди өргин йаратды йайлады* 'Он поселился на (реке Тес – ?), в Касар Куре, воздвиг стены, основал ставку, провел лето'.

Публикатор Тесинской надписи проф. С.Г.Кляшторный прочитал словосочетание *Қасар Қоруғ* как название местности 'Касар Коруг', т.е. в именит. падеже, однако, скорее всего, в *-уғ* второго слова надо видеть показатель винит. падежа, поскольку есть примеры на управление глагола *қон-* 'поселяться' прямым падежом объекта: *Өтүкен йериг қонмыш* (Тон$_{17}$) 'говорят, он поселился на земле Отюкенской'. В таком случае топоним принимает

вид Касар Кор или Касар Кур. Возможно, что и оставшиеся в Тес $Ю_2$ буквы ϵЧ:зг передавали винит.пад. на *-иг* топонима *Тез*.

По предположению этнографа и археолога, проф. С.И.Вайнштейна, раскопанные им на городище Пор-Бажын на острове озера Тере-холь в Юго-Восточной Туве остатки дворцовых построек уйгурского времени, могли принадлежать Моюн-чуру (Моян-чору). С.Г.Кляшторный соглашается с этим предположением и считает, что Пор-Бажын и есть та западная ставка второго уйгурского кагана, название которой упоминается в МЧ и Тес как Касар Кордан и Касар Коруг (или Касар Кур в нашем чтении). Однако по нашему мнению, уйгурская ставка Касар Кур не может быть отождествлена с Пор Бажын на озере Тере-холь.

Обратим внимание, что Касар Кур самой надписью локализуется "в верховьях Тези". Река Тез/Тес течет по пограничью между Монголией и Тувой: она берет начало в самой северной части Монголии, у восточной оконечности гор Танну-Ола, следует на запад вдоль их южных склонов, собирая с них многочисленные притоки, в среднем течении заходит на территорию Тувы, затем, выйдя из нее, уже снова в Монголии впадает в озеро Убсу-нур. Озеро Тере-холь находится в стороне и отделено от бассейна Теси водораздельным хребтом Сенгилен, поэтому физико-географически никак не может относиться к верховьям этой реки. Еще важнее правильное осмысление локализации Касар Кура в связи с другим выражением в надписи.

Йақа йақаладым – С.Е.Малов допускал – правда, сомневаясь, со знаком вопроса – для этого словосочетания перевод "я устраивал моления высшим божествам (?)" (МПМК, 40, 95). Принятое теперь толкование предложил Дж.Клосон, опираясь на такие значения общетюрк. *йақа*

'воротник', как: 'край, окраина, граница' (напр. в хак. *чаға*, якут. *саға*).

После уточнения смысла выражения *йақа йақаладым* события рассматриваемого отрывка текста МЧ B_{7-8} выстраиваются следующим образом. Сначала очень кратко, без каких-либо подробностей сообщается о подчинении чиков, как называли тюрки и уйгуры население центральной части современной Тувы, прежде всего долины Кема (Енисея), см выше, тему VII. Событие это состоялось в Год барса, или, согласно расчетов, в 750 г. В том же году Моян-чор в верховьях р.Тес отстраивает свою ставку и устанавливает границу. Понятно, что если говорилось о войне с чиками, то и граница, о которой идет речь, это граница между уйгурами и чиками. Где могла проходить эта граница?

Ясно, что граница проходила не вблизи ставки, но на некотором удалении от нее. Учитывая наличие уйгурского дворца на Тере-холе – местах труднодоступных и суровых, можно думать, что более доступные районы Притесья тоже входили в орбиту влияния уйгуров, но далее Танну-Ола, надо думать, это влияние не простиралось. За Танну-Ола – бассейн Кема, традиционные места обитания чиков. *Таким образом, граница между чиками и уйгурами* проходила где-то вблизи Танну-Ола, т.е. примерно так, как и сейчас, а также в средние века, располагалась граница Тувы с Монголией. Не из прохождения границы ближе или дальше от Танну-Ола, но из самого факта признания границы между уйгурским каганатом и народом чиков мы должны сделать, может быть неожиданный, но вполне обоснованный вывод: несмотря на подчинение уйгурам, за чиками осталась суверенность их территории (иначе, зачем вести речь о границе?), а также собственная государственность. Последнее получает подтверждение в дальнейшем тексте МЧ.

Чики упоминаются в МЧ еще два раза и оба раза в связи с кыркызами. Как можно понять из обрывочного местами текста, Девять огузов или карлуки, или те и другие в союзе – из-за пропусков не вполне ясно – попытались сколотить коалицию против уйгуров, о чем последним стало известно:

(МЧ B_{10}) ... *Қырқыз тапа эр ыдмыш. "Сиз ташықсың, Чикиг ташығырың, – тимиш. – Мен ташықайын, – тимиш, – көр бод қал, ыда* (B_{11}) *қабышалым! – тимиш.* 'Он послал, оказывается, к кыркызам (своего) человека и передал (с ним): Вы выступайте, и заставьте выступить чиков. Я выступлю, смотрите, останьтесь самостоятельными, мы соединимся (с вами) в лесу'.

Бод қал – в зависимости от того, понимать слово *бод* как 'племя, род, скопление людей' или 'тело, туловище; *перен.* племенная организация', может меняться перевод фразы, ср.: "держитесь вместе (*букв.* группой)" (ДТС, 107) или приведенный выше перевод С.Е.Малова, исходивший из смысла "оставайтесь [народом] с племенной организацией", т.е. самостоятельными.

Как ясно из содержания отрывка, инициаторы коалиции знали, что кыркызы смогут повлиять на позицию чиков и принудить их к совместным выступлениям несмотря на существовавшую на тот момент зависимость чиков от уйгуров. Способность и возможность кыркызов влиять на чиков проистекала из соотношения сил между ними в пользу кыркызов, благодаря которому чики по большей части бывали подчинены кыркызам.

Как следует из дальнейшего, уйгурский каган Моянчор предпринял превентивные действия:

(МЧ B_{11}) ... *Сӱ йорыдым ... Тутуқ башын Чик тапа бынаа ы[д]тым. Иши йер тапа аз эр ы[д]тым. "Көр!" – тидым. Қырқыз қаны Көгмен ичинте, эб барқынта эрмиш, йелмесин иш йериңерӱ ыдмыш. Йелмесин мениң эр анта басмыш, тӧ-ыл*

тутмыш. ‘Я выступил с (основным) войском. ... Главу тутуков я послал с тысячей против чиков. В страну их союзников я послал немного людей. “Наблюдайте!” – велел я. Кыркызский хан, как нам стало известно, был в пределах Кёгмена, (он расположился) в жилищах-юртах, в земли союзников он послал свой летучий отряд. Мои люди напали на его летучий отряд, захватили языка’.

Иш – фонетическая разновидность, *и*-форма общетюрк. *эш* ‘друг, товарищ, сподвижник’, здесь: ‘союзник’.

Эб барқ – ‘жилища’, парное сочетание из *эб* ‘жилище, становище’ и *барқ* ‘здание, сооружение’ (ДТС, 84, 162).

От пленного языка становится известно, что карлуки не пришли на соединение с союзниками, тогда Моян-чор совершает переход на запад, в Джунгарию, переправившись через Черный Иртыш на плотах:

(МЧ Ю$_1$) ... *Бир йегирминч ай секиз йегирмике йолуқдым, Болчу өгүзде Үч Қарлуқығ* (Ю$_2$) *анта тоқыдым.* ‘Одиннадцатого месяца восемнадцатого (числа) я встретился (с ними), и тогда на реке Болчу я победил Трех карлуков’.

После превентивного удара по одному из коалиционеров – карлукам, Моян-чор спешит назад:

(МЧ Ю$_2$) ... *Анта йана түштим. Чик бодуныҥ быңым сүре келти. ... Тез башы чытымын йайладым, йақа анта йақаладым. Чик бодунқа тутуқ биртим, ышбараш таркат анта анчуладым* ‘Затем я спешно вернулся. Моя тысяча пригнала народ чиков. Я провел лето в своем городе в верховьях (реки) Тез. Я назначил тутука чикскому народу, пожаловал (их бекам титулы) ышбара и тарханов’.

Йан-а түш-тим – аналитич. глаг. форма, в кот. основной глагол *йан-* ‘возвращаться’, а вспомогат. *түш-* ‘падать’ передает стремительность или внезапность действия (ЭСТЯ III, 332).

Соотнеся описываемые в МЧ $Ю_2$ события с Терхинской надписью, мы узнаем их дату:

(Трх $З_1$) ... *Тез башынта өргин ... йаратытдым. Барс йылқа йылан йылқа эки йыл* ($З_2$) *йайладым* 'В верховьях (реки) Тез я приказал соорудить ... ставку. В Год барса (750 г.) и в Год змеи (753 г.) в течение двух лет я провел (там) лето'.

Первое летование Моян-чора в верховьях Тези в 750 г. описано в МЧ $В_8$ с указанием даты (см. выше, с.165-166), следовательно второе проведение лета, упоминаемое без даты в рассматриваемом отрывке МЧ $Ю_2$, согласно Трх приходится на 753 г.

Смысл происшедших в тот год с чиками событий, сообщаемых МЧ, нужно понимать следующим образом. Уйгурский полк, посланный Моян-чором к чикам, привел, вряд ли буквально весь народ, но, вероятно, представительную часть его во главе с племенными вождями. Фраза об установлении границ, уже втором за короткое время, свидетельствует о том, что суверенитет чиков над их территорией был сохранен. Однако в наказание за участие в антиуйгурской коалиции, по всей вероятности, вынужденное и невольное, произошло более тесное административное подчинение чиков уйгурам, выразившееся в назначении к ним наместника в ранге тутука (генерал-губернатора). Глагол 'дать', примененный в этом случае, не оставляет сомнений в том, что это лицо было из числа приближенных кагана. В то же время чикские беки были задобрены пожалованием высоких званий ышбараев и тарханов. Это характеризует политическую гибкость Моян-чора, проявленную им не только по отношению к чикам, но и ранее в конфликте с родственными огузскими племенами (см. выше, с. 163).

События, описанные в МЧ В7-12 и Ю1-2 и проанализированные в настоящем параграфе, приурочены к внешнеполитическим событиям уйгурского каганата – борьбе

против неудавшейся антиуйгурской коалиции кыркызов, чиков, огузов и карлуков. Строительство ставок в верховьях Тези в 750 г. и посередине Отюкена в 752 г. служит дополнением и фоном к рассказам о битвах. В более ранней Терхинской надписи в аналогичных по содержанию местах повествуется только о строительстве ставок и совершенно отсутствуют военные повествования о противостоянии и борьбе с чиками, кыркызами и карлуками. Очевидно, за несколько лет, что прошли между составлением Терхинской и Селенгинской (МЧ) надписей, политическое положение уйгурского каганата упрочилось, что дало возможность авторам МЧ подчеркнуть значение военных успехов в становлении их государства.

Тема IX: **Типы енисейских памятников.**

Краткое содержание темы: *Типы и виды древнетюркских рунических памятников из бассейна Енисея: наскальные; надписи на предметах; камнеписные – стелы с "личинами", "оленные камни", курганные плиты, каменные изваяния ("каменные бабы"). Переиспользование каменных памятников более древних эпох для нанесения текстов эпитафий VIII-XI вв. Вторичное использование стелы после удаления с нее рунической надписи для новой эпитафии (палимпсесты). Родоплеменные знаки–тамги при части надписей, типы тамг в надписях Хакасии и Тувы, вариации в начертаниях тамг одного и того же типа и теории, объясняющие подобные различия. Типовая структура содержания эпитафий. Трактовка эпитафий как стихотворных текстов, опыты художественных переводов на различные языки.*

Енисейские памятники, их виды и типы

Енисейскими в науке называют тюркоязычные[1] письменные памятники, найденные в бассейне реки Енисей, на территории современных республик Хакасия, Тува и в прилегающих к ним районах Российской Федерации. Все енисейские памятники относятся к типу эпиграфических: ни одной рукописи на бумаге в этом регионе до нас не дошло.

К настоящему времени найдено и опубликовано свыше 150 енисейских надписей. Все они – независимо от вида эпиграфического памятника (надписи на предметах, на скалах и пр.), типа надписи по содержанию и ее размера –

[1] Тюркоязычность рунических надписей надо обязательно иметь в виду, поскольку аналогично, по реке Енисей – енисейскими языками – в лингвистике называют группу древнесибирских языков, ныне представленных кетским и сымским языками, с общим числом говорящих менее 1 тыс. чел. Есть сведения о целом ряде диалектов, прекративших свое существование уже в новое время – в 18-19-20 вв. Ранее енисейские языки имели достаточно широкий ареал распространения (см. также выше, с.91).

получают условное обозначение в виде буквы Е (Енисей) и порядкового номера: Е-1, Е-2 ... Е-154; рядом в скобках при необходимости дается географический адрес памятника, например, Е-1 (Уюк-Тарлак), Е-28 (Алтын-Кёль) и т.д. Иногда обозначают и наоборот – сначала географическое название, а затем номер: Уюк-Тарлак (Е-1).

Все множество енисейских эпиграфических памятников можно распределить на три основных вида: а) надписи на скалах (наскальные), б) надписи на предметах бытового обихода, в) намогильные надписи (эпитафии) на камнях.

Наскальные надписи

Тува. Широко известны надписи на прибрежных скалах Хая-Ужу (Е-24) на правом берегу р.Хемчик, крупнейшего притока Енисея в Туве, выше села Ийме. Около десятка однострочных записей, прочерченных, видимо, в разное время и разными, проходившими через эти места людьми. На этой же плоскости остались охотничье-магические рисунки людей более древних эпох. Очевидно, гора издавна была почитаемым местом.

В этой же части юго-западной Тувы, но вблизи устья Хемчика, выявлено еще несколько наскальных рунических надписей. Всего одно слово написано на скале левого берега Хемчика (Е-95). На левом берегу Енисея, за 7-8 км до впадения в него Хемчика, находится Мугур-Саргол – знаменитый комплекс петроглифов, древних наскальных рисунков. Очевидно, что и это место издревле служило магическим обрядам и, наверное, поэтому недалеко от Мугур-Саргола высечено несколько рунических надписей (Е-136, Е-140, Е-145).

Хакасия. В Хакасии наскальные рунические надписи найдены также в нескольких местах. Две – вблизи села Сулек, в северо-западной части республики, в долине р.Кара-Юс, одна (Е-39) – среди изображений знаменитой Сулекской писаницы, другая неподалеку (Е-138).

Такая же, как на Хая-Ужу в Туве, серия из более чем десятка строк руническим письмом выявлена на горе Тепсей, что у самого левого берега Енисея, напротив впадения в него справа р.Тубы, в 40 км севернее г. Абакана. Каждая строка тепсейского наскального комплекса, в отличие от хая-ужуского, получила отдельный номер (Е-111 - Е-117, Е-123 – Е-126).

Совсем близко от Тепсея, но на правом берегу Енисея и около устья р. Тубы, на горе Туран в начале 20 в. А.В.Адриановым была скопирована двустрочная надпись (Е-118), которая ныне, к сожалению, уже разрушена.

Значительно севернее наскальных надписей Тепсея и Турана, на скальном утесе правого берега Енисея напротив впадения в него слева р.Тесь, прочерчена тонкими буквами довольно большая для наскальных надпись в три строки (Е-135, Усть-Кулог).

В Хакасии и Туве открыто еще несколько мелких наскальных надписей. Так, уже в последние годы стали известны надписи в самой западной части Тувы, в районе озера (и одноименного села) Кара-Холь (Е-153 и Е-154).

Как видим, большинство наскальных надписей сделано в окраинных местах зон проживания людей в древности. По-видимому, покидая пределы своей страны, своего района, на пограничье люди совершали поклонения и писали благопожелания. По крайней мере в нескольких тепсейских надписях и одной хемчикской в Туве (Е-95) мы встречаем слова *кут* ‘счастье, удача’ и *кутлуг* ‘счастливый, удачный’, а также обращение к богу: *теңрим* ‘боже мой’. В некоторых надписях содержатся имена людей и их звания. Если намогильные надписи производились в нормальных условиях профессиональными или полупрофессиональными резчиками, то наскальные надписи делались самими путешествующими по тем или иным причинам людьми, в не совсем подходящих условиях и,

может быть, при отсутствии нужного инструмента. В силу этого очень часто буквы таких надписей либо плохо сохранились, либо, будучи очень неровными, трудно опознаются, а при общей краткости слов и фраз наскальные надписи прочитываются обычно с трудом и неполностью, либо совсем не прочитываются. Иногда закрадывается сомнение: написаны ли некоторые строчки вообще по-тюркски, может быть это надписи на каком-то другом языке, ибо ни одного тюркского слова в них мы не можем узнать.

Надписи на предметах

Древние люди хоронили своих умерших, снабжая их самым необходимым в загробном мире. Широко известны захоронения южно-сибирских тюрок с боевым конем, сбруей, седлом и оружием. Полководец, воин должен был, по воззрениям людей тех времен, и на «том свете» продолжить свой ратный путь. Снабжали умерших и бытовыми предметами. Иногда на подобных предметах, извлеченных археологами из могил или случайно найденных вблизи них, мы встречаем краткие рунические надписи. К сожалению, как и наскальные, надписи на предметах тоже почти не прочитаны, и тоже – ввиду неотчетливости букв и краткости надписи. В большинстве случаев мы не знаем, можно сказать, самого главного: произведены ли эти надписи при похоронах, в знак подношения покойному от живых, или же они сделаны еще при жизни покойного. Последнее не менее возможно, чем первое, поскольку, как мы знаем из этнографии, покойнику обычно клали его вещи, те, которыми он пользовался при жизни. Большинство предметов с надписями этой группы – случайные находки, однако есть вещи из археологических раскопок, с возможностями их приблизительного датирования.

Всего по нескольку знаков процарапано на частях воинского снаряжения: на бронзовом наличнике конской сбруи (Е-131; хранится в Минусинском музее), на костяных накладках лука (Е-141, Е-142; хранятся в Петербургском отделении Института археологии РАН).

В 1939 году у села Копёны в Хакасии знаменитыми археологами С.В.Киселевым и Л.А.Евтюховой был раскопан большой курган, как определяют специалисты теперь – первой половины IX в., в котором в отдельном тайнике были положены предметы из золота. Ныне этот клад хранится в Государственном историческом музее на Красной площади в Москве. На донышках двух золотых сосудов из копёнского клада процарапаны рунические надписи, одна из которых, несомненно, дарственного характера: «В счет дани беку серебром мы поднесли», имеется в виду: "этот золотой сосуд". Вероятно, был особый, возможно, нечастый налог или единовременное подношение князю-феодалу драгоценной утвари, называемой обобщенно «серебром», почему и употреблено данное слово, хотя сосуд золотой.

Больше всего надписей обнаружено на металлических зеркалах. Круглые бронзовые зеркала китайского производства (отшлифованные так, что в них можно было смотреться как в нынешние из стекла) относились, определенно, к ценным вещам. В целом виде было найдено только одно, теперь уже утраченное, зеркало, в остальных случаях надписи сделаны на осколках (фрагментах) предмета. Не исключено, что это связано с особым представлением о загробном мире, по которому там «все наоборот»: левое окажется правым, сломанное или порванное станет целым. Зеркала с руническими надписями хранятся в Минусинском музее (Е-77, Е-85, Е-128, Е-129, Е-130), Хакасском музее в г. Абакане (Е-84), Кабинете археологии Уральского госуниверситета (Е-143). Несколько зер-

кал утеряны, от двух таких пропавших зеркал сохранились старые фотографии и зарисовки с руническими надписями (Е-76, Е-127).

К серии китайских вещей принадлежат и хранящиеся в собрании Минусинского музея раннесредневековые (7-10 вв.) медные монеты с квадратными отверстиями посередине и с процарапанными на свободных местах руническими надписями (Е-78, Е-79). Тексты краткие, соответственно из 9 и 17 букв, предложено несколько вариантов их прочтения, но все толкования недостаточно надежны, с большими натяжками. Пожалуй, более или менее приемлемо прочтение по одному слову на каждой монете: *акча* 'мелкая (серебряная) монета', *бакыр* 'медь, медная монета'.

Надписи на камнях

Большинство енисейских надписей сделано все же не на скалах и не на бытовых предметах, а на отдельно стоящих и специально избранных для нанесения надписей камнях – стелах и плитах (см. тему IV).

Территории Хакасии и Тувы предоставляют яркие примеры двойных памятников. Прежде всего, это древнейшие по возрасту первичного применения – около 5 тысяч лет тому назад – оригинальные каменные изваяния с личинами из Хакасии. В центре композиции, обычно на узкой стороне стелы, выбита фантастическая трехглазая маска со змеевидными короткими и длинными отводами; горизонтальными линиями "лицо" делится на три части: в верхней три глаза и короткие отводы, в средней ничего не изображено, а в нижней – дугообразная прорезь рта и овал подбородка. Ниже или сбоку может находиться еще одна – двухглазая маска. По бокам, на широких гранях длинные отводы от личины и астральные символы солнца и луны. Именно подобный двойной, поздненеолитическо /

древнетюркский памятник представляет собой стела с рунической надписью Е-32 (Уйбат II), первой найденная в 1721 г. в долине р.Уйбат экспедицией Д.Г.Мессершмидта. Теперь этот уникальный памятник можно видеть в Минусинском музее (инв.№ 8). Стел с личинами, но без надписей – в Хакасии довольно много, великолепные их образцы собраны и в Минусинском, и, особенно, в Хакасском музее в г.Абакане – внутри музея, а также возле него на бульваре.

Другой тип каменных изваяний, также встречающийся только на территории Хакасии и отсутствующий в других, соседних регионах, – реалистические скульптурные изображения голов людей с характерными физическими признаками: удлиненные сужающиеся книзу лица европеоидного типа с преувеличенно вытянутыми подбородками. Несколько таких памятников, относимых археологами к середине III тысячелетия до н.э. (т.е. 4,5 тысячи лет тому назад), собрано в Минусинском и Абаканском музеях, но единственный двойной памятник – стела со скульптурным изображением и древнетюркская надпись Е-30 (Уйбат I), хранится в Минусинском музее (инв.№ 7).

Гораздо чаще, чем в Хакасии, двойные памятники встречаются в Туве. Это прежде всего так называемые "оленные камни" – культовые стелы более позднего времени, чем упомянутые хакасские, – скифской эпохи, VIII-III вв. до н.э. "Оленными" эти камни называют потому, что самыми многочисленными и бросающимися в глаза изображениями, выбитыми на их поверхности, являются фигурки животных из семейства оленьих – ветвисторогие самцы лосей (хак. *пулан*, тув. *булан*) или благородных оленей, по-другому – изюбри, маралы (хак., тув. *сыын*). Кроме оленей бывают выбиты также лошади, кабаны, козлы, верблюды, волки, собаки. Как установили ученые, фигурки животных и другие изобразительные элементы

оленных камней символически отображают определенное мировосприятие носителей скифской культуры, причем символика эта многопланова. С одной стороны, камень олицетворяет человека. Горизонтальными бороздами вкруговую по всем четырем граням "фигура человека" делится на три неравные части. В короткой верхней части на одной плоскости наискось выбиты чаще три, реже – две, прямые черты, схематически олицетворяющие "лицо"; на двух боковых сторонах выбиваются две окружности (диаметром около 15 см) – "ушные серьги"; вдоль разделительного желобка нередко выбивают "бусы" – цепь округлых ямочек, которые, как всякие бусы, спереди спускаются на грудь. На границе средней и нижней частей выбиваются различные предметы воинского и охотничьего снаряжения: лук, колчан со стрелами, меч, боевой топорик и т.п. Рельефные фигурки животных выбиваются на боковых поверхностях средней части, ибо она символизирует окружающий человека на земле мир, тогда как верхняя часть стелы, она же "голова", олицетворяет "верхний" мир, небо, планеты и звезды, поэтому "серьги" можно принимать за астральные символы солнца и луны. Нижняя часть стелы, врываемая в землю, олицетворяет "подземный" мир, куда уходит человек после смерти.

В музеях Минусинска и Кызыла есть несколько прекрасных образцов оленных камней с руническими надписями с территории Тувы (в Хакасии культура оленных камней не была распространена). В Минусинском музее это четыре стелы: инв. № 20 – с надписью Е-1 из междуречья рек Уюк и Тарлак (Уюк-Тарлак); инв. № 21 – Е-2 (Уюк-Аржан), огромный, четырехметровой высоты Е-49 (Бай-Булун) – инв.№ 22, трехметровый Е-10 (Элегест), инв. № 10. В Тувинском музее пять подобных двойных

памятников: оленные камни с надписями Е-3, Е-108 и Е-110 – с реки Уюк, Е-53 и Е-70 – с р.Элегест.

Помимо стел, по указанным выше характерным признакам, опознаваемых как памятники каменного, бронзового и железного веков, под древнетюркские надписи использовались также камни из могильных комплексов различных эпох – плиты и стелы без каких-либо внешних признаков принадлежности иным культурам. Будучи перенесенными в другое место, они уже никак не могут быть опознаны как памятники или части сооружений более ранних эпох. Однако иногда древнетюркские надписи делались прямо на камне из могильного комплеса, без нарушения конструкции кургана. При этом соответствующего древнетюркской надписи захоронения не находят: возможно, это надпись на месте поминального собрания–пира, "среди старых могил". Несколько древнетюркских надписей на курганных плитах более ранних эпох зафиксировано в Хакасии: Е-134 в селе Усть-Сос, Е-33 и Е-155 в местечке Узун-Оба в 40 км юго-западнее г.Абакана, Е-75 в местечке Кутень-Булук у Салбыкского кургана в 60 км северо-западнее г.Абакана. Все эти надписи очень краткие и удовлетворительному истолоканию пока не поддаются.

Еще один вид двойных памятников – это нанесение древнетюркской надписи IX-X вв. на древнетюркское каменное изваяние близкой, но несколько более ранней эпохи VI-VIII вв.

Иногда для древнетюркской надписи служила стела, на которой уже была сделана аналогичная надпись руническим письмом, в этом случае первичную надпись уничтожали (соскабливали, сбивали), а на ее месте выбивали новую. Такие надписи называются *палимпсестами*. В некоторых случаях на стеле остаются недоуничтоженными отдельные знаки или даже слова первичной надписи. В Тувинском музее хранится стела из местности Кара-Булун в

правобережье Верхнего Енисея, вблизи пос. Эйлиг-Хем, на которой буквы первичной надписи видны хорошо. На одной грани "сквозь" буквы вторичной надписи (Е-65) прочитывается почти целая фраза, на другой стороне – отдельные слова. В Минусинском музее под номерами 38 и 22 хранятся два памятника подобного типа, также из Тувы, из местности Бай-Булун в левобережье Енисея, вблизи впадения в него р.Элегест, с надписями Е-42 и Е-49. Интересно, что памятник с надписью Е-49 представляет собой огромный оленный камень и, следовательно, является тройным памятником (оленный камень скифской эпохи, древнетюркская первичная надпись, древнетюркская вторичная надпись Е-49).

Типы тамговых знаков в надписях Хакасии и Тувы

Тамгами называются схематические по рисунку знаки, указывающие на принадлежность отмеченного тамгой – скота, территории, сооружения – определенному этническому объединению – роду или племени. Тамгой правящего рода *Ашина* – схематический рисунок газели, – сопровождаются надписи в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана с берегов Орхона в Монголии. Однако далеко не на всех известных сейчас памятниках орхоно-енисейского письма стоит какая-либо тамга. Только часть енисейских надписей обладает тамгой, причем процент снабженных тамгой надписей неодинаков по регионам: в Туве он больше, здесь на 65 зарегистрированных эпитафий тамга есть в 45 (70%); в Хакасии на 21 эпитафию только 4 с тамгой (20%). Тамги на эпитафиях из Хакасии не повторяются при эпитафиях из Тувы и наоборот. Но они могут находиться вне пределов "своей" территории в том случае, если сопровождают посетительские надписи на скалах (см. выше). Так, на тувинском наскальном комплексе Хая-Ужу присутствуют хакасские тамги, а на комплексе горы Тепсей в Хакасии отмечены тамги, встречающиеся при эпитафиях на территории Тувы.

Всего при енисейских эпитафиях зафиксировано 7 (может быть, 8 – см. об этом ниже) типов тамг: 2 в Хакасии и 5 (или 6 – ?) в Туве. Некоторые тамги помимо основного типового рисунка имеют дополнительные ("диакритические") черточки. Ученые по-разному определяют смысл дополнительных черт: одни говорят, что тамги таким образом получали индивидуализацию, каждая тамга принадлежит одному определенному лицу; другие считают, что диакритикой обозначались линии родства в правящем роде и ни о какой личной принадлежности той или иной тамги не может быть речи. В последнем случае тамга служила читающему подсказкой, и полностью он устанавливал личность героя надписи по тамге и содержащимся в эпитафии деталям биографии, титулам и приводимому в редких случаях имени.

При эпитафиях из Хакасии отмечены следующие две тамги: – при надписях Е-25, Е-48 и Е-104; – при единственной надписи Е-27.

При эпитафиях из Тувы встретились тамги пяти (либо шести) типов, с рядом подтипов и разновидностей. Наиболее часто встречающийся тип тамги (всего при 17 надписях) имеет следующий основной рисунок – это дуга с вертикально расположенным под ней одним или двумя крюками: ("дуга с крюком, повернутым налево") отмечается при шести надписях – Е-21, Е-61, Е-65, Е-66, Е-96, Е-152; ("дуга с крюком, повернутым направо") – при единственной надписи Е-15; ("дуга с парой крюков, развернутых налево и направо", причем этот тип зарегистрирован только с дополнительной чертой, основной тип пока не встретился) – при двух надписях, Е-52 и Е-70. Только первый подтип – "дуга с крюком, повернутым налево" имеет разновидности со всевозможной диакритикой. Всего таких разновидностей четыре: (с дополнительной дужкой) – при Е-22, Е-23; (с одной горизон-

тальной черточкой внутри дуги) – при Е-17, Е-92; 𐰚 (с двумя вертикальными черточками внутри дуги) – при Е-1, Е-16; 𐰚 (с двумя горизонтальными черточками внутри дуги) – при Е-42, Е-49.

Всего при четырех надписях встретилась тамга 𐰴 с основным рисунком "две дуги, соединенные горизонтальной прямой"; основной рисунок без какой-либо диакритики реализован при надписях Е-12, Е-14, Е-19, а его единственная разновидность с дополнительной черточкой 𐰴 – при Е-20.

Вторая по частотности тамга 𐰚 с основным рисунком "дуга на кресте" в разных вариациях зафиксирована при 13 надписях. Основной рисунок без диакритики встретился при надписях Е-3, Е-43, Е-68. Можно насчитать еще шесть разновидностей тамги данного типа с дополнительными черточками в разных местах дуги и креста: 𐰚 – при Е-6 и Е-7; 𐰚 – при Е-5 и Е-8; 𐰚 – при Е-54; 𐰚 – при Е-45; 𐰚 – при Е-44; 𐰚 – при Е-46.

В пяти надписях из Тувы встретилась тамга, основной рисунок которой – "крест с двумя крюками", при надписях реализуется только с диакритическими черточками: 𐰼 (крест с двумя крюками и одной дополнительной черточкой слева вверху) – при надписях Е-10, Е-100, Е-147; 𐰼 (крест с двумя крюками и двумя дополнительными черточками слева вверху) – при надписи Е-59; 𐰼 (крест с двумя крюками и двумя дополнительными дугообразными черточками, отходящими от вершины креста) – при надписи Е-149.

Тамга 𐰽 , напоминающая "птичью лапу", встретилась без каких-либо заметных вариаций при надписях из Тувы Е-2, Е-51, Е-109, Е-110.

Тамга, сопровождающая надпись Е-41 из местности на р.Хемчик в юго-западной Туве имеет вид 𐰾. Ее можно считать особым типом, отдельным от приведенных выше

пяти основных типов, либо развитием (сокращением) типа Ϯ.

Типовое содержание эпитафий

Уже первый издатель енисейских текстов академик В.В.Радлов установил, что они "в общем-то одинакового содержания. В них покойный, чаще всего «сам», сообщает о том, что он «отделился» от своих родственников, князей, друзей, подчиненных и своего имущества и не может более пребывать с ними; он называет свое имя и положение и сообщает некоторые даты своей жизни"[2]. Примерно так же кратко характеризовала впоследствии содержание надписей Анна-Мари фон Габэн[3]. На основании имевшихся у В.В.Радлова в то время материалов и получившихся переводов он достаточно сурово отозвался о качестве текстов: "Авторы надписей стояли на гораздо более низкой [чем авторы орхонских текстов – И.К.] ступени знания, так что у них не только орфография была неустойчивой, но и довольно много очевидных ошибок и описок, в особенном пренебрежении находился стиль, и целый ряд надписей демонстрирует множество нерегулярностей, часто состоя просто из набора слов" (*там же*).

С тех пор, за сто с лишним лет несколькими поколениями исследователей проделана большая работа, количество найденных и опубликованных эпитафий (и в целом всех типов надписей) выросло в три раза, а самое главное, в результате долгой и кропотливой палеографической и текстологической работы мы теперь гораздо лучше читаем и понимаем эти тексты и видим, что здесь не так уж много ошибок и описок, как это представлялось еще до недавнего времени. И то, что казалось набором слов, в действительности является грамматически правильными фразами с особым синтаксическим строением и своеоб-

---

[2] *Radloff W.* Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei. Liefer. 1– 3. St.Petersburg, 1894–1895, S.300.

[3] Gabain A. von. Inhalt und magische Bedeutung der alttürkischen Inschriften // Anthropos. 1953. Bd 48. S.543.

разным лексическим наполнением. Что касается стиля и художественных достоинств, то некоторые енисейские эпитафии в этом отношении не уступают признанным шедеврам тюркской эпиграфики – орхонским надписям в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана.

Обозревая содержание бóльшего количества енисейских эпитафий, чем их было в распоряжении В.В.Радлова и дополняя его анализ, можно выделить следующие основные тематические линии, полностью или частично, в разных комбинациях реализующиеся в текстах: а) сожаление о смерти мемориантa – героя надписи; б) представление мемориантa (имя, титул и чин, возраст и т.п.); в) повествование о жизни и деяниях мемориантa, которое в зависимости от размеров надписи воплощается либо кратко и формульно, либо несколько полнее сочетанием формульных выражений с рассказом о реальных событиях; г) обращение мемориантa к остающимся в живых родным и близким, народу, сюзерену (хану, беку), родным местам, солнцу и луне и т.д.; д) завещание мемориантa, обычно общественно-политического характера, с призывом "крепить единство", "соблюдать народные установления" и т.п.

Жанр эпитафий – поминальных надписей в честь правителей и полководцев, наряду с отданием заслуженных почестей умершим или погибшим, часто преследовал также политические цели – выражение лояльности местному правителю или верховному сюзерену, сплочение подданных под руководством наследников и т.п. Все это вместе – и траурность события, и его общественная значимость – принуждали к определенной торжественности стиля, которая достигалась размеренностью речевых оборотов, их краткостью и ясностью при значительности содержания. Проф. И.В.Стеблева считает, что ритмика орхонских и енисейских эпитафийных текстов в разной сте-

песни совпадает с ритмическими особенностями фольклорного стиха тюркских народов и, следовательно, эпитафии написаны в стихотворной форме. На основе предпринятой ею стихотворной реконструкции эпитафийных текстов, т.е. разбивки на предполагаемые строки и строфы, были сделаны поэтические переводы на казахский, тувинский и русский языки. Более всего внимание поэтов привлекала знаменитая надпись в честь Кюль-тегина. Но и енисейские эпитафии не остались в стороне. Поэт А.В.Преловский осуществил их переводы на русский язык стихами. Эти стихотворные переводы звучат красиво, они хорошо передают настроение, самый дух краткой ритмизованной тюркской речи. Сравните строку оригинального текста из памятника, найденного в Кызыл-Чираа в Туве (Е-44) в обычном пословном переводе:

элим каным эсизе бөкмедим күн ай эсиз айыта 'мой эль (государство), мой хан, – о, жаль, я не насладился! солнце, луна, – жаль, прискорбно!', –

с ее переводом в стихотворном переложении А.В.Преловского:

Мой эль родной, мой хан, и вами я,
как солнцем и луной, не насладился.[4]

И все же во многих случаях русский силлаботонический стих гораздо более "продвинутая" ритмико-мелодическая организация речи, чем то, что мы имеем в древнетюркском оригинале. Кроме того, русские слова по количеству слогов длиннее тюркских, ради стихотворного размера некоторые вещи приходится попросту отбрасывать, в том числе дополнительные слова, вводимые в русский буквальный перевод ради пояснения контекста. Поэтому при всей привлекательности стихотворных перево-

[4] Поэзия древних тюрков VI-XII веков. Изд-во "Раритет". М., 1993, с.70.

дов они никак не заменяют научного перевода, сохраняющего все до нюансов содержание надписи. Сравним еще раз звучание оригинала – отрывка из памятника, найденного в Кёжээлиг-Хову в Туве (Е-45), с двумя видами его перевода на русский язык :

Оғлан атым Чубуч-Ынал эрте атым Кумүл-Өге
Беш йашымта каңсыз калып токуз йегирми йашымға өгсүз
Болуп катығланып отуз йашымға Өге болтум кырк йыл
Эл туттум бодун башладым таш йағыг йағыладым элтдим
Бир йетмиш йашымға көк теңриде күнге азыдым эсизиме

В стихотворном переводе А.В.Преловского:

Мне дали имя детское – Шубуш,
а взрослое мое – Кюмюль-огя.
В пять лет своих оставшись без отца,
я в девятнадцать потерял и мать.
Как воин, возмужав, я в тридцать лет
по праву принял звание огя.
Я в сорок лет уже тутуком был.
Я воевал и побеждал врагов.
Но вот, на шестьдесят втором году
луну и солнце в небе голубом
я ощущать и видеть перестал (*там же, с.71*)[5].

В научном переводе И.В.Кормушина:

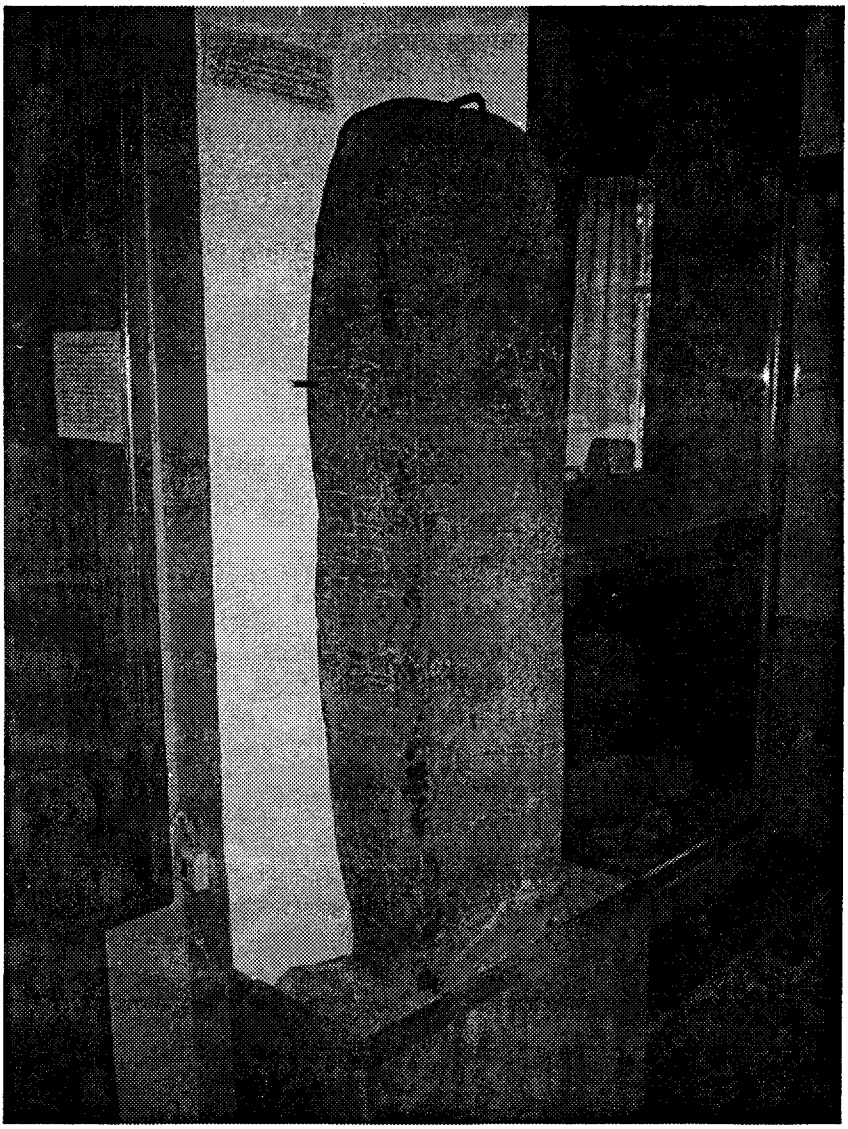
(1) Мое юношеское имя – Чубуч-Ынал, мое мужское имя – Огя (народа) кюмюлей.

(2) В пять лет я остался без отца, в девятнадцать лет я стал сиротой,

[5] Некоторые фактические неточности за счет старого перевода С.Е.Малова, положенного в основу переложения А.В.Преловского.

(3) но я мужался, и в тридцать лет я стал *огя*. Сорок лет
(4) я поддерживал государство, возглавлял народ, воевал внешних врагов, водил (войска).
(5) На семьдесят первом году в синем небе я перестал видеть солнце, – как жаль мне![6]

[6] *Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. Изд-во "Наука". М., 1997, с.219.

Памятник Е-28 с оз.Алтын-Кёль (Хакасия)
(Минусинский музей)

Тема X: **Рунические надписи с территории современной Хакасии.**

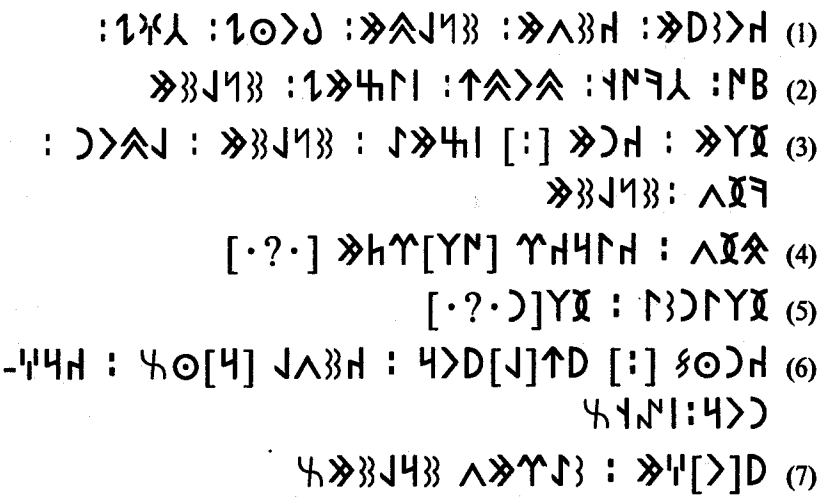
Краткое содержание темы: *Эпитафийные надписи с территории современной Хакасии: с тамгами типа* *– из Саяногорска (Е-25), с р.Абакан (улус Тутатчиков; Е-48) и с тамгой типа* *– из Койбальской степи (Е-27); надписи без тамг – стелы с оз. Алтын-Кёль (Е-28 и Е-29), стелы с р. Уйбат (Е-30, Е-32, Е-98). Повторяемость художественно-изобразительных приемов в текстах надписей Е-48 и Е-28, Е-29 и Е-28.*

Среди более чем двух десятков эпитафийных надписей, найденных на территории Хакасии, только в четырех памятниках текст сопровождается тамгой. При трех надписях тамга имеет вид – (Е-25, Е-48, Е-104), при надписи Е-27 тамга имеет вид . Тамги подобного типа при других поминальных надписях ни на территории Хакасии, ни на территории Тувы не отмечены. Они встретились лишь в комплексах посетительских надписей горы Тепсей на среднем Енисее, в Хакасии, и на прибрежных скалах Хая-Ужу в среднем течении р.Хемчик, левого притока Енисея, в Туве.

Разбор надписи Е-25

Стела с надписью, которая получила при кодификации енисейских надписей номер 25, была найдена еще в XVIII в. знаменитым путешественником П.С.Палласом вблизи села Означенное, ныне г. Саяногорск. В 1880 г. М.М.Мартьяновым была доставлена в Минусинский музей и с тех пор хранится здесь; выставлена в экспозиции под №30. Неоднократно издавалась и переводилась: В.В.Радловым (1895), Х.Н.Оркуном (1941), С.Е.Маловым (1952); последний раз – с существенными поправками И.В.Кормушиным (1997).

Текст[1]

Транскрипция

(1) *кунчуйым кадашым адырылтым буң-а ачыɣ-а*
(2) *кӱ чекӱң тутук эсизим-е адырылтым*
(3) *элим каным эсизим-е адырылтым алтун кеш адырылтым*
(4) *беш кырк эр ӧлӱртим ...*
(5) *эл ынанчы ...*
(6) *каныңыз йоклайур кадашларыңыз карғанур сениңиз*
(7) *йоғым анча эрмиш адырылдымыз*

Перевод

(1) Мои супруги, мои сородичи, – я разлучился [с вами], печально, горько [мне]!

[1] Все разбираемые тексты в учебных целях подверглись некоторым сокращениям, иногда без обозначения опускаемых мест.

(2) [Я] – знаменитый Чекюнг-тутук, – о жаль мне, я разлучился [с вами]!
(3) Мое государство, мой хан, – о жаль мне, я разлучился [с вами]! Золотой колчан [мой], – я разлучился [с тобой]!
(4) Я убил [в своей жизни] сорок пять воинов [врага].
(5) Доверенный государства ...
(6) Ваш хан ощущает потерю Вас, а Ваши соратники клянут себя в Вашей [смерти].
(7) Такова была моя тризна. [Теперь] мы разлучились.

Комментарий к тексту

К строке 1.

Кунчуй – слово китайского происхождения (ДТС, 466), обозначало принцессу из императорской фамилии – дочь, племянницу и т.п.; для закрепления дружественных отношений с соседними государствами, в том числе с тюрками, императоры древнего Китая отдавали своих родственниц замуж за правителей этих государств, где *кунчуй* становились женами каганов и ханов. Поэтому со временем слово *кунчуй* в тюркских языках получило значение "супруга, жена знатного лица"; оно сохраняется в современном тувинском языке как *кунчуг* "свекровь".

Кадаш – в древнетюркских текстах 'родственник, родич', 'брат'; возможно, имелись в виду родственники по крови (ДТС, 399), т.е. мужские родственники, братья всех степеней. Морфологически слово традиционно рассматривается как производное на *-даш* со значением совместности (ср.: *йолдаш* 'спутник' от *йол* 'дорога') от *ка*, которое из живых тюркских языков сохранилось только в тувинском: *ха* 'старший брат'.

Адырылтым – форма прош. вр. 1-го лица от глагола *адырыл-* 'отделяться', 'разлучаться', который в этих же значениях сохраняется почти во всех современных тюркских языках с чередованием срединного согласного *-д-* по

законам тюркской исторической фонетики: тув. *адрыл-*, хак. *азрыл-*, тат., тур. и др. *айрыл-*. В енисейских эпитафиях *адырылдым* является традиционным формульным выражением, в котором как бы сам умерший (мемориант надписи) сообщает о своей смерти, причем выражение это в определенной степени не прямое, а переносное, благодаря тому, что подразумевается следующее: 'я отделился (от этого мира)', 'я разлучился (со своими родными и близкими)'.

Буң-а, ачығ-а – в текстах енисейских эпитафий часто встречаются *деплоративные* слова, выражающие сожаление либо от лица мемориантa, либо от лица пишущего. *Буң* 'печаль, скорбь, страдание, тягость' (ДТС, 124), *-а* – звательная, или вокативная, форма, усиливающая выражение чувства: *буң-а* 'о, печаль', 'о, как печально'; *ачығ* 'горький; горько; горечь' – *ачығ-а* 'о, горечь', 'о, как горько'.

К строке 2.

Тутук – китайский административный термин, обозначавший "военного правителя области" (генерал-губернатора) и принятый древними тюрками. Добавлялся как титул к имени собственному (как, вероятно, в данной надписи), либо к этническому имени – названию племени, племенного союза (как *Төлес-тутук* в Е-48, см. ниже).

Эсизим-е – вокативная на *-а / -е* и притяжательная 1-го лица ед.числа с афф. *-им* форма от слова-частицы *эсиз* 'жаль'. Среди слов, выражающих значение сожаления (см. выше *буң-а ачығ-а* и др., см. далее) *эсиз* в различных своих формах (*эсиз*, *эсиз-е*, *эсизим*, *эсизим-е*) наиболее употребительно в текстах енисейских эпитафий.

К строке 3.

Элим каным. Слово *эл* очень условно переводится как "государство": современные государства в большей степени представляют собой территорию с проживающим

на ней народом, тогда как древнетюркский *эл* – это, главным образом, союз племен, объединенный "союзными договоренностями" под центральной властью хана из признаваемого всеми правящего рода. Упоминание "государства и хана" в эпитафии, написанной от имени умершего *тутука* – правителя области, было призвано продемонстрировать наследниками покойного верность центральной власти, что открывало им путь к наследованию его должности и титула.

Алтун кеш 'золотой колчан' – возможно, является знаком отличия покойного: либо аксессуаром его высокой должности, либо "наградным оружием" от хана.

К строке 4.

Сведения о числе врагов, лично убитых мемориантом, относятся к так называемой характеризующей части эпитафийного текста, в которой содержится перечень, обычно краткий, деяний покойного: сведения о его военных походах, числе убитых врагов, захваченной добыче и т.п.

Расположение единиц раньше десятков в словосочетании *беш кырк*, говорит, по всей видимости, о древней системе счета "приближения к следующему десятку": *бир йегирми* 'одиннадцать' (букв.: один [в направлении к] двадцати), *беш кырк* 'тридцать пять' (букв.: пять [в направлении к] сорока). Эта система счета применялась в орхонских и енисейских памятниках (от 11 до 39), а из живых языков зарегистрирована в сарыг-югурском (от 11 до 29).

К строке 5.

Эл ынанчы – придворный чин "доверенного" лица правителя; именно в таком значении неоднократно встречается слово *ынанч* в древнеуйгурских (10 в.) и караханидско-уйгурских (11 в.) памятниках. Из-за того, что конец строки на стеле стерся, не ясно, к кому данный чин может

относиться: а) к мемориантy – правителю области, который в дополнение к чину *тутук* имел еще звание *ынанчы* у хана, в центральном аппарате государства; б) к одному из убитых мемориантом врагов, самого именитого из них, почему он мог быть особо упомянут в контексте общего числа поверженных противников.

Ынанч – 'доверие' отглаг. имя на *-ч* от *ынан-* 'верить, доверять' (как *севинч* 'радость' от *севин-* 'радоваться').

Текстологические замечания. Текст в строках 1-5 демонстрирует типичные темы эпитафий: 1) словом *адырылдым* герой надписи сообщает о своей смерти; 2) словами *буңа, ачыға, эсизиме* и др. он высказывает сожаления в связи со своей смертью, адресуя эти сожаления различным лицам, порядок упоминания которых имеет свои традиции – сначала супруга или супруги, затем сыновья или, как в данной надписи, родственники по мужской линии, только затем государство и его глава – хан, далее могут быть и другие лица, а также и не-лица (об этом см. ниже); далее герой надписи 3) представляет себя – называет имя, чин, титул, 4) сообщает о своих наиболее значительных деяниях, ратных подвигах, включая число поверженных врагов и т.п.

Указанные содержательно-тематические элементы, оформленные чаще всего как высказывания самого покойного, т.е. грамматически – от 1-го лица ед.числа, составляют типичное построение большинства енисейских эпитафий. Однако в некотором числе эпитафий, главным образом из числа надписей с территории Хакасии, встречается особый прием сочетания фраз от лица покойного с фразами от лица живых, тех, кто устанавливает памятник и пишет данную надпись, сыновей или просто близких мемориантy людей, – получается своеобразный "диалог". Пример такого диалогического построения демонстриру-

ст данная надпись (а также надпись E-28, см. ниже). Здесь, в надписи E-27, после пяти строк, написанных от лица мемориантa, фраза шестой строки составлена в ключе прямого обращения к покойному от лица остающихся в живых его соратников.

К строке 6.

Йокла- – этому глаголу в надписях соответствует в живых языках: тув. *чокта-* 'замечать отсутствие *кого-чего-либо*', 'тосковать, скучать'; аналогичные по значению, но отличающиеся морфологически хак. *чохсын* 'тужить о потере, тосковать *о ком-чем-либо*', алт. *јохсын-* 'чувствовать потерю *чего-нибудь*, тужить о потере; искать; тосковать'.

Карға- 'проклинать, ругать' есть в хакасском (*харға-*) и тувинском (*карға-*), а также в других тюркских языках (ЭСТЯ V, 304-305). В надписи использован глагол в форме возвр. залога: *карганур* 'проклинают, ругают *себя*'.

Сениңиз – представляет собой необычное сочетание местоимения ед. числа *сен* 'ты' с афф. принадлежности множ. числа *-иңиз* 'ваш', что должно образовать форму вежливости от "ты+ваш" → "Вы, Вас". Нахождение этого слова в инверсивной позиции в конце фразы показывает, что она относится к обеим глагольным синтагмам: 1) "Ваш хан ощущает потерю Вас", 2) "Ваши родичи (а может быть, шире – соратники) клянут себя в отношении Вас" (*или*: в связи с Вашей [смертью]". Реально последнее нужно понимать как то, что мемориант – герой надписи не умер своей смертью (иначе почему надо было бы проклинать себя?), но погиб, возможно, на поле брани, а близкие соратники чувствуют свою вину за его смерть.

К строке 7.

Йоғ 'поминальный обряд, поминки, тризна', очень старое тюркское слово, зафиксированное еще в византийских источниках VI в. в греческой записи: δογια [доғ'а]

'похоронная церемония'; в современных языках оно вышло из употребления.

Эр- – древний глагол 'быть', в современных языках почти везде заменился глаголом *бол- / ол-* 'быть, становиться'.

Йоғым анча эрмиш "такова была моя тризна (поминальный пир)" – заключительная фраза надписи вновь написана от лица мемориата. Она является как бы ответом на выраженные в предыдущей строке в прямом обращении к покойному от лица живых чувства горечи утраты, своеобразным сигналом того, что выражения скорби "приняты" покойным, свидетельством отсутствия у него "претензий" к живым.

Разбор надписи Е-48

Надпись, получившая в кодификации С.Е.Малова № 48, выбита на огромной, высотой почти 3м, прямоугольной плите; толщина плиты 22-27 см, а ширина – 65-75 см. Памятник происходит из улуса Тутатчиковых, местности в левобережье р.Абакан, в 40 км от современной столицы Хакасии – г.Абакана. Плита до ее открытия в 1913 г. лежала поваленной на земле и поэтому текст на одной из ее широких граней (шесть начальных строк) оказался почти полностью стертым. Но и сохранившаяся часть надписи в 500 рунических знаков (а это, по приблизительным подсчетам, лишь около 60% от общего объема первоначального текста) делает ее самой большой енисейской надписью. Абаканский памятник с 1913 г. хранится в Минусинском музее, музейный № 44.

Надпись издана впервые в 1939 г. историком С.В.Киселевым (прочитана не вполне удачно), достаточно хорошо – С.Е.Маловым (1952), затем ее прочтение было последовательно улучшено в совместной публикации

Д.Д.Васильева и Д.М.Насилова (1980) и в книге И.В.Кормушина (1997).

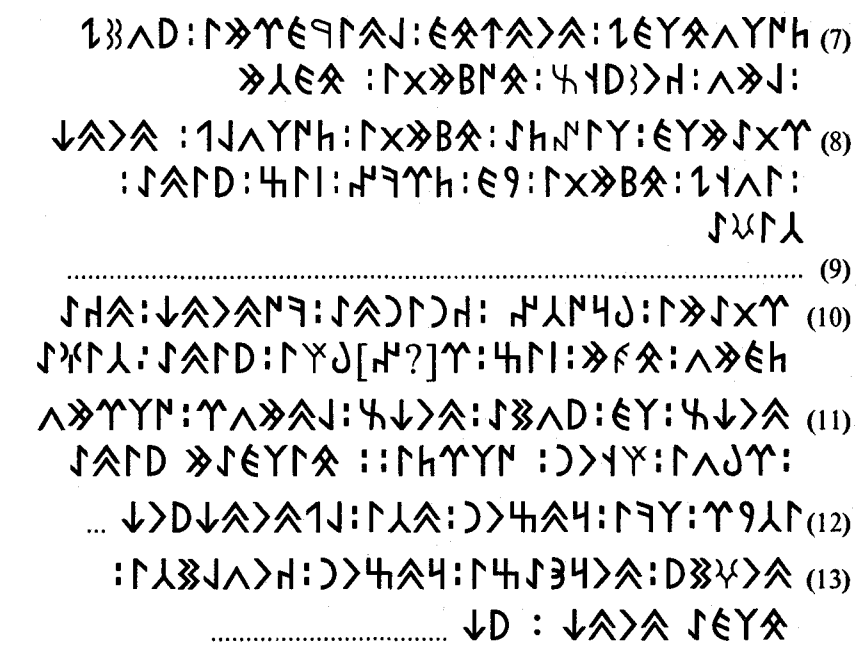
В результате поправок текста в последнем издании удалось установить, что, как следует из смысла седьмой и восьмой строк, надпись посвящена военному предводителю – *тутуку* тёлесов. Племя (или союз племен) тёлесов называется в двух крупнейших древнетюркских памятниках – тюркском "В честь Кюль-тегина" (и параллельных местах надписи в честь Бильге-кагана) и уйгурском "В честь Моюн-чора". В обоих случаях говорится, что два племени – тардуши и тёлесы были присоединены соответственно к древнетюркскому и древнеуйгурскому каганатам, сыновья каганов в чине *йабгу* и *шада* назначены к ним наместниками. В Абаканском памятнике мы сталкиваемся со сведениями со стороны тёлесов. На основании местоположения памятника можно предположить, что во время, близкое к написанию памятника, тёлесы обитали в центре хакасско-минусинской котловины.

В отличие от большинства енисейских эпитафий, составленных от имени мемориата, Е-48 написана в ключе "о нем", от лица наследников-сыновей, при этом в нескольких местах текста содержатся прямые обращения пишущих к мемориату.

В сохранившейся части текста наряду с прославлением государственной деятельности и ратных подвигов мемориата в строках 12 и 13 в образной, поэтической форме содержится высокая оценка его качеств охотника. Способы словесного воплощения этих образов, языковая основа заложенных в них метафор находят явные параллели в тексте другого древнетюркского памятника с территории Хакасии – надписи Е-28 с озера Алтын-Кёль (см. ниже).

Проведем разбор отрывка текста (строки 7-8, 10-13) из сохранившейся части надписи E-48, (т.е. опустив строки 9, 14-15 и сократив некоторые плохо читаемые места).

Текст

Транскрипция

(7) *төлес билге тутук бег алты йегирми йашда алмыш кунчуйыңыз бөкмеди бегичем*

(8) *эрдемлиг элинте бөкмеди төлес алп тутук ишиңе бөкмеди йег теркен эсиз йыта ачыға*

(9) ...

(10) *эрдеми бар ӱчӱн канынта кӱ тутук атка тегмиш бегим эсиз эрен башы йыта ачыға*

(11) *токуз элиг йашда токуз алтмыш эр ӧлӱрмиш эр башы саңун ӧлӱрти билгем йыта*

(12) *ич йер элики артзун атчы алп тутук йок ...*

(13) *тоғдай турнаазы артзун кушладачы билге тутук йок ...*

Перевод

(7) Бек тёлесов, мудрый тутук, (Вашей) супругой, взятой (в замужество) в шестнадцать лет, он не насладился, мой дорогой бек.

(8) Своим доблестным элем он не насладился; делами отважного тутука тёлесов он не насладился, лучший из правителей, – о жаль! о горе! о скорбь!

(9) ...

(10) Благодаря своей доблести он достиг на ханской (службе) славного титула тутук, мой бек! – жаль, предводитель мужей-(воинов), мой мудрый, – о горе!

(11) За свои сорок девять лет (жизни) он убил пятьдесят девять мужей-(воинов врага), он убил сангуна – предводителя мужей-(воинов врага), мой мудрый, – о горе!

(12) Пусть множатся косули внутренних земель: того кто мог их подстрелить (на охоте) – отважного тутука, – нет!

(13) Пусть множатся журавли Тогудая: того, кто мог охотиться на них с ловчей птицей – мудрого тутука, – нет!

Комментарий к тексту

К строке 7.

Тӧлес билге тутук бег 'бек, мудрый тутук тёлесов' – этим словосочетанием обозначается мемориант, лицо, которому посвящена надпись, но это не собственное имя, а титул – бек, звание и должность – тутук (военный правитель) народа тёлес, а также эпитет "мудрый" к званию тутук; то, что это свободный эпитет, не входящий в состав именования данного лица, доказывается его синонимической заменой в следующей строке: *тӧлес алп тутук* 'отважный тутук тёлесов'.

Алты йегирми ‘шестнадцать’ (буквально: один [в направлении к] двадцати), древняя система счета (о ней см. выше, примеч. к строке 4 памятника Е-25).

Бег-и-че-м – уменьшит.-ласкат. форма на *-ча/-че*, букв.: “мой беюшка”.

Бӧкмеди ‘он не насладился’, традиционное для енисейских эпитафий слово для выражения сожаления покойного расставанием с родными и всем, что он оставляет в этом мире; чаще всего оно звучит от его имени: *бӧкмедим* ‘я не насладился’. Этот глагол продолжает жить в современных языках: кирг., тоф., як. *бӧк-* ‘насытиться (жирной пищей)’, тув. ‘насыщаться, наедаться (досыта)’, казах., ног. ‘объедаться, пресыщаться’; в семантике тюркского глагола нет связи со “сладким”, перевод ‘не насладился’ продиктован выразительной системой русского языка.

К строке 8.

Эрдемлиг ‘обладающий доблестью’ – адъективная форма на *-лиг* от *эрдем* ‘доблесть’, см. примеч. к стк.10.

Йег ‘хороший, лучший’; слово встречается в древних памятниках, а из современных языков только в огузской группе – турецком, азербайджанском, туркменском.

Теркен – это слово встречается в памятниках XI в., Махмуд Кашгари определил его как “титул, даваемый правителю области”.

К строке 10.

Эрдем ‘доблесть’, старое тюркское слово, широко встречается в древних памятниках, а после XV в. почти везде выходит из употребления.

Эрен ‘мужи-воины’ – состоит из *эр* ‘муж’ плюс афф. собирательности *-ен*, выделяемый специалистами всего в

нескольких словах (еще в *оғл-ан* 'сыновья') и заимствованный, по их мнению, из иранских языков[2].

К строке 11. В перечне похвальных деяний мемориата, как и в надписи Е-25, строка 4 (см. выше примеч. к ней), приводится число поверженных им врагов.

К строке 12.

Артзун – форма повелит. накл. 3 л. ед.ч. глагола *арт-* 'прибавляться, возрастать (в количестве)', 'размножаться (о животных)'.

(А)тчы – в связи со смысловым и синтаксическим параллелизмом строк 12 и 13, данную форму следует принять как аналогичную форме 13-й строки *кушл(а)д(а)чы*, причастию обычного действия на *-дачы*: *(а)т[т(а)]чы*, в которой, как и обычно для геминат *тт*, выписывается (возможно, и произносится) лишь один согласный: **(а)тт(а)чы* > *(а)тчы*.

К строке 13.

Тоғдай или *Тоғудай* – название какой-то местности, которую следует понимать как "родную" для мемориата-охотника, т.е. где-то вблизи от места установки памятника.

Турн'а 'журавль', ср. тув., тоф. *дуруйа*, хак., алт. *дурна*. Форма с носовым среднеязычным согласным *н'*, близкая тувинско-тофаларским формам, встречается также в древнеуйгурском памятнике X в. "Гадательная книга".

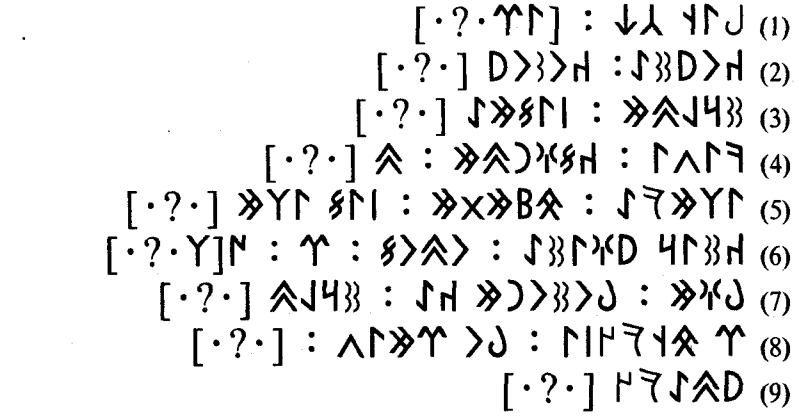
Разбор надписи Е-27

Часть надписи на нижнем обломке гранитной стелы шириной 42-44 см, толщиной 38-40 см; несмотря на такую массивность верхняя часть каким-то образом была отколота и утрачена еще до находки памятника; сохранившаяся часть высотой около метра (от вкопанной час-

[2] *Кононов А.Н.* Показатели собирательности-множественности в тюркских языках. Л.,1969, с.15-16.

ти), на ней остались начала строк на двух гранях – 4 строки на первой грани и 5 на противоположной (не смежной); начало надписи определяется по тамге 𐰴, расположенной с отступом ниже букв и посередине. Памятник выставлен в экспозиции в Минусинском музее, инв. № 31. Первоначальное место расположения – в левобережье Енисея, в восточном углу Койбальской степи, однако традиционно данная надпись обозначается по р.Оя, правому притоку Енисея, впадающему в него напротив.

Текст

Транскрипция

(1) *бың ачуқ и...*
(2) *қуйда қунчуй...*
(3) *адырылтым эсизим-е...*
(4) *киши қазғантым т...*
(5) *илимке бökмедим эсиз элим...*
(6) *қадыр йағыда отуз эр öл...*
(7) *бағым бодунымқа адырылт...*
(8) *эр беңкÿси бу эрмиш...*
(9) *айыта кÿ...*

Перевод

(1) [Я –] Бынг Ачук...
(2) (Мои) супруги в женских покоях ...
(3) Я разлучился (с вами), о жаль мне, ...
(4) Я добывал наложниц ...
(5) Я не насладился моим государством. Мое государство, – о жаль, ...
(6) В жестоких войнах [я убил] тридцать мужей-воинов [врага] ...
(7) С моим уделом, с моим народом [я] разлучился ...
(8) Таков вечный памятник мужу-воину ...
(9) Как больно, ...

Комментарий к тексту

К строке 2.

Қуйда қунчуй... – утраченное окончание второго слова, вероятно, притяж. афф. 1л. ед.ч. *-м*, как это можно судить по другим словам прямой речи мемориата – *адырылтым, қазғантым, бӧкмедим*; первое слово *қуй* – в надписях постоянный эпитет при слове "супруга", условно принят как обозначение каких-то помещений (домов, юрт, женских половин домов и т.п.), специально предназначенных для супруги или супруг бека, и переводится условно: "в женских покоях". Это слово сохраняется в ряде сибирских языков (тув., хак.) с измененным значением: 'пещера'.

К строке 4.

Киши 'человек', здесь: 'женщина-наложница'. Как считают некоторые тюркологи (Дж.Клосон, Г.Дёрфер), наряду с *киши* 'человек' в тюркских языках существовало также и слово *киси* 'женщина', и оба они очень давно стали смешиваться. В руническом письме эти слова графически не различаются из-за того, что знаки ∧ и ׀ (в двух возможных написаниях ᛙ׀ᛚᚴ и ᛙ∧ᛚᚴ) могут передавать и *ш*, и *с*. Возможно, впрочем, "мужское" и "женское" значе-

ния изначально сосуществуют в данном слове, наподобие тув. *кижи* 'человек', 'муж или жена'.

Қазған- 'добывать, приобретать', в древних текстах также 'захватывать добычу (на войне)'.

К строке 6.

Қадыр – в древних текстах применяется в переносных значениях 'суровый, жестокий, лютый, свирепый' (ДТС, 403), тогда как в современных языках сохраняются и исходные, не переносные значения: тув. *кадыр*, хак. *хазыр*, алт *кайыр* 'отвесный, крутой (о горе)', 'пересеченный (о местности)'; принадлежит к числу слов с чередованием *-й- ~ -д- ~ -з-* (*айак/адах/азак*).

Йағы – в большинстве древних памятников и современных языков имеет значение 'враг, неприятель', однако в данном тексте выступает в значении 'война, сражение, битва', как в ряде современных языков восточного ареала: хак., сарыг-юг., тув. *чаа* 'война'; алт. *ja ~ jaa* 'сражение, война; неприятель' (Верб., 183).

Отуз эр ö[л]... – буква 𐰺:*ö* сохранилась полностью, а буква 𐰴:$л^2$ – частично и лишь угадывается; судя по контексту (*отуз эр* 'тридцать мужей'), речь идет о числе поверженных мемориантом врагов, и вполне вероятно, что на отбитой части стелы было продолжение слова *öл[ўртим]*.

К строке 7.

Бағ 'завязка, узел, связка', 'то, что вместе связано: узел (товара), вязанка, кипа, сброшюрованный пачкой раздел книги, связанные союзными отношениями территории (уделы, области) государства' (см. также ниже, с.232-233 и 236-237).

К строке 9.

Беңкў 'вечный', и как метафорический перенос – 'памятник', значение, развившееся, вероятно, из словосочетания *беңкў таш* 'вечный камень'.

Разбор надписей Е-28 и Е-29 (Алтын-Кёль I, II)

Две стелы с надписями, получившими при кодификации номера 28 и 29, были найдены в 1878 г. крестьянами бывшей деревни Юдиной невдалеке от небольшого, а ныне почти исчезнувшего озера Алтын-Кёль в правобережье среднего Абакана, км в 15 от с.Бельтиры. Тогда же вскоре памятники были доставлены в Минусинский музей, они выставлены в экспозиции под инвентарными номерами 27 и 28. Неоднократно издавались и переводились: В.В.Радловым (1895), Х.Н.Оркуном (1941), С.Е.Маловым (1952), С.Г.Кляшторным (1976), Т.Текином (1997), И.В.Кормушиным (1997).

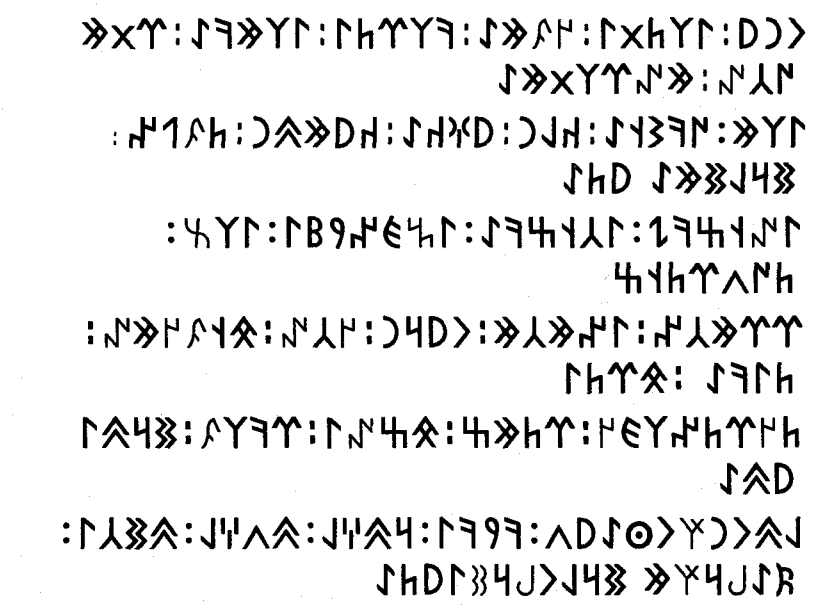
Небольшие по размерам (Е-28: 140x45x25 см; Е-29: 195x50x15 см) стелы имеют оригинальную форму: сверху и сзади закруглены. Размещение строк также необычно: на лицевой стороне по две строки идут справа и слева вдоль края грани снизу вверх, встречаясь в закругляющейся части вверху, средняя же часть лицевой стороны остается свободной от букв; на боковых сторонах по три (в Е-29 – по две) строки идут сверху вниз (от лицевой грани вглубь) на каждой стороне. В обеих надписях все строки отделены друг от друга сплошной чертой-желобком.

В надписи Е-28 строки на всех сторонах начинаются от самого нижнего края и заканчиваются у самого верхнего, из чего с очевидностью следует, что стела не была предназначена для вкапывания в грунт, она, вероятно, лежала на земле горизонтально, наподобие саркофага. У стелы с надписью Е-29 начала строк отстоят от края, и она, как и при нынешнем хранении, была установлена вертикально путем заглубления в грунт.

Разберем несколько отрывков из Алтын-Кёльских надписей. Из Е-28 взяты строки обеих боковых сторон, 4-9, а из Е-29 две хорошо сохранившиеся строки лицевой

стороны (3-4) и четыре строки обеих боковых сторон (5-8).

Текст (из E-28)

Транскрипция

(4) *он ай илтди ögим-е келӱрти илимке эрдем ӱчӱн мен эрледим-е*

(5) *илимökӱнчӱңе калын йағыка кайматын тегипен адырылдым-а айыт-а*

(6) *иниңизке ичиңизке инген йӱки илез тӱшӱртиңиз*

(7) *эр эрдем ӱчӱн иним ечим уйарын ӱчӱн беңгӱмин тике берти*

(8) *төртинлигӱ эртимиз бизни эрклиг адырты айыт-а*

(9) *алтун соңа йыш кейики артғыл ташғыл атдачы*

опа барсым адырылу барды айыт-а

Перевод

(4) Десять (лунных) месяцев носила (меня) мать, принесла моему государству, для доблести я возмужал.
(5) К скорби моего государства, не взирая на многочисленность врагов, я вступил в схватку и разлучился, – о горе!
(6) На Ваших младших родных братьев и Ваших двоюродных братьев, Вы взвалили огромную ношу (? – страданий).
(7) Ради [моей] воинской доблести, ради славы моих родных и двоюродных братьев водружен этот вечный памятник мне.
(8) Нас было четверо, нас разлучил Эрклиг (повелитель подземного мира), о горе!
(9) Размножайтесь, расселяйтесь косули черни Золотая Сонга: тот, кто мог [вас] поразить на охоте, – мой Опа Барс – он удалился, о горе!

Комментарий к тексту

К строке 4.

Он ай ‘десять месяцев’ – из данного выражения понятно, что счисление времени у народа, оставившего эту надпись, производилось по лунному календарю, в котором месяц составляют 4 недели, или 28 дней; поэтому период беременности (который у человека равен 40 неделям, или 280 дням) в тексте обозначен как “десять месяцев”.

Өг – древняя форма в тюркских языках для слова “мать”, которая почти везде заменилось другими формами, оставшись лишь в составе слова “сирота”, все варианты которого восходят к привативной форме **өг-суз* ‘(ребенок, оставшийся) без матери’ – тур. *öksüz*, тув. *өскүс*

(метатеза из *өксүс*), алт. *ӱскӱс* (метатеза и сужение первого гласного), шор. *өккүс* (ассимиляция: *-кк-* < *-ск-*), саг. *үккүс* (ассимиляция и сужение первого гласного), хак. *окіс* (потеря геминации: *-кк-* > *-к-* и делабиализация гласного) (подробнее: ЭСТЯ I 521; см. также ниже, с.245).

Эрле- 'быть, стать мужчиной'; перен. 'возмужать'.

К строке 5.

Ӧкӱнч 'сожаление, досада' – имя действия на *-ч* от общетюрк. глагола *ӧкӱн-* 'сожалеть, раскаиваться, досадовать', сохранившегося в кыпчакских и огузских языках и широко представленного в древних языках.

Кайматын – отрицат. дееприч. на *-матын*, передающее действие, предшествующее или одновременное главному действию, является отрицательной парой дееприч. на *-ып* или *-ыпан*, у которого своей отрицат. формы нет; общетюрк. глагол *кай-* 'поворачивать (назад), оборачиваться; перен. обращать внимание', сохранил в хакасском переносное значение, а в тувинском – близкое к прямому: хак. *хай-* 'обращать внимание', тув. *хай-* 'обходить, делать обход; пройти мимо'.

Тегипен – дееприч. на *-ыпан,* морфологически усложненная форма обычного общетюрк. дееприч. на *-ып*; общетюрк. глагол *тег-* 'касаться' в надписях о героических полководцах имеет значение 'войти в соприкосновение с противником', т.е. 'лично вступить в схватку с врагом'.

К строке 6.

Ини 'младший брат', древнее слово, сохранившееся преимущественно в огузских и кыпчакских языках, в диалектах уйгурского языка.

Ичи 'старший брат; младший брат отца' – слово, которое встречается в древних языках в форме *эчи*; кроме фонетического соответствия *э-* ~ *и-*, характерного для диалектов современного хакасского языка, в форме *ичи* просматривается и сдвиг значения: 'младший дядя' > 'двоюродный брат'.

Инген 'верблюдица', *инген йӱки* 'верблюжий вьюк; перен. большой груз'; ср. пословицу из "Дивана" Махмуда Кашгари: atan jüki aš bolsa ačqa az körünür 'голодному и с верблюжий вьюк еды кажется мало' [ДТС, 66].

Илез – неясное слово. В последней публикации проф. Т.Текин семантизировал его по совр. хак. *илес* 'мучение, страдания', что вряд ли обосновано, т.к. хак. *илес* – имя действия на *-с,* которое восходит к общетюрк. *-ш*, но не к *-з*. В хакасском языке есть другое слово (омоним) *илес II* 'смутно, неясно' , которое соответствует форме общетюркского типа с начальн. э-: *элес* 'силуэт, неясное очертание'// 'смутный, неясный' (в кирг., алт., кара-калп., узб., тат.; см. ЭСТЯ I, 263). Однако семантически это слово сюда совершенно не подходит.

К строке 8.

Тӧрт(и)нл(и/е)гӱ 'вчетвером' – форма, состав которой толкуется предположительно: а) *тӧрт-(и)н-л(и)г-ӱ* – инструм. пад. *-ин* + отименн.афф. *-лиг* + ?; б) *тӧрт-(и)н-л(е)-гӱ* – инструм. пад. *-ин* + глаголообр. афф. *-ле* + афф. собират. числит. *-гу/-гӱ*.

Эрклиг 'владыка подземного мира' (чаще: *эрклиг кан*) – форма отименн. прил. на *-лиг* от *эрк* 'воля, власть, могущество', т.е. 'могущественный, обладающий властью'. Данное слово очень давно, гораздо раньше XIII в., было заимствовано в монгольские языки, где оно упростилось: *эрклиг* > *эрлик*, а затем в этой последней форме вновь пришло в тюркские языки Северной Азии, ср. алт., тув. *эрлик* 'властитель ада'.

К строке 9.

Алтун Соңа йыш 'золотая Сонгайская чернь'. Заключенное в девятой строке обращение к "местной дичи", тем местам, где жил и похоронен мемориант – герой надписи, говорит о том, что место установки памятника и есть "Сонгайская чернь", которая упоминается в надписи

в честь Кюль-тегина (КТ, 35), в рассказе о походе тюрков в 711 г. против кыркызов (государства, располагавшегося именно в этих местах, на территоии современной Хакасии), см. выше, тему VII.

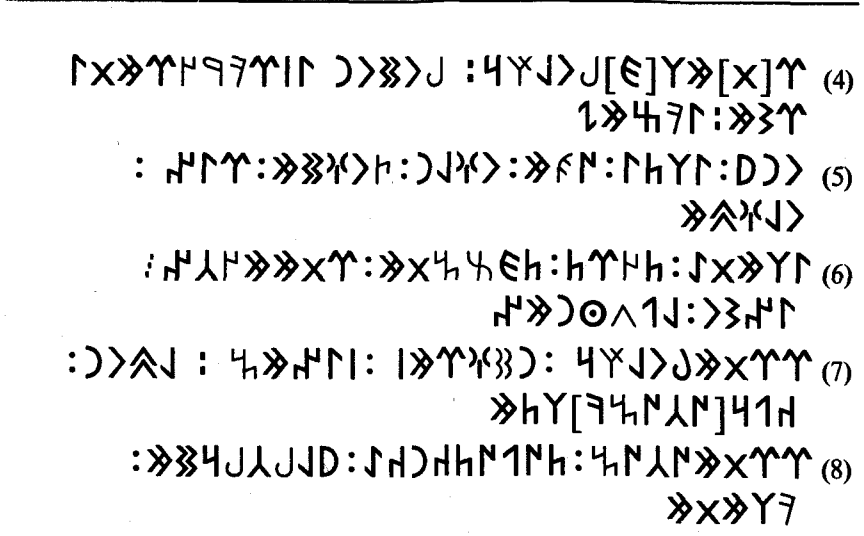
Артғыл, ташғыл – древняя форма повелит. накл. 2.л.ед.ч. на *-ғыл* от глаголов: *арт-* 'прибавляться, возрастать (в количестве)', 'размножаться (о животных)'; *таш-* 'переливаться через край' с вероятным развитием переносного значения: 'распространяться', ср. в алтайском: *таш-* 'прибыть, прибавиться; распространяться, расширяться', 'разливаться (о реке)' [Вербицкий, 339].

Опа Барс – собственное имя мемориата, которому посвящена надпись, в более пространной форме – *Элиг Бӧрт Опа Барс* – приведено в начальной части текста, не входящей в разбираемый отрывок. В обоих случаях слово Опа пишется со знаком-лигатурой 𐰇:*on/yn*, характерным для восточнотуркестанской рукописной руники и не значившимся в реестре енисейского варианта рунического алфавита. Впервые на возможность применения этого знака в енисейских надписях для текстов Е-7 и Е-45 (см. след. тему) указал казахский тюрколог А.С.Аманжолов.

В надписи в честь Кюль-тегина говорится о том, что кыркызов возглавлял Барс-бег. По нашему мнению, Барс – это родовое имя или прозвище, но не личное, поэтому Барс-бег орхонских надписей и Опа-Барс из надписи алтын-кёльской – разные лица. Проф. С.Г.Кляшторный, напротив, отождествляет эти два персонажа, полагая, что перед нами редкая удача, когда об одном и том же событии сохранились свидетельства обеих противоборствующих сторон.

Текст (из Е-29)

𐰺[𐰃]𐰋 : [𐰴]𐰋𐰺𐰃𐰋 : 𐰼[𐰺𐰉]𐰃𐰋𐰘𐰺 (3)
𐰚𐰋𐰼𐰉𐰋 : 𐰀𐰋𐰘𐰺 : 𐰺𐰃𐰘𐰉𐰼𐰴 𐰋𐰃𐰺:

Транскрипция

(3) *эрдем болсар муныҕ эрмез муныҕ эрсем эзруа алканып эрдемиг батур мен*

(4) *эрдемлиг болсар бодун исрик йӱрӱмеди эринчим икизим-е*

(5) *он ай илт[т]и ögим оҕлан тоҕдым эрин улҕат-[т]ым*

(6) *илимде төрт тегзиндим эрдемим ӱчӱн ынанчу алп саңун мен*

(7) *эр эрдем болсар андаҕ эрмиш ...*

(8) *эр эрдем ӱчӱн тӱпӱт канка йалабач бардым келмедим*

Перевод

(3) Тот, кто обладает доблестью, не собьется (с истинного пути)! Если же я собьюсь (с истинного пути), то воздав хвалу Зервану, я (вновь) обрету доблесть.

(4) Народ, обладавший доблестью, пьяным не слонялся. О мой (брат) - близнец!

(5) Десять (лунных) месяцев носила меня мать, родился я мальчиком, вырос мужчиной.
(6) Из своего эля я четырежды уходил (и возвращался), ради моей доблести, я – ЫнанчуАлп Сангун.
(7) Тот, кто обладал воинской доблестью таким вот был...
(8) Во имя доблести мужа-воина, я отправился послом к тибетскому хану и не вернулся.

Комментарий к тексту

К строке 3.

Болсар – афф. *-сар* в орхонских надписях выступает как показатель условной формы: *түрк қаған өтүкен йыш олурсар илте бұң йок* 'если тюркский каган сидит в Отюкенской черни, в государстве печали нет' (Ктм 3). Из живых тюркских языков форма *-сар* сохраняется только в якутском языке (> *-тар*), во всех остальных тюркских языках условная форма присоединила личные окончания: *-сам*, *-сан*, *-са* и т.д., см., например, в этой же строке ниже форму *эрсем* 'если я стану (заблудшим)'. В алтынкёльских надписях форма на *-сар* выступает в функции "неусловного" причастия вневременного характера: *эрдем болсар* 'являющийся доблестным; тот, у кого есть доблесть'. Это, думается, более старое значение формы на *-сар*, именно благодаря вневременному характеру формы в ней развилось впоследствии условное значение: "являющийся (всегда, когда бы то ни было) доблестным" > "если является доблестным". Ср. также примеч. к стк.4.

Мунығ 'заблудший' – форма прилаг. на *-ығ* от глагола *мун-* 'заблуждаться, ошибаться, сбиваться с пути'.

Эзру[а] – последний гласный не выписан; согдийское слово, бог Зерван, верховный бог в религиозной системе манихеизма.

Алкан- 'воздавать хвалу, молиться'.

Эрдемиг – форма вин.пад. на *-иг* при глаголе движения *бат-* 'погружаться' означает "полный охват предмета действием": *эрдемиг батур мен* "я погружаюсь / погружусь в доблесть", или в переносном смысле "я вновь обретаю / обрету доблесть.

Текстологические замечания. Фраза третьей строки построена по типу сентенций манихейской религии, известных из памятников этой религии. Это служит свидетельством того, что автор данной надписи, – а это, как очевидно из личных глагольных форм пятой, шестой и восьмой строк, сам мемориант, – исповедовал манихеизм. Поскольку мемориант высокопоставленное лицо, – вероятно, это – брат-близнец правителя кыркызов, героя надписи Е-28, см. ниже примеч. к стк.4, – то можно высказать предположение, что в древнекыркызском государстве в то время манихеизм получил какое-то распространение, – по крайней мере, среди феодальной верхушки. Впервые эта религия была принята уйгурским Бёгю-каганом в 762 г. и, очевидно, позднее при посредстве уйгуров была занесена далее на север.

К строке 4.

Эрдемлиг болсар бодун 'народ, являющийся доблестным' – при глаголе прошедшего времени *йўрўмеди* причастие *-сар* в именном определительном обороте получает значение прошедшего, что и показывает его вневременной характер.

Икизим-е – упоминание брата-близнеца в связи с признанием качеств доблести у народа, показывает, что эта фраза обращена к правителю народа и служит положительной характеристикой правителя, комплиментом ему. Этим правителем, вероятно, был старший из близнецов, мемориант надписи Е-28.

К строке 5.

В этой строке повторяется рассказ о рождении героя через "десять лунных месяцев", в течение которых его носила мать, известный нам уже по строке 4 надписи Е-28, однако заметим сразу же: подобный рассказ не встречается более ни в одном тюркоязычном памятнике! Между аналогичными фразами обеих надписей есть выразительные различия: младший брат-близнец из Е-29 родился мальчиком, а вырос мужем-воином, тогда как старшего брата-близнеца мать "принесла государству", и он стал мужем-воином для свершения доблестных дел, – явно указывается на более высокое предназначение старшего брата, героя надписи Е-28.

К строке 6.

Илимде 'из моего государства' – форма на *-да / -де*, являющаяся в подавляющем большинстве тюркских языков местным падежом, в орхонских и енисейских надписях совмещает функции местного и исходного падежей.

Тегзин- – этот глагол (иногда с метатезой: *тезгин-*) помимо прямого значения 'вращаться, кружиться (о колесе, голове, глазах чудовища и т.п.)' имел значение 'обходить (страны, земли), странствовать', по-видимому, с оттенком "возвращения в точку начала движения"; именно на основе этого последнего оттенка развилось характерное, почти терминологическое значение в енисейских памятниках: 'уходить (в военный поход) и возвращаться (из него)'. В некоторых эпитафиях в качестве послужного списка мемориата приводится количество совершенных им военных экспедиций, в данной надписи это четыре похода.

К строке 7.

Эр эрдем болсар андағ эрмиш – в этом предложении (как и выше, в стк.3: *эрдем болсар мунығ эрмез*) причастие *болсар* субстантивируется, т.е. в контексте берет на себя

функцию имени существительного, что в русском переводе возможно подчеркнуть словами "тот, кто".

К строке 8.

Йалабач 'посланник' (в обычном и религиозном смысле) – слово, заимствовано из иранских языков, заменяло в некоторых текстах исконное тюркское слово *элчи*.

Келмедим – деятельность посла в древние времена нередко была сопряжена с риском для жизни. То, что ушедший во главе посольства мемориант не вернулся, предполагает, что в этом, как и в ряде подобных случаев (ср. например, текст надписи Е-30), стела с эпитафией устанавливалась не на месте погребения, вдали от родины, а в родных местах мемориантa, возможно, на месте поминального пира.

Тексты енисейских эпитафий как вид литературы. Знакомясь с древнекыркызскими руническими эпитафиями из Хакасии (как и с другими – древнетюркскими и древнеуйгурскими – эпитафиями из Монголии и Сибири, см. темы VII, VIII и XI), мы убеждаемся, что эт не бесстрастные информативные записи о смерти того или иного высокопоставленного лица, снабженные подробностями из его жизни. Эпитафийные тексты полны разнообразных и разнонаправленных эмоций: скорбь живых по поводу утраты своего предводителя, полководца, героя, восхищение и преклонение перед его государственной мудростью, личной воинской отвагой, качествами охотника. С другой стороны, это сожаления самого покойного от расставания с семьей, родственниками, соплеменниками, дружиной, подданным народом. Выражение подобной обоюдосторонней печали создавало значительный эмоциональный фон эпитафии и вместе с вкрапленными в этот фон сведениями историко-биографического порядка составляли непосредственную причину и цель поминальной надписи. Вместе с тем, как оказалось, почти всегда за

лежащими на поверхности содержания информативным и эмоциональным планами присутствует менее явный, но не менее важный план общественно-политический.

Возвеличиванием мемориантa и его деяний его подданным внушалась мысль о правильности заведенного порядка, верности руководства, осуществлявшегося покойным. Важнейшая составная часть эпитафии – прощание мемориантa со своей семьей, носившее внешне сугубо личный характер, в большей степени было актом общественным, так как фактически передавало завещательную волю покойного правителя: упоминание сородичей, и прежде всего сыновей, служило указанием бекам и народу, на кого теперь им следует опираться. Выражение печали покойного по поводу расставания с ханом и элем, было завуалированной формой не столько подтверждения лояльности центральной власти со стороны прошлого правления княжества, сколько своеобразным поручительством покойного за своих наследников. Таким образом, важные задачи идеологического и политического воздействия на широкие круги адресатов эпитафии – народ, беков, центральную власть – были вплетены и завуалированы в траурное содержание надписи. Убедительность такой пропаганды во многом обеспечивалась выразительностью текста.

Тема XI: **Рунические надписи с территории современной Тувы.**

Краткое содержание темы: *Основные группы эпитафийных надписей с территории Тувы: а) надписи западного ареала, с тамгами двух типов: типа ᛉ – с р.Чаа-Холь (Е-17, Е-22, Е-23), из местности Бай-Булун (Е-49), с р.Уюк (Е-1), – и с тамгой типа ᚦᚲ – с р.Чаа-Холь (Е-14); б) надписи восточного ареала, также с тамгами двух типов: типа ᛉ – из местности Кёжээлиг-Хову (Е-45), с р. Барык (Е-7), с р. Телээ (Е-46), с р.Уюк возле г. Туран (Е-3), – и с тамгой типа ᛏ – из местности Онгар-Хову вблизи пос. Ээрбек (Е-147); в) надписи северного ареала с тамгой типа ᚲᚷ – с кургана Аржан на р.Уюк (Е-2).*

Распределение надписей Тувы на группы по форме тамг

На территории Тувы к настоящему времени зафиксированы находки свыше 70 надписей на стелах, плитах и оленных камнях, тексты которых в подавляющем своем большинстве несомненно относятся к эпитафиям, т.е. памятным надписям по поводу смерти какого-либо лица. Из этого числа 44, или 60% эпитафий, сопровождается тамгой, которые по начертанию можно распределить на пять основных типов: 1) ᛉ – 17 надписей; 2) ᚦᚲ – 4 надписи; 3) ᛉ – 13 надписей; 4) ᛏ – 5 надписей; 5) ᚲᚷ – 4 надписи. Только в одной надписи – из Хемчик-Джиргака (Е-41), представлена тамга следующего вида: ᛠ, очень близкая по рисунку тамгам третьего типа.

Надписи с тамгой каждого типа встречаются на определенной территории, или, как говорят, образуют определенные ареалы распространения. Это находит свое объяснение в том, что за тамгой стоит какое-либо этническое единство – род, племя, – которому принадлежит вполне определенная территория. Каждый этнос предпочитает ставить памятники своим полководцам и предводителям на собственной территории. Нахождение поминальных

надписей за пределами основной территории может свидетельствовать либо об экспансии, т.е. расширении территориальных владений племени, либо об исключительных случаях захоронения или поминовения на «чужой» территории.

Указанных тамговых ареалов в Туве можно выделить три. Надписи с тамгами первого () и второго () типа тяготеют к западной части Верхнеенисейской котловины, с тамгами третьего () и четвертого типа () сосредоточены на востоке. Приблизительная граница между этими ареалами проходит по линии: р.Эжим, правый приток Енисея, и гора Хайыракан на левом берегу Енисея. В более позднее время надписи западного ареала распространяются на восток, до р.Элегест, а надписи восточного ареала «отступают» восточнее Элегеста и на правый берег Енисея. Надписи с тамгой пятого типа () зафиксированы на севере Тувы, в Уюкско-Туранской котловине, но здесь же отмечены и надписи с тамгами других типов. Надписи тамговых ареалов обладают рядом признаков, отличающих их друг от друга, однако детальное изучение таких признаков еще не проведено, это – дело будущего. Вероятно, опираясь на характерные особенности надписей с тамгами из разных ареалов, можно будет со временем расклассифицировать и надписи, не сопровождаемые тамгами.

Надписи западной части Верхнеенисейской котловины

Надписи с тамгами и типа отличаются, как правило, краткостью, поскольку выбиты на небольших по размерам стелах. Исключение составляют надписи Е-42 и Е49 из местности Бай-Булун, на левом берегу Енисея и недалеко от р.Элегест: они больше средней величины, нанесены на большие стелы, особенно Е-49. Удалось уста-

новить, что перед тем как нанести эти надписи со стел были стерты (соскоблены, сбиты) какие-то другие, тоже рунические тексты. Возможно, именно этим объясняются размеры стел с надписями Е-42 и Е-49: первоначально стелы принадлежали племенам восточного ареала, имевшим обыкновение воздвигать крупные памятники, но затем эти камни под свои надписи использовали продвинувшиеся на восток племена западного ареала, предварительно стерев чужие эпитафии.

Надписи, нанесенные одна поверх другой, называются палимпсестами (см. также выше: тема IX, с.182). Такой прием широко практиковался в древние времена, когда очень ценился писчий материал – пергаменные кожи, папирус, бумага, каменные стелы. Обычно в палимпсестах первичная надпись представлена остаточно, в виде недоуничтоженных (не до конца стертых, соскобленных, сбитых) фрагментов. Исследование палимпсестов иногда дает ученым важные исторические и лингвистические данные.

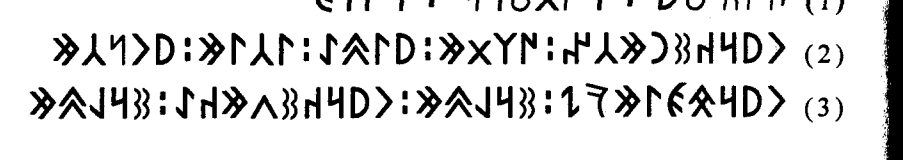
Перейдем к разбору надписей западного ареала, начав их с чаа-хольской группы. В нижнем течении и вблизи устья р.Чаа-Холь, левого притока Енисея (сейчас в основном эти земли находятся на дне Саянского водохранилища), найдено 11 небольших стел, получивших при кодификации номера от Е-13 до Е-23. Большинство этих стел хранится в Тувинском национальном музее (с надписями Е-14, Е-17, Е-18, Е-20 – Е23), две стелы (Е-13, Е-19) – в Минусинском музее, одна стела (Е-16) находится в музее столицы Финляндии, г.Хельсинки, одна стела (Е-15) к настоящему времени оказалась утраченной. Разбираемые ниже надписи Е-17, Е-22, Е-23 находятся в Тувинском музее, они неоднократно издавались и переводились: В.В.Радловым (1895), Х.Н.Оркуном (1941), С.Е.Маловым

(1952), И.А.Батмановым и А.Ч.Кунаа (1960) И.В.Кормушиным (1997).

Разбор надписи Е-17 (Чаа-Холь V)

Надпись в три строки на небольшой стеле, напоминающей по форме усеченную неравностороннюю пирамиду: широкие грани плавно сужаются от 45 см у земли и до 20 см вверху, узкие грани шириной всего 11 см. Порода камня – прочный мелкозернистый песчаник зеленовато-серого цвета с желто-коричневым налетом гидроокислов железа на узких гранях. Общая высота стелы – 166 см от вкопанной в землю части. На расстоянии примерно 1 м от земли она оказалась расколотой на две части, которые легко составляются. Строки вертикальные, снизу вверх (от земли к небу). На одной широкой не очень гладкой стороне выбита одна строка из четырех слов с именем мемориата, под которым находится тамга «дуга над крюком, обращенным влево» 𐰴, с дополнительной черточкой внутри дуги. Тамга и крупные буквы показывают, что здесь начало надписи. Справа от начальной стороны (а не слева, как ожидалось бы ходом строк) на совершенно гладкой узкой боковой грани две строки мелкими очень ровными рунами. На месте раскола потерь в буквах нет, а вот самый конец надписи на вершине стелы искрошился, возможно, несколько знаков утрачено.

Текст

Транскрипция

(1) *тӱз бай кӱч барс кӱлиг*
(2) *уйар қадыным ӱчӱн ӧлдим айыт-а ичим йурчым*
(3) *уйар бегимке адырылтым уйар қадашымка адырылтым*

Перевод

(1) [Я –] Тюз Бай Кюч Барс Кюлиг.
(2) Я погиб ради моего благородного тестя, как грустно! Мои старшие родственники, мои младшие родственники со стороны жены...
(3) С моим благородным беком я разлучился, с моими благородными родичами я разлучился...

Комментарий к тексту

К строке 1. *Кӱлиг* 'славный, знаменитый, известный' – форма, производная от *кӱ* 'слава' + афф. обладания *-лиг*; возможно, что это слово не входит в состав имени, и тогда данную фразу нужно понимать следующим образом: Я – Тюз Бай, известный как Сильный Барс.

К строке 2. *Уйар* (а также ниже, в строке 3) – прич. наст.-буд. вр. на *-ар/-йар* от глагола *у-* 'мочь, быть в состоянии', 'иметь силу'. Это слово встречается в двух енисейских надписях – Е-28 (см. Тема X) и настоящей, Е-17, а также в древнеуйгурской "Гадательной книге". Позднее X в. оно уже не употребляется. С.Е.Малов переводил это слово несколькими синонимами: 'могущий', 'могучий', 'знатный', 'влиятельный', – останавливаясь в переводе енисейских текстов на значении 'знатный' (МЕПТ, с.111 – Словарь, и с.39, 54 – переводы), а для "Гадательной книги" избрав значение 'властный' (МПДП, с.88). В "Древнетюркском словаре" слову *уйар* даются значения 'способный', 'могущественный' (ДТС, 607). Дж. Клосон переда-

вал *уйар* английским *ability* 'способность' – для текста E-28, а в отношении настоящего текста высказался так: "... этот текст очень ненадежен, и эпиграфически не представляет трудностей исправить данное слово на *öз*" (EDT 275). При всем уважении к высочайшей компетентности знаменитого британского тюрколога, внесшего много полезных исправлений в чтение различных древних текстов, это его предложение приходится решительно отвергнуть: буквы надписи E-17, как уже сказано, – ровные, четкие, без повреждений, написание практически всех слов, и особенно слова *уйар* не дает поводов для каких-либо сомнений.

Қадын 'тесть' – из числа тюркских слов, в которых представлено чередование срединного согласного *-д- ~ -з- ~ -й-*: тув. *қаты ~ қат*, тоф. *хатты*, хак. *хазын ~ хасты*, алт. *қайын* 'тесть'; тувинско-тофаларские формы *хатты ~ қат(т)ы* и хакасская *хасты* возникли из формы принадлежности 3-го л.ед.ч.: *қадын+ы > қадны > қатны > қатты > қаты; хазын+ы > хазны > хасны > хасты* (см.: ЭСТЯ V, 215).

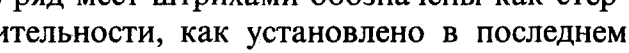
Йурч – 'младшие родственники со стороны жены' (см. с.128). Выражение *ичим йурчым* можно понимать двояко: как прощание с двумя лицами – 'мой старший брат (младший дядя)' и 'мой шурин', однако, скорее всего, имеется в виду только одно лицо – шурин, и в целом в надписи речь идет лишь о жениной родне – тесте и брате (братьях) жены, поскольку было бы странным упоминание собственных братьев помещать между упоминаниями родственников жены. Младшего брата жены покойный называет "старшим братом" либо по возрастному признаку (тогда мемориант был младше своей жены!), либо из особого почтения. Все это вместе с выдвижением тестя на первый план говорит, возможно, о довольно подчиненном положении зятя в знатной семье жены.

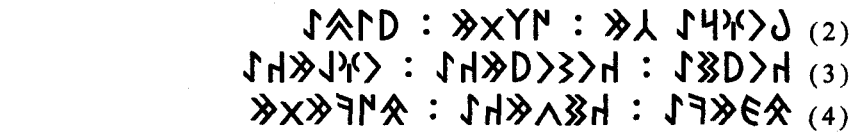
Разбор надписи Е-22 (Чаа-Холь X)

Надпись на невысокой квадратной в основании стеле, размерами 25х25 см при высоте надземной части 150 см, довольно твердой породы – гравилитистый конгломерат, зеленовато-серого цвета с бурым налетом гидроокислов железа. Всего четыре строки, повернутые вертикально, снизу вверх (от земли к небу), по две на двух смежных гранях. На обеих сторонах строки разделены посредине грани сплошной бороздкой. Начало надписи находится, очевидно, на той стороне, где выбита тамга , аналогичная тамге при надписи Е-23 (см. ниже) и отличающаяся от тамги при надписи Е-17 маленькой дужкой у левого края основной дуги. Продолжение текста Е-22 – справа от начальной стороны, а не слева, как ожидалось бы ходом строк справа налево (как и на разобранном выше памятнике Е-17). В предыдущих изданиях последовательность сторон определялась противоположным образом.

Из-за своеобразной фактуры камня – очень твердая порода, с включениями мелкой гальки, – даже хорошо прочерченные знаки иногда опознаются с трудом, из-за чего ряд мест прочитан прежними издателями неверно. По сравнению с первой фиксацией ФАтласа, В.В.Радлов и С.Е.Малов последовательно исправили по несколько знаков. И.А.Батманов и А.Ч.Кунаа в свое издание (ПДПТ) Е-22 даже не включили. В альбоме Д.Д.Васильева (КЕР) транслитерация текста (с.23) дана по С.Е.Малову, а в прориси (с.62) еще ряд мест штрихами обозначены как стертые. В действительности, как установлено в последнем издании И.В.Кормушина (1997), вся надпись сохранилась и хорошо прочитывается.

Текст

 (1)

Транскрипция

(1) *ӱч элиг йашымда адырылдым*
(2) *боғра эчим өлдим айыт-а*
(3) *қуйда қунчуйымқа оғлымқа*
(4) *бегимке қадашымқа бөкмедим*

Перевод

(1) В мои сорок (пятьдесят -?) три года я отделился.
(2) Мой старший брат Богра! – я умер, о горе!
(3) Моими супругами в женских покоях, моими сыновьями,
(4) Моим беком, моими родичами, – я не насладился.

Комментарий к тексту

К строке 1. *Ӱч элиг* – может быть как 53, так и 43 (по древней системе счета, о которой см. выше, тема X, коммент. к тексту E-25, строка 4).

К строке 2. *Боғра* – общетюркское слово, нарицательное значение которого ‘верблюд-производитель’, ср. тув., кирг. *буура,* алт. *пура* ~ *пуғра,* с.-юг. *пырға* (с метатезой **-ғр-* > *-рғ-* и делабиализацией первого слога). В древнеуйгурском языке нередко использовалось как собственное имя (ДТС, с.120).

Разбор надписи E-23 (Чаа-Холь XI)

Надпись на четырехгранной стеле из бурого гравилита. Сейчас стела расколота по высоте наискось на две неравные части. В составленном виде представляет собой столб в форме неправильного ромба со сторонами 27-28x22-23 см, высотой около 145 см от земли. Происходит из того

же места, что и E-22, – при впадении р.Чаа-Холь в Улуг-Хем. Три строки надписи выбиты на трех гранях, по одной строке на каждой стороне; две узкие грани отшлифованы, две широкие – обработаны грубо, тем не менее для начальной строки надписи выбрана широкая шероховатая грань, в нижней части которой выбита тамга 𐰚, в точности такая же, как при E-22.

Данная надпись впервые была зафиксирована в ФАтласе (табл. XVI) и издана В.В.Радловым [AIM, 325] со многими неточностями, повторенными в изданиях С.Е.Малова (МЕПТ, 43), Х.Н.Оркуна (ETY, 534), Д.Д.Васильева (КЕР, с.23, 62, 96). Значительно дополнена и исправлена в издании И.В.Кормушина (1997).

В ниже приводимом тексте фрагменты строк на отбитой верхушке стелы (по разным граням от 48 до 57 см) помечены буквой (б), фрагменты начальных частей строк у основания стелы – буквой (а).

Текст

𐰴𐰆𐰾𐰇𐰾𐰇[𐰴]𐰾𐰃𐰉(б)·?·𐰴𐰆𐰾𐰾(а)(1)
𐰴𐰆𐰴𐰋𐰾𐰃𐰋(б)𐰴𐰍𐰾𐰃𐰋𐰴𐰃:𐰃𐰃𐰇𐰍𐰇·?·(а)(2)
···𐰃𐰇𐰴𐰃𐰃𐰃(б) 𐰴𐰴𐰆D :𐰇𐰋𐰇𐰇𐰇𐰃𐰾(а)(3)

Транскрипция

(1) *эр эрдемим йерим ӱчӱн ӧлдим*
(2) ... *исиг ынал элимке бегимке бӧкмедим*
(3) *тоқуз қырқ йашымда элим ӱч[ӱн]*

Перевод

(1) Я погиб во славу своей доблести мужа-(воина), ради моей земли.

(2) [Я –]... Исиг-ынал, моим государством, моим беком – я не насладился!
3) В мои тридцать девять (сорок девять –?) лет ради моего государства...

Комментарий к тексту

К строке 3. *Тоқуз қырқ* – может быть как 49, так и 39 (по древней системе счета, о которой см. выше, тема X, коммент. к тексту Е-25, строка 4).

Разбор надписи Е-49 (Бай-Булун II)

Надпись на огромном уплощенном оленном камне из темно-серого песчаника, высотой свыше 3 м; ширина до 70 см у земли, 63 см при начале надписи, сужается вверху до 45 см; толщина камня 21-23 см; края граней и вершина скруглены. Происходит из степной местности в левобережье Улуг-Хема, в 7-8 км ниже впадения р.Элегест. С 1915 г. хранится в Минусинском музее, инв. № 22. Впервые опубликована С.В Киселевым [1939, 131-132], затем С.Е.Маловым [МЕПТ, 97-98], И.А.Батмановым и А.Ч.Кунаа [ПДПТ-III, 30-31], А.С.Аманжоловым [1974, 101-102], Д.Д.Васильевым [КЕР, 30, 69, 107-108], И.В.Корммушиным [1997, 169-174]. Текст в четыре строки на двух сторонах: три строки и тамга под ними – на широкой стороне, одна строка – на узкой боковой стороне справа от нее; строки повернуты вертикально, концами вверх (от земли к небу), последовательность строк в пределах лицевой стороны – справа налево. Буквы надписи отчетливые, крупные, в первой строке – в среднем, около 11 см, во 2-3 – около 9 см.

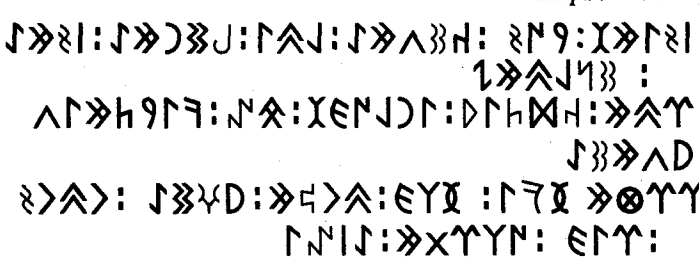
Как удалось установить в последнее время, надпись Е-49 является палимпсестом (см. выше, с.181), т.е. нанесена на стершуюся, или, скорее, сознательно стертую другую, более старую надпись (более мелкими буквами, вы-

сотой в среднем около 4 см), которая покрывала, как можно судить, все четыре грани стелы (!). Предположительно, всего в первичной надписи было 20 строк: по семь – на обеих широких, и по три – на узких боковых сторонах. К сожалению, силуэты букв столь неясны, что получить хотя бы фрагменты осмысленного текста не удается.

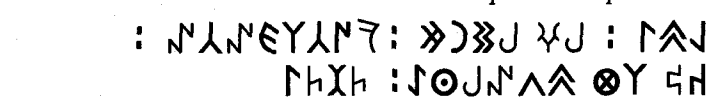
Помимо того, что памятник представляет собой редкий случай палимпсеста, он замечателен применением нескольких оригинальных рун, одна из которых пока не может считаться окончательно дешифрованной. Помимо нее состав остальных знаков Е-49 теперь можно считать твердо установленным: буквы вторичной надписи выбиты очень четко, различий в идентификации знаков между изданиями немного, хотя разночтения имеют место.

Текст

Передняя сторона

Правая сторона

Транскрипция

(1) *Эсизим-е йўз қадашым алты бодуным-а эсизим-е адырылтым-а*

(2) *Эр атым қалықтық ынал өге бен эки йетмиш йашымда*
(3) *Эр эрдемим эки элиг тусум йағыда отуз эриг өлүрдим эсни*
(4) *Алты бағ бодуным күчлигин үчүн аркыш эл[т]дим ташин[2] буң-а тэти*

Перевод

(1) Как жаль мне, – о, сто моих сородичей, о, мой народ Шести [уделов], как жаль мне, – я разлучился (с вами)!
(2) Мое имя (и звание) мужа-воина: я – Калыктык Ынал-оге. Мне шестьдесят два года.
(3) [Вот] моя доблесть мужа-воина: мой (общий) вклад – сорок два [захваченных в плен – ?], на поле битвы я убил тридцать мужей[-воинов врага].
(4) Благодаря могуществу моего народа Шести уделов я водил караваны. (Поминальный) камень – печально – водрузили!

Комментарий к тексту

К строке 1. *Алты бодуным-а* – букв.: "о, Шесть моих народов", выражение, по-видимому, более разговорное, чем более правильное и полное, употребленное ниже, в 4-й строке: *алты бағ бодуным* (см. ниже).

К строке 2. *Қалықтық* (?) – 𐰴𐰍𐰃𐰺𐰍 *қ[a]ЛЫҚт[2]ық*. Для написания имени собственного мемориала Е-49 применен очень редкий знак: 𐰺 – два составленных вершинами треугольника, – встретившийся в древнетюркских руни-ческих надписях всего трижды: один раз в «орхонских» – Тон$_{26}$, и два раза в енисейских – в Е-2 и Е-49. Исследователи считали эту руну своего рода идеограммой (знак, обозначающий не звук или слог, а целое слово): В.В.Радлов читал ее поначалу как *ун*, знаменитый немецкий тюрколог Вилли Банг предложил чтение *баш*, что приняли С.Е.Малов и Т.Текин; А.С.Аманжолов рассмот-

рел знак ᛞ как лигатуру *рт* – соединение знаков ᛋ : $р^1$ и ᚼ : $т^2$, – с чем согласился О.Н.Туна. Автор этих строк принял иное, более старое чтение Г.И.Рамстедта: ЛЫҚ [Кормушин 1997, 170]. На наш взгляд, в этой руне соединились в виде лигатуры знаки $л^1$ + $^{ы}к$: ᚦ + ᛦ → ᛞ, при этом первая буква ᛦ была дополнена до симметричного треугольника.

Ьынал өге – в нарицательном смысле *ынал* 'человек знатного происхождения, высокородный'. Судя по тексту Е-45 (см. ниже), слово *ынал* могло употребляться при собственных именах в качестве термина-гонорификатора (почетного величания, типа русского "ваше превосходительство", "его высочество" и т.п.). Слово *өге* в нарицательном смысле 'мудрый, мудрец', употребляется также как титул, даваемый правителю обычно небольшого государства (см. подробнее ниже, с.246).

К строке 3. *Эсни* ᚴᚿᛁᛦ – (?). Это слово встречается в енисейских памятниках всего несколько раз и поэтому еще до конца не объяснено. В аналогичном написании *эсни* оно есть в Е-15, Радлов и Малов оставляли его без перевода. Т.Текин семантизирует *эсни* как 2 л.ед.ч. повелит. накл. от глаг. *эсни-* 'помнить': "помни!". Предложение Батманова и Кунаа видеть здесь форму вин. п. *-ни* от одного из трех существительных: *эш* 'друг', *эс* 'память', *эс* 'добыча' [ПДПТ-III, 31, примеч. 1], не может быть принято с точки зрения синтаксической. В написании ᚴᚿᛁ данное слово употреблено в новой надписи Е-147. Во всех трех случаях обсуждаемое слово употреблено в одинаковом контексте – в конце предложений-строк, в Е-15 – в сочетании *адырылтым эсни*, в Е-147 – *бөкмедим айыта эсни*. Последний пример, в особенности, не оставляет сомнений в том, что перед нами еще неизвестное слово, служащее для выражения сожаления. Некоторую ориентировку предоставляют данные киргизского языка: здесь *эсиз* и *эсил* выступают

синонимами в значении 'горемычный' [Юд., 966]; понятно, что *эсил* фонетически близко к *эсин / эсни,* но для удовлетворительного объяснения нужны еще новые языковые данные.

К строке 4. *Алты бағ бодуным* – мой народ Шести уделов, как переводил это слово в данном употреблении С.Е.Малов. Слово *бағ* считается производным именем от глагола *ба-* 'связывать, привязывать' и имеет по языкам два главных типа значений: а) орудия/средства действия – "то, чем завязывают": 'завязка, повязка', 'путы, оковы'; б) результата действия – "то, что образуется в результате связывания": 'связка, вязка', 'узел, пук', 'сноп, копна', 'обойма' (ЭСТЯ II 14-15). Оба типа значений представлены уже в древних текстах: 'оковы, узы', 'повязка', 'узел (*товара*), кипа; вязанка', 'том, раздел (*книги*)', 'группа, разряд' (ДТС, 77).

Военно-административное объединение, существовавшее на территории Тувы в IX в. под названием Алты бағ (ДТС, 39), объясняется из второго типа значений: "подразделение чего-то, связанное с остальными частями в единое целое, «один из связки»". Лексико-семантическое толкование слова бағ, вполне проясняет и политический статус багов в объединении "Шесть уделов-багов": баг – это составная часть союза, союзник, федерат. Мы располагаем несколькими надписями, мемориантами которых – руководители союза "Шести багов" (данная, Е-49, а также Е-1, см. ниже). То, что "Шесть багов" – добровольный или не вполне добровольный, но союз самостоятельных территориальных подразделений-багов древней Тувы и проживавших на них родо-племенных объединений, доказывается текстом Е-73 близ Ийме, в Юго-Западной Туве, опубликованном И.А.Батмановым и А.Ч.Кунаа в 1964-65 гг., в котором мемориант обращается с сожалением к своему сюзерену, называя его *эки бағлығқа бегим* 'мой бек,

владеющий двумя багами'. Следовательно, состав багов в объединении мог изменяться, какие-то баги могли откололоться от союза и создать свое сепаратное объединение. Видимо, подобное произошло на периферии, в западной части Тувы, судя по местонахождению памятника Е-73. Памятники беков, в которых речь идет о «Шестиудельном княжестве», происходят из политического центра этого государства – с Элегеста, а также с Уюка, куда, видимо, позднее смещается центр объединения.

Алты бағ бодуным күчлигин үчүн аркыш эл[т]дим – трудно представить, чтобы правитель государства, да еще в достаточно пожилом возрасте, лично "водил караваны", хотя бы даже в качестве начальника каравана. Очевидно, речь идет об известной практике правителей средневековых государств за определенную плату предоставлять торговым караванам право прохода через их территории, гарантии безопасности и, если требуется, охрану. Как указывает мемориант, этот «бизнес» не был его личным, но опирался на всю мощь государства "Шести уделов".

Ташин^{2} *буң-а тэти* – эти заключительные слова надписи в данном прочтении знаков не вполне понятны, С.Е.Малов читал 27 знак ⊙ не как енисейское *ң*, а как орхонское *нт*, а в 30 знаке видел не 𐰴, а к 𐰆, что давало более привычное: *ташин бунта тикти* 'он поставил здесь памятник' (МЕПТ, 98).

Разбор надписи Е-1 (Уюк-Тарлак)

Надпись на оленном камне из зеленовато-серого сланца. Высота камня без вкопанной части – 183 см, ширина стороны с надписью (она же "лицевая" сторона оленного камня, там, где две косые черты, символически пере-

дающие "лицо") – около 20 см, ширина боковой стороны – около 40 см внизу, сужаясь немного кверху. На противоположной (задней) стороне, примерно посередине высоты грани и во всю ее ширину, поверх более древнего рисунка выбита тамга 𐰼, с двумя диакритическими вертикальными черточками в лунке дуги. Данный двойной памятник происходит из долины р. Уюк, правого притока Бий-Хема, из местности в 2 км от левого берега р.Тарлак, левого притока Уюка. С начала века хранится в Минусинском музее, инв. №20. Надпись из двух строк, которые повернуты вертикально, концами вверх (от земли к небу), резы (бороздки) глубокие, четкие, их невозможно спутать со случайными царапинами; знаки некрупные, 3-5 см., одинаковые в обеих строках.

Текст

𐰴𐰾𐰋𐰚𐰃:𐰴𐰾𐰋𐰖𐰍𐰃:𐰴𐰾:𐰇𐰃𐰚𐰃:𐰴𐰾𐰍𐰉:𐰴𐰍 (1)

𐰴𐰚𐰾𐰀𐰇:𐰀𐰾𐰆𐰖 :𐰴𐰾: 𐰴𐰍:

𐰴𐰗:𐰾𐰍𐰉𐰍𐰏𐰍𐰲:𐰋𐰆:𐰏𐰆𐰃𐰆 :𐰋𐰍𐰃𐰆𐰍𐰉 :𐰾𐰆 (2)

𐰾𐰲𐰏 𐰍𐰺𐰆:𐰴𐰲:𐰋𐰚𐰃𐰖𐰍𐰖:𐰍𐰆𐰖:𐰾𐰲𐰏:𐰍𐰍𐰀𐰍𐰉:

Транскрипция

(1) *Эсиз элим-е қунчуйым-а оғланым-а бодуным-а эсизим-е алтмыш йашымда*

(2) *Атым эл тоған тутуқ бен теңри элимке элчиси эртим алты бағ бодунқа беги эртим*

Перевод

(1) Жаль – о, мое государство, мои супруги, мои сыновья, мой народ! Как жаль мне – в мои шестьдесят лет!

(2) Мое имя – Эль Тоган-тутук. Для моего божественного государства – я был его послом, для моего народа шести уделов – я был его беком.

Комментарий к тексту

К строке 1. Из грамматической формы 1-го л.ед.ч. в надписи, ясно, что ее автор является в то же время мемориантом, лицом которому она посвящена (как и во многих аналогичных случаях). В первой строке он высказывает сожаление в четыре адреса: государство – супруга (*или*: супруги) – сын (*или*: сыновья) – народ. Это, можно сказать, основные адресаты, без детализации, как в ряде других надписей, где упоминаются – в разных комбинациях и с разной полнотой – различные родственники и свойственники, подданные, подчиненные, рабы, имущество, скот, особо – лошади, колчан и т.д. и т.п. Обычно всем указанным лицам, коллективам, объектам живой и неживой природы высказывается сожаление по поводу смерти мемориантa (от его имени или от лица составителя эпитафии), сам факт смерти выражен глаголами либо прямого смысла: 'умер', – либо переносного смысла: 'разлучился', 'не насладился', 'перестал ощущать', 'развязался', – что тоже равносильно сообщению о смерти.

К строке 2. *Алты бағ бодун-қа беги эртим* – как и в разобранном выше памятнике Е-49, в Е-1 мемориант называет своим «народ Шести багов». Говоря «народ Шести багов», подразумевают то государственно-политическое объединение, образованое этими багами (уделами, небольшими областями), которые существовали на территории древней Тувы. Текст памятника Е-1 из Уюк-Тарлака, сохранивший свою подлинность до наших дней, документально доказывает, что «Шесть багов» было государственным образованием – княжеством, поскольку во главе его стоял общий князь (*бег*).

Отдельный вопрос – соотношение территорий, занимавшихся каждым из багов и вместе объединением Шести багов, по отношению к современным границам Тувы. Имеющиеся на сегодня в нашем распоряжении косвенные данные дают основание предполагать, что самые западные, южные и восточные районы современной Тувы были консолидированы гораздо позже древнекыркызского времени. Баги же располагались в Верхнеенисейской котловине, включая межгорные долины Правобережья, в Уюкско-Туранской котловине, а также долины низовий Бий-Хема и Каа-Хема.

Атым эл тоған тутуқ бен – в формуле именования констатируется, что бек народа Шести уделов по имени Эль Тоган был в чине тутука. Вспомним также свидетельство уйгурского источника, согласно которому каган Моян-чор назначил чикам наместника-тутука (см. выше, с.172). Эта семантическая двуплановость термина «тутук» – верховный правитель народа/государства, но не из "своих, местных", а присланный из "центра", – в Е-1 совершенно отчетливо выражена построением фразы и ее грамматикой: «для моего божественного государства (читай: для "центра") я был его послом (читай: его государственным представителем здесь, у народа Шести уделов», а «для моего (читай: ставшего моим, назначенного мне) народа Шести уделов я был его беком, т.е. правителем».

Элчи – широко распространенное слово в тюркских, монгольских и др. языках, обычно трактуется как «посол». Однако его внутренняя форма связана не с "посылать кого-л. (с миссией)", как в русском языке, а с *эл* 'государство' + афф. деятеля *-чи*, т.е. «человек, ведающий делами государства, представляющий его». Это будет и «посол (представитель государства в другой стране)», но также и «наместник (представитель государства в подчиненной стране, представитель центра в провинции)».

Разбор надписи Е-14 (Чаа-Холь II)

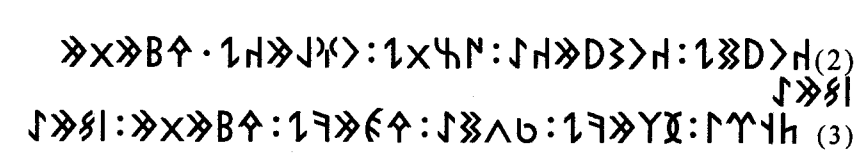
Надпись из группы чаа-хольских (см. выше, с.221), но с тамгой иного типа, чем в памятниках рассмотренных выше. Тамга ⟩⊢⟨ , сопровождающая надпись Е-14, зафиксирована всего в четырех памятниках, три из них с Чаа-Холя (с надписями Е-14, Е-19, Е-20), а один (Е-12) – из урочища Алдыы-Бель в правобережной горной части Верхнего Енисея, приблизительно напротив основного массива чаа-хольских памятников в левобережье Енисея.

Памятник с надписью Е-14 ныне хранится в Тувинском музее. Это – невысокая плита из зеленовато-серого конгломерата (очень твердая порода, с включениями гальки). Высота плиты чуть более метра, ширина от 43 см внизу до 38 см вверху, при толщине 19-24 см.

Узкая боковая грань плиты отшлифована, на ней нанесена очень крупными четкими буквами одна короткая строка, содержащая имя мемориата и тамгу. Это, конечно, начало надписи. На неотшлифованных широкой боковой и узкой задней сторонах прочитывается по одной строке слабо прочерченного текста. Однако на широкой из указанных сторон едва видны следы еще двух (или даже трех) строк, но относились ли они к данной надписи или, быть может, мы имеем дело еще с одним палимпсестом, сказать трудно. Буквы прочитываемых строк (ниже вторая и третья) настолько плохо различимы, что все предыдущие издания, начиная с В.В.Радлова, содержали много неточностей в определении знаков и, соответственно, в полученном тексте, исправленных в последнем издании енисейских эпитафий И.В.Кормушина (1997, с.183-85).

Текст

 (1)

Транскрипция

(1) *Элчи Чор Кӱч Барс*
(2) *Қуйда қунчуйымқа өзде оғлымқа бӧкмедим эсизим-е*
(3) *Теңри элимке башда бегимке бӧкмедим эсизим-е*

Перевод

(1) [Я] – Эльчи-чор Кюч Барс.
(2) Моими супругами в женских покоях, моими кровными сыновьями я не насладился, – о, жаль мне!
(3) Моим божественным государством, моим беком предводителем я не насладился, – о, жаль мне!

Комментарий к тексту

К строке 1. Знаки строки настолько крупные и четкие, что не возникает вопроса о пропуске знака для ᛚ : I в группе первых шести букв, без которого принимаемое всеми и предпочтительное чтение *Эльчи-чор* остается противоречащим правилам рунической орфографии; по правилам следует читать *Элич-чор*.

К строке 2. Об устойчивом для эпитафийного текста выражении *Қуйда қунчуйым* см. выше, с.206. Почти столь же устойчивым и обычно встречающимся вместе с *Қуйда қунчуйым* является выражение *өзде оғлым*, образованное по той же синтаксической модели: определение – существ. в местн. пад. плюс определяемое существительное. Общетюрк. *өз* ‘сердцевина, костный мозг, аорта’, *перен.* ‘свой, собственный’, ‘родной’ (напр.: тур. öz kardeş ‘родные братья’) придает словосочетанию такое значение: ‘собствен-

'собственные, родные сыновья'. Это, вероятно, имеет тот смысл, что *өзде оғуллар* – дети от супруги или от супруг (не от наложниц), т.е. дети,имеющие правопреемства, обладающие правом на наследство имущества, должностей, привилегий.

Надписи восточной части Верхнеенисейской котловины

Надписи с тамгами 𐰴 и 𐰼 типа являются доминирующими на территории к востоку от горы Хайыракан. Вероятным центром этой области какое-то время была долина Элегеста, а позднее противолежащие местности на правом берегу Енисея.

Разбор надписи Е-45 (Кёжээлиг-Хову)

Одна из самых больших, лучших по исполнению и сохранности рунических надписей, найденных на территории Тувы.

Надпись Е-45 происходит из правобережной части Верхнего Енисея, из местности Кёжээлиг-Хову, в 3 км от Енисея по правому берегу его притока – р.Эжим. Памятник представляет собой массивный четырехгранный столб с острыми краями, из зеленоватого алевролита, высотой до 2,5 м, шириной до 0,5 м и толщиной 35-39 см.

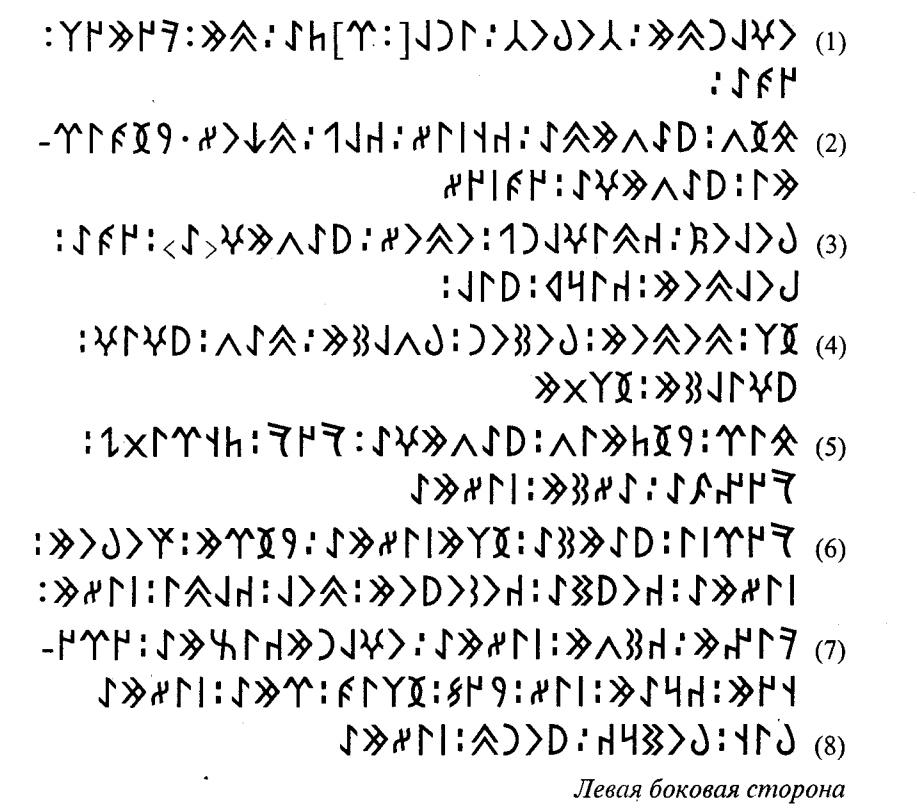
Надпись состоит из 10 строк, повернутых, как и в большинстве случаев на енисейских памятниках, вертикально, снизу вверх (от земли к небу), строки следуют справа налево. 8 из них покрывают широкую переднюю сторону, а 2 отнесены на боковую грань. Двумя прямыми линиями лицевая грань разделена на три части (2+3+3 строки), здесь буквы выбиты тщательно, хотя не обошлось без орфографических ошибок. На боковой стороне исполнение менее тщательное и строгое, буквы мельче, выбиты слабо, иногда едва видны.

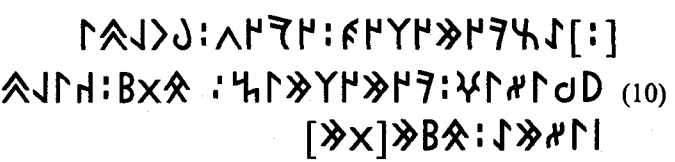

Памятник Е-45 из Кёжээлиг-Хову (Тува)
(Тувинский музей в г.Кызыле)

Памятник зарегистрирован и описан в Туве в 1943 г. Надпись Е-45 впервые издана С.Е.Маловым в 1952 г. [МЕПТ, с.81-83], а затем в 1963 г. И.А.Батмановым и А.Ч.Кунаа [ПДПТ-I, с.61-64]; в обоих изданиях – с рядом существенных неточностей, особенно в отношении боковой стороны. Все эти неточности и ошибки в чтениях и толкованиях текста последовательно были устранены в изданиях А.М.Щербака [1964, с.143-146] и И.В.Кормушина [1997, с. 213-220].

Текст

(10)

Транскрипция

(1) *Оғлан атым Чубуч-ынал. Эрте атым Күмүлöге.*
(2) *Беш йашымта қаңсыз қалып тоқуз йегирми йашымға öгсүз*
(3) *болуп қатығланып отуз йашым[ғ]а öге болтум. Қырқ йыл*
(4) *эл тут[т]ум бодун башладым таш йағығ йағыладым эл[т]дим.*
(5) *Бир йетмиш йашымға көк теңриде күнге азыдым эсизим-е.*
(6) *Күрси Йамда элим эсизим-е йерим субум эсизим-е қуйда қунчуйум тул қалты эсизиме.*
(7) *Киним қадашым эсизим-е оғланым қызым öрүңүм қарам эсиз йүз элиг эрим-е эсизим-е.*
(8) *Бың бодрақ йонт эсизим-е.*
(9) *Элим эсиз эринч йүз күмүл бодунум эсиз эринч аз күмүлүг үкүш болты.*
(10) *Йабызығ күмүлимин бедүк қылтым эсиз бöкме[дим].*

Перевод

(1) Мое юношеское имя – Чубуч-ынал, мое мужское имя – Огя (народа) Кюмюлей.
(2) В пять лет я остался без отца, в девятнадцать лет я стал сиротой,
(3) но я мужался и в тридцать лет я стал *огя*. Сорок лет
(4) я правил государством, возглавлял народ, воевал с внешними врагами, водил (войска).
(5) На семьдесят первом году в синем небе я перестал видеть солнце, – как жаль мне!

(6) Государство мое в Кюрси Яме, – как жаль мне! Моя земля, мои реки-озера, – как жаль мне! Мои супруги в женских покоях остались вдовами, – как жаль мне!
(7) Мои свойственники, мои кровные родственники, – как жаль мне! Мои сыновья, мои дочери, мое светлое и темное (имущество), – жаль! Сто пятьдесят мужей-воинов моей (дружины), как жаль мне!
(8) Тысяча привольно пасущихся моих коней, – как жаль мне!
(9) Мое государство, как жаль, какое несчастье! Мой народ Ста (родов) Кюмюлей, – как жаль, какое несчастье! Мало(численные) кюмюли стали многочисленными,
(10) моих ничтожных кюмюлей я сделал великими, – как жаль мне, я не насладился!

Комментарий к тексту

К строке 1. В орхонских и енисейских надписях часто упоминается *эр ат* «мужское имя» героя; здесь редкий случай, когда названо еще и юношеское имя. Дальнейший текст надписи позволяет понять, что мужское имя данного мемориант не является личным собственным именем, но состоит из титула (*öге*), присущего правителям небольшого государства (см. примеч. ниже), и названия народа (*Кӱмӱл*), образующего это государство.

К строке 2. *Қаң* ‘отец’ и *öг* ‘мать’ – древние обозначения данных терминов родства в тюркских языках, почти везде замененные позднее другими лексемами. Впрочем, второе слово во многих языках сохранилось в приватной форме на *-сӱз – öгсӱз* ‘сирота’ (см. выше, с.210). В данной надписи контекст – отдельное упоминание отца, а затем матери – убедительно демонстрирует первоначальное значение слова *öгсӱз* (> *öксӱз* > *öскӱз*) – “без матери”.

К строке 3. Пятую букву долгое время неправильно воспринимали, пока казахский тюрколог А.С.Аманжолов не предложил видеть в ней (как и в букве на 3-й позиции

из 1-й строки памятника Е-7, см. ниже) особый знак восточнотуркестанской руники 𐰚 *on /yn*. Автор этой книги в свое время не согласился с доводами профессора А.С.Аманжолова, хотя в памятнике Е-28 такую букву он вне связи с надписями Е-7 и Е-45 установил (Кормушин 1997, ср.: с. 76, 79 и 207-208, 218; см. также выше, с.213). Теперь, после более тщательного исследования начертания всех этих знаков непосредственно на памятниках, приходится признать правоту А.С.Аманжолова.

Йаш-ым-ға – 'к моему возрасту (19 лет)', обращает на себя внимание алломорф (вариант) падежного показателя со звонким согласным *-ғ-* (так же ниже, в строке 5: *күн-ге* 'солнцу'), что является приметой более позднего языка и в енисейских надписях встретилось всего в двух текстах (Е-45 и Е-11).

Текстологические замечания. К строкам 2-3. Поместив деепричастие *болуп* в начало третьей строки, писцы разорвали предложение; так же вышло на границе 3-й и 4-й строк. Это было необычно для рунических камнеписных памятников, но согласуется с уйгурописьменной практикой на бумаге. Данная особенность письма тоже, возможно, является косвенным свидетельством сравнительно позднего создания надписи Е-45 (и аналогичных ей), относя ее ко времени, синхронному восточнотуркестанской письменной культуре тюрков, т.е. не ранее конца 9 в., а скорее всего, – не ранее 10 в.

К строкам 3-4. Фразы (или части одной фразы) "В тридцать я стал *огя*. Сорок лет я правил государством, возглавлял народ ..." свидетельствуют, что мемориант данной надписи, *огя* (народа) Кюмюлей, – не просто одно из сановных лиц, но лицо №1, которое было во главе народа, его правитель. Прощаясь, он поминает многих и многое, в том числе свое государство, но рядом со словом *элим* 'мое государство' нет привычного парного *қа-*

ным 'мой хан' или *бегим* 'мой бек'. В принципе, это должно означать только одно: над ним в это время не было сюзерена, государство, созданное племенным объединением "Ста кюмюлей", в сорокалетний период правления этого *огя*, было независимым.

Судя по некоторым данным, титул *огя* был не из числа титулов высшего ранга. Ср. замечание Махмуда Кашгари о том что словом *огя* "называют старших из людей среднего достатка" (ДТС 379). Если соединить эти две характеристики, то получится, что перед нами «лицо №1, или правитель "среднего достатка"», "средней руки", "средней силы, величины", т.е. правитель небольшого государства.

Аналогичным образом не упомянут среди адресатов прощания какой-либо сюзерен и в эпитафии Калыктыкынал-огя, мемориата надписи Е-49 (см. выше, с.230 и след.). Однако этот мемориант управлял народом и государством "Шести уделов". Вполне очевидно, что "Шесть уделов" – то же государство и тот же народ древней Тувы, что и государство "Ста кюмюлей", только на другом этно-политическом витке своей истории. Вопрос – на каком: предшествующем или последующем?

Для ответа на этот вопрос обратимся к другому древнетувинскому источнику – надписи Е-1, посвященной, как и Е-49, правителю государства "Шести уделов". Здесь, в надписи Е-1, правителем "Шести уделов" является не *огя*, а *тутук*, т.е., как мы установили, наместник, верховный управляющий, присылаемый из центра. О назначении тутука уйгурским каганом для народа *чиков* (народа древней Тувы в этническом обозначении его древними тюрками и уйгурами) говорится, как мы помним по теме VIII, в древнеуйгурском источнике – надписи Моян-чора, середины 8 в. Сопоставляя древнеуйгурский и указанные древнетувинские источники (надписи Е-1, Е-49 и Е-45), мы

можем реконструировать следующую последовательность исторических событий.

Древнетувинское государство "Шести уделов" сначала было зависимым и управлялось тутуком-наместником (согласно надписям Моян-чора и Е-1). Затем, вероятно, в самый поздний период "Шести уделов", это государство обретает независимость и управляется *огя* (согласно Е-49). Затем, на смену независимому государству "Шести уделов" приходит независимое государство "Ста кюмюлей" (Е-45). Этот переход был сопряжен с заменой одной правящей этно-политической группировки другой. Об этом мы судим по тому, что надписи периода "Шести уделов" (Е-1 и Е-49) сопровождаются тамгой западного типа , тогда как правитель "Ста кюмюлей" (Е-45) обладает тамгой восточного типа .

К строке 5. *Кӱнге азыдым* – принятое теперь толкование данного глагола не как *аз-* I 'худеть, истощаться' или *аз-* II 'сбиваться с дороги; *перен.* сбиваться с правильного пути', а как *азы-* 'перестать ощущать (видеть, слышать)' на основе данных Словаря Махмуда Кашгари предложил впервые С.Е.Малов (МЕПТ, с.27, примеч.3). В ряде современных языков этот глагол сократил узкий гласный в основе и *аз-* III стал смешиваться с аз-I, сохраняя такие значения, как 'вырождаться', 'портиться (*в разн. знач.*)', 'ухудшаться, воспаляться (*о ране*)'. От этих трех – *аз-* I, II, III – следует отличать еще один глагол – *аз-* IV со значениями 'переступать пределы, выходить из себя, буйствовать, свирепеть'. Э.В.Севортян отделил от аз- I и аз- II глагольный омоним *аз-*, в котором перечислял значения, представленные у нас раздельно как *аз-* III (< *азы-*) и аз- IV (см. подробнее: ЭСТЯ I, 94-95).

К строке 6. *Кӱрси Йамда элим* – благодаря местн. падежу *-да*, все словосочетание можно понимать как "мое государство *в таком-то месте*". Если это так, то возможно

здесь впервые мы сталкиваемся с собственным древнетувинским (чикским) названием Верхнеенисейской долины: *Кӱрси Йам*. У древних тюрков она называлась *Кӧгмен йыш* 'Кёгменское лесистое нагорье', по их названию Саянских гор – *Кӧгмен*, и *йыш* – таёжная межгорная долина, лесистое нагорье (русск. *чернь*).

К строке 7. *Киним* – уточнение начертания второго знака в данном слове, читавшегося ранее как *ӱ*, позволило зафиксировать некий новый термин родства: *кин* или *кини*, – судя по контекстам, "женской" семантики. Однако в тюркском лексиконе близкого по звучанию родственного термина нет. Автор сопоставил его с др.-уйг. *кин* 'женское чрево' (Кормушин 1997, 195), что, как теперь он полагает, слишком прямолинейно. Живая тувинская речь подсказывает иное, думается, более правильное решение. В тувинском языке в силу закона выпадения срединного узкого *и* в трехсложных словах и ассимиляции оказывающихся рядом согласных, теоретическая форма *келиним* 'моя невестка, сноха / мои невестки, снохи' практически звучит как *кенним* ~ *кеним* ~ *киним*[1]. Такая форма характерна только для тувинского языка и не может быть хакасской или алтайско-киргизской.

Если предположение относительно *киним* < **келиним* верно, то в этом случае мы располагаем свидетельством проникновения живой древнетувинской формы в стандартизованный язык надписей иной природы (об этом см. выше, тема I). Кстати, форма *киним* зафиксирована только в надписях на территории Тувы: E-1 (Уюк-Аржан), E-3 (Уюк-Тарлак), E-10 (Элегест I), E-11 (Бегре), E-44 и E-45 (Кызыл-Чираа I и II), E-59 (Хербис-Баары).

[1] Ф.Г.Исхаков, А.А.Пальмбах. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961, с.101.

К строке 8. Эта строка нарушает трехчастную симметрию лицевой стороны, разделенной двумя линиями на три части: очевидно, предполагалось в центре выбить три строки и по бокам – по две. Однако в конце прибавили еще одну строку, это явная приписка: она сдвинута к концу строк, буквы мельче, чем в остальных строках. Сам факт приписанности данной фразы в виде короткой дополнительной строчки выдает особую привязанность мемориантa и его окружения к лошадям.

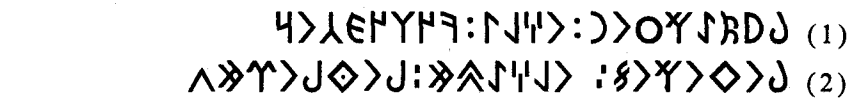
К строкам 9-10. В обеих строках содержатся грамматические неправильности. Во фразе *аз күмүлүг үкүш болты,* – либо не нужен винит.пад. *-үг*, либо непереходный глагол *болты* надо заменить на переходный *қылтым*, как в следующей фразе. В этой последней – *йабызығ күмүлимин бедүк қылтым* – управление глагола выдержано, но постановка винит. пад. в прилагательное, благодаря чему оно получает согласование с существительным, – явление, не свойственное строю тюркских языков.

Разбор надписи Е-7 (Барык III)

Надпись на плоской плите из желтого песчаника, размеры памятника: 156 см в высоту (без учета заглубленной в землю части), 62 см в ширину, толщиной от 18 см внизу до 12 см вверху. Происходит из местности вблизи р.Барык, левого притока Енисея, в 80 км западнее г.Кызыла. Всего из данной местности происходит четыре памятника с однотипной тамгой: Е-5, Е-6, Е-7, Е-8 (Барык I -IV). Памятники попарно близки друг друг по материалу и форме: Е-5 и Е-8 – плоские плиты из лилового песчаника, Е-6 и Е-7 – из желтого песчаника. Последние две надписи очень схожи и в языковом отношении (см. ниже). Все четыре памятника хранятся в стелларии Тувинского музея.

Четыре строки текста надписи Е-7 повернуты вертикально, в направлении от земли к небу; перед началом строк выбита тамга ᛘ. Памятник превосходной сохранности, все знаки видны четко, текст прост и ясен по смыслу. Перевод практически дается по С.Е.Малову (МЕПТ, 23). Затруднения вызвали чтение всего лишь одного знака – третьего в первой строке (сейчас он, наконец, разгадан, см. ниже), и всего лишь одной грамматической формы – второго слова в четвертой строке (она до сих пор остается непонятной).

Текст

Транскрипция

(1) *Бай Опа саңун оғлы Күлүг-чор*
(2) *Буңусуз улга[т]тым буң бу эрмиш*
(3) *теңридеκи күнке йердеκи елимке бөκмедим*
(4) *қуйда қунчуйымғақа өзде оғлымқа адырылдым*

Перевод

(1) [Я –] сын Бай Опа-сангуна, [по имени] Кюлюг-чор.
(2) Я вырос беспечальным, печаль (моя) оказалась вот что:
(3) солнцем, что на небе, моим государством, что на земле, – я не насладился!
(4) С моими супругами в женских покоях, с моими родными сыновьями – я разлучился.

Комментарий к тексту

К строке 1. *Бай Опа* – о чтении третьего знака как 𐰚:*оп /уп* см. выше, с.245. С.Е.Малов читал его как *н'* и все имя как Байна.

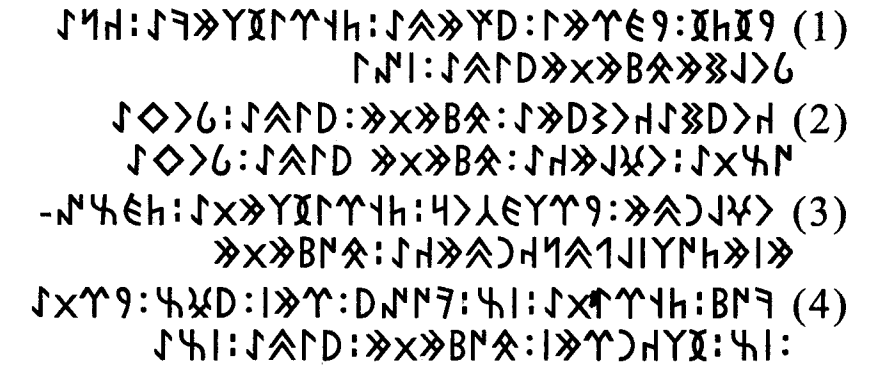
К строке 2. *Улга[т]тым* – С.Е.Малов читал это слово здесь, как и в Е-29 (см. выше

К строке 4. *Қунчуйымғақа*

Разбор надписи Е-147 (Ээрбек I)

Надпись на стеле из лилового (розовато-грязного) тонкозернистого песчаника, высотой более 3,5 м (328 см от вкопанной части), шириной 42 см внизу и 31 см со середины, толщиной 29-30 см. Происходит из местности Онгар-Хову в правобережье Улуг-Хема, в 19 км западнее пос. Ээрбек. Хранится в Тувинском музее. Строки, повернутые вертикально, концами вверх, от земли к небу, нанесены на двух гранях: на широкой, по тамге определяемой как лицевая сторона, – пять длинных строк хорошей сохранности, занимающих всю площадь грани; на правой (а не на левой, как ожидалось бы по ходу строк справа налево) боковой стороне – четыре строки, к сожалению, плохой сохранности. Последовательность строк внутри граней – справа налево (тип II). В пяти строках лицевой стороны выявлено 237 рун (по строкам: 45+47+49+47+49), передающих в целом 57 слов. За исключением нескольких мест знаки этой стороны прочитываются надежно. На боковой стороне сохранилось около 100 рун, однако ввиду проблематичности идентификаций большинства из них и невозможности получить связный текст, здесь мы его не приводим. Тамга Е-147, – по диакритической черте к основному рисунку – горизонтальной черточке слева вверху, идентична тамгам надписей Е-10 и Е-100.

Текст

Транскрипция

(1) *йити йегирми йашымта теңри элимке қара болдым бөкмедим айыт-а эсини*

(2) *қуйда қунчуйым-а бөкмедим айыт-а буң-а өзде оғлымқа бөкмедим айыта буң-а*

(3) *оғлан атым йерлиг чор теңри элимде тегзинмишим төлес алп тарқан атымқа бөкмедим*

(4) *көк теңриде эсиз күн ай эрмиш йағыз йерде эсиз эл қан эрмиш бөкмедим айыт-а эсиз-е*

(5) *бодуным-а букуным-а бөкмедим айыт-а эсизим-е улуғым кичигим-е бөкмедим айыт-а эсизлерим-е*

Перевод

(1) С семнадцати лет я стал служить моему бог(охранимому) государству и не насладился, о горе!

(2) О мои супруги в женских покоях, – я не насладился, о горе, печаль! Моими собственными сыновьями я не насладился, – о горе, печаль!

(3) Мое юношеское имя – Йерлиг-чор. Из моего бого(хранимого) государства я уходил (и возвращался).

Своим титулом доблестного тархана тёлесов я не насладился!

(4) В голубом небе – жаль – были солнце и луна, на бурой земле – жаль – были государство и хан: я не насладился (ими), о жаль, о горе!

(5) О, мой народ, мое население, – я не насладился, о горе, о жаль мне! О, мои великие и мои малые (подданные) – я не насладился (вами), о горе, о жаль мне!

Надписи из северной части Тувы с тамгой типа ⊂≤

В северной части Тувы были найдены три древнетюркские рунические надписи, сопровождаемые необычной тамгой типового рисунка в виде отпечатка «птичьей лапы»: ⊂≤ . Это – надписи Е-2, Е-109, Е-110. Место находки еще одного памятника с такой же тамгой – Е-51, осталось незафиксированным. Вокруг памятника с надписью Е-2 были произведены археологические раскопки, которые, как считает ряд археологов, указывают на принадлежность этого памятника местному аборигенному населению – *чикам* (о них см. также выше).

Разбор надписи Е-2 (Уюк-Аржан)

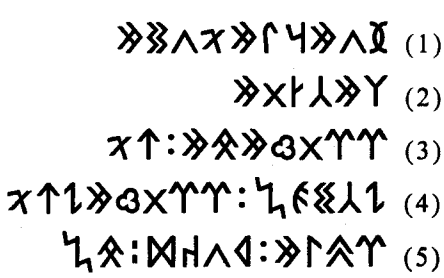
Надпись на большом, свыше 2 м высотой оленном камне розовато-серого (лилового) гранита. Выбитые рисунки скифской эпохи, относящиеся собственно к оленному камню, представляют значительную художественную ценность. Древнетюркская надпись вырезана на правой боковой стороне оленного камня, в его нижней части, после расположенных друг над другом трех фигурок ветвисторогих оленей, с определенным расчетом не повредить древние изображения. Этот замечательный двойной культурно-исторический памятник хранится в Минусинском музее, выставлен в экспозиции под №21. Происходит памятник из северной части Тувы, из Уюкско-Туранской долины, из местности в 2 км от левого берега

р.Уюк и в 1 км от знаменитого царского кургана скифского времени Аржан (по раскопкам кургана Аржан очень познавательные материалы в виде фотографий, чертежей, макетов, остатков реальных вещей демонстрируются в постоянной экспозиции Тувинского музея).

Руническая надпись Е-2 состоит из пяти коротких строк, расположенных в отличие от подавляющего большинства остальных енисейских надписей горизонтально (параллельно земле), справа налево. Под надписью с небольшим отступом выбита тамга «птичья лапа» с загнутым в виде крюка концом: . Всего в пяти строках 48 рунических буквенных знаков (10+6+9+13+10), не считая двоеточий-словоразделителей. Многие знаки в Е-2 сильно отличаются от стандартных начертаний, что характеризует их как весьма поздние. В лексическом отношении надпись также необычна. Еще недавно ряд слов в ней были прочтены совсем по-другому или не были прочтены вовсе. Три слова – во второй и четвертой строках до сих пор нельзя считать понятыми.

Впервые была издана В.В.Радловым, затем С.Е.Маловым, Х.Н.Оркуном. Новое понимание этой надписи было намечено в работах А.С.Аманжолова и И.В.Кормушина.

Текст

Транскрипция

(1) *эшим урым азышдым*
(2) *элим чеңдим*
(3) *эр эрдемим эбим ақуз*
(4) *ачда эгин эр эрдемим ақуз*
(5) *эр атым қышқалық бен*

Перевод

(1) Мои супруги, мои сыновья – я перестал видеть и слышать вас!
(2) Моя страна, я ...
(3) Моя доблесть мужа-воина, мой дом, – о несчастье!
(4) ...моя воинская доблесть, – о несчастье!
(5) Мое имя мужа-воина – Кышкалык.

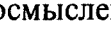
Комментарий к тексту

К строке 1. Прежнее чтение С.Е.Малова «*эшим марымыз шадым*» основывалось на "лишней" букве *м* (которой совершенно точно нет на памятнике) и присоединении буквы *з* ко второму слову, в результате чего фраза составлялась в виде трех обращений, правда с разными афф. принадлежности: 'мои товарищи, наши наставники, мой шад ...' (МЕПТ, с.14). Очень характерно последнее троеточие: С.Е.Малов чувствовал, по-видимому, незаконченность фразы. Он полагал, вероятно, возможность утраты последнего слова, как и еще в нескольких случаях, когда в надписях, по его мнению, не хватало глагольного завершения. В действительности, все знаки на памятнике зафиксированы верно, каких-либо стертостей, сколов текста здесь нет.

Выход из этого затруднительного положения нашел казахский ученый А.С.Аманжолов, который предложил читать второе слово как *(у)р(ы)м*, с пропущенным вопреки правилам орфографии начальным корневым *у*, а во втором слове видеть недостающий в предложении глагол – *(а)з(ы)шд(ы)м*. Перевод фразы у него принимал более закономерный вид, характерный для стилистики енисейских эпитафий: 'мои друзья, мои сыновья, я отбился'. Дальнейшие изменения, внесенные в перевод И.В.Кормушиным, связаны с пониманием первого и третьего слов. В соседстве со словом 'сын' больше подходит не 'товарищ', а 'супруга, жена' (у слова *эш* 'пара, напарник, товарищ' в ряде тюркских языков есть значения: 'один из супругов (*муж или жена*)', а также 'жена' (напр., в алт., гаг.), 'одна из жен мужа (*при многобрачии*)' (в тур. диалектах) (ЭСТЯ 1974, с.314). Вместо глагола *аз-ыш-* взаимн.-совм. от *аз-* 'сбиться с пути (*прям. и перен.*)' мы встречаемся здесь с взаимн.-совм. формой другого глагола – *азы-* 'переставать видеть и слышать', примененного несколько раз в значении "умереть".

К строке 2. С.Е.Малов читал второе слово как глагол *эчеңдим*, придавая ему значение 'я расстроился'; однако ни глагола *эчең-*, ни глагола *чең-* в тюркском корнеслове нет, поэтому данное слово остается пока без перевода.

К строкам 3-4. Слово *ақуз* в конце этих обеих строк лишь недавно было правильно прочитано и истолковано на основе киргизского (см.: Юдахин, Кирг.-Рус. словарь, с.564-565) *окус* 'случайность, нечаянность, неосторожность', 'несчастный случай, неожиданная смерть'; это же слово теперь читается еще в двух надписях (Кормушин 1997, с.257-260).

К строке 4. Начальные буквы этой строки не складываются в какое-либо осмысленное чтение (*ачда*

эгин -?; *ачыд эгин* -?), может быть, это какие-то нетюркские слова, как и в строке 2?

К строке 5. О чтении 8-го знака ⋈ как лигатуры (соединения букв в один знак), передающей звукокомплекс *ЛЫҚ*, говорилось выше, с.231-232. Собственное имя мемориантa надписи Е-2 можно читать по-разному: *Қысақлық* ~ *Қышақлық* ~ *Қысқалық* ~ *Қышқалық*.

Тема XII: **Основные черты грамматики языка орхоно-енисейских памятников.**

Краткое содержание темы: *Фонетические особенности языка орхоно-енисейских памятников с учетом проблемы их адекватного отражения в графике. Система вокализма, проблема долгих гласных и полуузкого е. Гармония гласных, проблема отражения губной гармонии. Система консонантизма, распределение глухих и звонких по позициям в слове; чередование начального b ~ m, сохранение конечного сонанта γ (как в современных тувинском и хакасском). Особый тип гармонии согласных.*

Морфологические особенности. Падежная система, показатели дательного и винительного падежей, отсутствие в системе исходного падежа. Степень употребительности категории числа. Аффиксы принадлежности. Показатели системы глагольных категорий: времен, причастий, деепричастий, глагольных имен, их семантические и функциональные особенности. Категории прилагательных и наречий. Словообразование частей речи. Служебные части речи.

Фонетика

По звуковому составу язык орхоно-енисейских надписей близок к общетюркскому праязыку. Это значит, что в нем нет тех многих явлений, которые в разной степени и в разном сочетании развились в тюркских языках в эпоху их раздельного послепраязыкового существования. Данное положение касается всех сторон звукового строя – вокализма (состава гласных), консонантизма (состава согласных) и морфонологии (совокупности ассимилятивных явлений внутри слова).

Гласные

Таблица гласных звуков

	Ряд			
Подъем	Передний		Задний	
	Неогубленные	Огубленные	Неогубленные	Огубленные
Верхний	и	ÿ / ү	ы	у
Средний	ę	ö / ө		о
Нижний	э (е)		а	

Краткие гласные. Вокализм орхоно-енисейского языка предстает в виде системы из 9 кратких гласных. Положение о существовании в языке надписей девятого гласного, нарушающего попарную симметрию передних и задних гласных (ср.: *и – ы, ӱ – у, э – а, ӧ – о,* но нет пары для гласного среднего ряда *ẹ* в колонке "задних неогубленных" – *?*), обосновал в свое время В.Томсен. Он привел два рода фактов.

1) В определенной группе слов корневой гласный неустойчив, он передается то через *и*, то через э (в руническом письме *и* всегда выписывается, а на э указывает пропуск гласного, согласно правилу, изложенному выше, с.26). Чередование *и* ~ э наблюдается в таких словах: 𐰴𐰍 *ил* / 𐰴 *эл* 'государство', -𐰋𐰴𐰍 *илт-* / -𐰋𐰴 *элт-* 'водить, носить', 𐰇𐰴𐰍 *илиг* / 𐰇𐰴 *элиг* '50', 𐰚𐰍𐰾 *биш* / 𐰚𐰾 *беш* '5', 𐰍𐰘𐰍 *ики* / 𐰍𐰘 *эки* '2', 𐰃𐰍 *иш* / 𐰃 *эш* 'товарищ', 𐰍𐰉𐰍 *ичи* / 𐰍𐰉 *эчи* 'старший брат' и некоторых других. Во всех прочих случаях (кроме данной группы слов), когда пишется однозначно и последовательно либо э (в одних словах), либо *и* (в других словах), мы действительно имеем дело с фонемами э или *и*. Однако в словах, обнаруживающих чередование э ~ *и*, перед нами, как предложил интерпретировать это В.Томсен, выступает иная фонема, не равная ни э, ни *и*, – закрытый, или полуширокий гласный *ẹ*.

2) Несколько позже В.Томсен, проанализировав употребление в енисейских надписях особого алфавитного знака 𐰞, которого нет в орхонском варианте руни-ческого алфавита, предположил, что руна 𐰞 использовалась специально для передачи этого закрытого *ẹ*.

К тому, чем оперировал В.Томсен, следует добавить третью группу фактов, а именно положение дел в вокализме живых диалектов. Большинство современных тюркских языков имеет либо восьмиричную, либо девятиричную систему кратких гласных (единично есть си-

стемы и с иным количеством гласных). Симметричная восьмичленная система кратких гласных зафиксирована в тувинском, шорском, сарыг-югурском, якутском, алтайском, киргизском, балкарском, кумыкском, крымско-татарском, карачаево-балкарском, караимском, саларском, турецком; асимметричная девятичленная – в хакасском, татарском, башкирском, казахском, каракалпакском, ногайском, туркменском, азербайджанском, гагаузском.

Долгие гласные. В орхоно-енисейской графике нет специальных знаков и нет специальных орфографических приемов для передачи долгих гласных. В истории тюркских языков различают «первичные» и «вторичные» долгие гласные. «Первичные» – это такие долгие гласные, существование которых рядом тюркологов приписывается тюркскому праязыку. Реконструкция (прием восстановления былой картины по остаточным современным данным) «первичных» долгих в тюркском праязыке основана на "совместных" показаниях ряда живых языков – прежде всего, якутского, туркменского, халаджского, – но очень отрывочно, по отдельным словам сохраняются данные, в том числе косвенные, и в некоторых других диалектах. Все эти частично сохранившиеся свидетельства заключаются в том, что в определенных словах указанных языков и диалектов находятся долгие гласные (монофтонги, дифтонги или полифтонги), которые нельзя объяснить так же, как объясняется происхождение «вторичных» долгих (об этом чуть ниже). Например:

туркм. *ām*, якут. *ām*, халадж. *ām* 'имя';

туркм. *ōt*, якут. *уот*, халадж. *ў°т* 'огонь';

туркм. *қы̄з*, туркм. диал. *гы̄з*, якут. *қы̄с*, халадж. *қы̄'з* 'девушка';

туркм. *ōл*, якут. *үөл*, халадж. *hӣ'л* 'сырой, влажный'.

«Первичные» долгие гласные, существовавшие в пратюркском языке (а возможно, лишь в какой-то его

диалектной зоне), отличаются (по происхождению, но не по качеству самих звуков, если только речь не идет о дифтонгах) от так называемых «вторичных долгих» гласных, образовавшихся в ряде тюркских языков – хакасском, шорском, чулымском, тувинском, тофаларском, якутском, алтайском, киргизском, – в более поздний период их самостоятельного существования. Сложение такого типа гласных в этих языках происходило благодаря падению интервокальных сонантов, главным образом ғ, и последующему слиянию двух соседних гласных в один долгий звук:

общетюрк. *ағыр* 'тяжелый' > *аар* > *а̄р* (хак., тув., гаг.), *ыар* (якут.), *ӯр* (алт.); но ср. с этим судьбу данного слова в других языках, в которых сонант сохранился и вторичная долгота поэтому не возникла: *ағыр* (туркм., азерб., крым.-тат., караим.), *оғир* (узб.), *эғир* (уйг.), *авыр* (казах., ног., кара-калп., тат., башк.);

общетюрк. *оғул* 'сын' > *оол* > *о̄л* (хак., тув, гаг.), *уол* (якут.), *ӯл* (алт., кирг.), – но: *оғул* (туркм., азерб., уйг.), *овул* ~ *увул* (караим.), *увыл* (ног.);

общетюрк. *синӈӧк* ~ *сӧӈӧк* 'кость' > *сӧӧк* > *сӧ̄к* (хак., тув, тоф., алт., кирг.), – но: *уӈуох* (якут.), *сүмүк* (азерб.), *сүйек* (кумык., ног., балк. и др. языки кыпчакской группы.

В орхоно-енисейских памятниках все такого типа слова имеют написание с сонантом: 𐰃𐰍 : *(а)ғ(ы)р* 'тяжелый', 𐰋𐰍 : *оғ(у)л* 'сын', 𐰴𐰍𐰇 : *сӧӈӱк* 'кость'. Следовательно, процесс образования «вторичных» долгих в тот период (8-10 вв.) еще не начался.

Согласные

Таблица согласных звуков

По способу образования			По месту образования			
			Губно-губные	Передне-язычные	Средне-язычные	Задне-язычные
Шумные	Смычные	Звонкие	*б*	*д*		*г / ғ*
		Глухие	*п*	*т*		*к / қ*
	Щелевые	Звонкие		*з*	*й*	
		Глухие		*с, ш*	*ч*	
Сонорные	Носовые		*м*	*н*	*н́*	*ң*
	Неносовые			*л*		
				р		

В области консонантизма язык орхоно-енисейских надписей характеризуется целым рядом древних особенностей.

Срединный *д*. Не только языку орхоно-енисейских надписей, но и в целом древнетюркскому языку во всех его локально-хронологических вариантах (см. выше тему I), свойственно наличие в середине определенного ряда слов согласного *-д-*, в то время как другие древние и современные тюркские языки в этих же словах последовательно имеют другие согласные: *-д-*, *-з-*, *-т-*, *-й-*, *-р-*. Например, у слова со значением ‘нога’ (а также ‘низ, нижняя часть *чего-л.*’) существовали и существуют такие формы:

адақ (орх., ен., др.-уйг., тув., тоф.), *һадақ* (халадж.), *адақ* (карах.-уйг.), *атах* (як., долг.), *азах* (хак., сарыг-югурск.), *ура* (чуваш.), *айақ* (туркм. и др. языки огузской, кыпчакской и карлукской групп) (см. также выше, с.73).

В число слов, имеющих в орхоно-енисейских памятниках инлаутный (находящийся в середине слова) согласный *-д-* (которому в средневековых и современных языках соответствуют *-й-* ~ *-з-* ~ *-р-* и др.), входят такие

лексемы: *адыр-*, *адырыл-* ‘отделять’, ‘отделяться, разлучаться’; *адғыр* ‘жеребец’; *бедӱ-*, *бедӱк* ‘расти’, ‘высокий’; *эди* ~ *иди* ‘совсем (не)’; *эдгӱ* ‘хороший; добро’; *иди* ‘хозяин’; *йадағ* ‘пешком’; *кед-*, *кедим* ‘одеваться’, ‘одежда’; *кидиз* ‘войлок’; *кидин* ‘позади, после’; *кӱдегӱ* ‘зять’; *қадын* ‘тесть’; *қадыр* ‘суровый’; *қод-* ‘класть’; *құдруқ* ‘хвост’; *одғур-* ‘будить’; *өд* ‘время’; *тод-* ‘насыщаться’; *уд-*, *удуз-* ‘следовать (*за кем-л.*)’, ‘заставлять следовать (*за собой*), предводительствовать’; *уду-* ‘спать’ и нек. др.

Начальный *й-*. В отличие от целого ряда современных языков, в которых пратюркский *й-* переходил в различного рода другие согласные, язык орхоно-енисейских надписей сохранял его (как сохраняют его языки огузской, карлукской групп и некоторые кыпчакские диалекты). Например:

орх.-ен. *йоқ* ‘нет, не имеется’; ср.: тув. *чок*, хак. *чох*, як. *суох*, алт. *д'ок*, кирг., карач.-балк. *джок*; казах., каракалп. *жок*, но: тур., гаг., уйг., узб. и др. *йок~йоқ*, азерб. *йох*, тат., башк. *йук* и т.д.

орх.-ен. *йат-* ‘лежать, ложиться’; ср.: хак. *чат-*, тув. *чыт-*, як. *сыт-*, алт. *д'ат-*, кирг., карач.-балк. *джат-*; казах., каракалп. *жат-*, но: тур., гаг., азерб., туркм., уйг., кум., ног., караим., тат., башк. и др. *йат-*, узб. *йот-* и т.д.

Заднеязычный носовой *ң*. Как самостоятельная фонема согласный *ң* есть в языке орхонских и енисейских памятников, сохраняется он в большинстве современных языков – хакасском, тувинском, якутском, алтайском, киргизском, казахском, каракалпакском, ногайском, кумыкском, карачаево-балкарском, крымско-татарском, татарском, башкирском, туркменском, саларском, халаджском. Этот звук отсутствует в западноогузских языках – турецком (за исключением ряда восточных диалектов, гагаузском и азербайджанском, – а также в чувашском, что составляет их заметную особенность, возник-

шую, судя по всем данным, в более новое время. Во всяком случае, слова, в которых в западноогузских языках впоследствии совершится переход *ң* > *н*, в языке орхоно-енисейских памятников выступают еще с *ң*: *теңри* 'бог; небо', *биң* '1000', *öң-* 'передняя часть (*чего-л.*)', *тыңла-* 'слушать', *таң* 'заря', *баңа* 'мне (*дат. пад.*)' (ср. соответственно тур. *tanrı, bin, ön-, dinle-, tan, bana*).

Сингармонизм

Совокупность ассимилятивных изменений аффиксальных частей слова с целью уподобления гласных и согласных служебных морфем гласным и согласным корня называется сингармонизмом. Сингармонизм в тюркских языках состоит из гармонии гласных и гармонии согласных.

Гармония гласных. В тюркских языках уподобление гласных аффиксов гласным корня, называемое гармонией гласных, осуществляется по двум параметрам: а) по ряду, б) по огубленности. Гармония по ряду (палатально-велярная гармония) заключается в том, что к основам слов, в составе которых твердорядные, или велярные гласные (*а, ы, о, у*), присоединяются варианты аффиксов тоже с твердыми гласными, а к основам слов с мягкорядными, или палатальными гласными (*э/е, и, ö, ÿ*) присоединяются варианты аффиксов с аналогичными, мягкими гласными. Например, варианты форм местного падежа: хак. *пағ-да*, тув. *баг-да* 'на привязи' – хак. *піг-де* 'у начальника', тув. *бег-де* 'у бека; у свёкра'. Если в графиках на русской или латинской основе смена гласного в аффиксе с *а* на *е* (а также с *ы* на *и* и т.д.) наглядна (по различию букв для звуков *а* и *е*), то в орхоно-енисейской графике из-за единственности знака 𐰀 для звуков *а* и *е/э* (а также знака 𐰃 для *ы* и *и/і*, см. выше, с. 25-26) о палатально-

велярной гармонии гласных мы судим опосредованно, по выписыванию варианта согласного, сопровождающего твердорядные или мягкорядные гласные: 𐰚𐰃𐰠𐰆 : *б*^{1}*(а)гд*^{1}*а* ‘в уделе’, 𐰚𐰇𐰴𐰃 : *б*^{2}*(е)гд*^{2}*е* ‘у князя’ (здесь о звуке *а* или *е* в слове мы судим по вариантам для согласных: *б*^{1} или *б*^{2}, *г* или *г*, *д*^{1} или *д*^{2}).

То, что гармония гласных по ряду в языке орхоно-енисейских памятников действительно осуществлялась, мы судим не только на основании двурядности согласных, но и непосредственно по гласным. Такое возможно только в случае огубленных гласных, не различающихся в руническом письме по подъему, но различающихся по ряду (в одном знаке 𐰾 – *о* или *у*, в 𐰺 – *ӧ* или *ӱ*), и только в случае, когда эти огубленные гласные иногда, против обычных правил выписываются, ср. например, основы двух глаголов: 𐰖𐰾𐰖𐰾 : *олур-* ‘сидеть’ и 𐰴𐰺𐰴𐰺 : *ӧлӱр-* ‘убивать’.

Гармония гласных по огубленности (губная гармония, губное притяжение) в тюркских языках бывает последовательной и ограниченной. Так, в якутском и киргизском языках аффиксы имеют наибольшее число возможных вариантов по гласному (без учета вариантов по согласному) – по четыре варианта для широких и для узких гласных, например: в якутском – афф. множ. ч. *-лар/-лер/-лор/-лөр*, афф. частного пад. (< др.-тюрк. местн. пад.) *-да/-де/-до/-дө*, афф. винит. пад. *-ы/-и/-у/-ү*, афф. прош. времени *-ды/-ди/-ду/-дү*. В алтайском языке, ближайше родственном киргизскому, аффиксы на широкий гласный также имеют по четыре варианта – афф. множ. ч. *-лар/-лер/-лор/-лөр*, афф. местн. пад. *-да/-де/-до/-дө*, тогда как аффиксы на узкий гласный имеют лишь по два варианта – афф. винит. пад. *-ны/-ни*, афф. прош. времени *-ды/-ди*. В турецком, тувинском и многих других тюркских языках аффиксы с узкими гласными не имеют ограничений, существуя в четырех вариантах: винит. пад. на

-ı/-i/-u/-ü (тур.), и *-ны/-ни/-ну/-нү* (тув.), прош. время на *-dı/-di/-du/-dü* (тур. и тув.), тогда как аффиксы с широким гласным ограничены двумя вариантами (нет вариантов с *o, ö*): множ. ч. на *-lar/-ler*, местн. пад. на *-da/-de*. В хакасском языке аффиксы и с широкими, и с узкими гласными ограничиваются двумя вариантами: афф. множ. ч. *-лар/-лер*, афф. местн. пад. *-да/-де*, афф. винит. пад. *-ны/-ні*, афф. прош. времени на *-ды/-ді*. Из приведенных фактов можно заключить, что небная гармония гласных в хакасском языке существует, а губная гармония отсутствует. Другой вопрос – сохраняет ли хакасский язык в этом отношении первоначальное состояние полной неразвитости губной гармонии, либо это результат более поздней ее утраты?

В языке орхоно-енисейских пямятников гармония гласных по огубленности получила ограниченное развитие, занимая приблизительно промежуточное положение между турецким и хакасским языками. Конечно, общий принцип невыписывания гласных в непервых закрытых слогах в руническом письме не дает возможности достаточно полно судить о характере гласного в аффиксах. Выводы мы делаем на основе немногочисленных исключений, когда гласный в подобных случаях против правил выписывался, например: 𐰆𐰍𐰴 : *(о)қун* ‘стрелой (*творит. пад.*)’ (КТ$_{33}$), 𐰴𐰆𐰃𐰍𐰴 : *қунч(у)йуғ* ‘супругу (*вин. пад.*)’ (КТ$_{20}$), 𐰴𐰆𐰴𐰖𐰍 : *қ(а)рлуқуғ* ‘карлуков (*вин. пад.*)’ (КТ$_{42}$), 𐰍𐰘𐰍𐰍 : *сөңүкүң* ‘твои кости’ (*принадл. 2 л. ед.ч.*) (КТ$_{24}$). Обычно же указанные служебные морфемы, в том числе в приведенных словах пишутся без сопровождающего аффикс гласного: 𐰆𐰴, 𐰴𐰃𐰍𐰴, 𐰍𐰘𐰍𐰍 и т.п.

Если приведенные примеры свидетельствуют о том, что в языке памятников гармония по огубленности имела место, то некоторые другие написания говорят о ее неустойчивом характере, ср. в одном и том же тексте:

𐰴𐰺𐰼𐰜𐰺𐰼 : *төрӱсӱн* (КТ$_{13}$) и 𐰴𐰺𐰼𐰜𐰺𐰼 : *төрӱсин* (КТ$_{30}$) ‘его/их законы (*винит. пад.*)’.

Некоторые грамматические аффиксы вообще имели только губную огласовку и не имели негубной. К таковым относятся показатели побудительного залога, настояще-будущего времени, глагольного имени на *-дук*, деепричастия на *-у/-ӱ*, императива 3-го л.ед.ч. *-сун/-зун*: 𐰼𐰃𐰜𐰜𐰚𐰍 : *келӱрти* ‘(он) привел’ (КТ$_{52}$); 𐰍𐰖𐰍𐰖 (КТ$_3$), 𐰍𐰍𐰖𐰍𐰖 (Тон$_7$), : *ол(у)рур / олур(у)р* ‘(он) сядет, станет жить’; 𐰜𐰺𐰜𐰼𐰴 : *бирӱр* ‘(он) даст’ (КТ$_{30}$); 𐰍𐰖𐰇𐰍𐰃 : *қ(а)рғ(а)нур* ‘(они) клянут себя’ (Е-25$_6$); 𐰴𐰼𐰉𐰋𐰃 : *тегдӱкин* ‘то, как он вступал в бой (*вин. пад.*)’ (КТ$_{34}$); 𐰴𐰼𐰃𐰃𐰜𐰼𐰇𐰼𐰍 : *киңшӱртӱкин* ‘(из-за того, что) они ссорили (вин. пад.)’ (КТ$_6$), 𐰖𐰍𐰴𐰍 : *артзун* ‘пусть увеличивается’ (Е-48$_{12}$). Указанного типа грамматические показатели, не имея неогубленных вариантов, тем самым нейтрализовывали противопоставление гласных в аффиксах по признаку неогубленности/огубленности и препятствовали более последовательному проведению губной гармонии гласных.

Еще одной позицией нейтрализации губного притяжения в языке памятников является открытый слог в конце слова. По правилам рунического письма в этой позиции гласный любого качества обязательно выписывался. И вот здесь мы находим только неогубленные гласные (*a/e, ы/и*): 𐰴𐰃𐰜𐰼𐰍 : *кӧлте* ‘на озере’ (КТ$_{34}$), 𐰴𐰾𐰖𐰍 (КТ$_{52}$), 𐰴𐰖𐰾𐰖𐰍 (Е-5$_2$) : *бодунта, бодунда* ‘от/у народа’, 𐰇𐰇𐰼 : *кӱси* ‘его слава’ (КТ$_{25}$), 𐰇𐰇𐰼𐰍𐰴 : *беңкӱси* ‘его памятник’ (Е-27$_8$), 𐰃𐰃𐰇𐰍 : *боғзы* ‘его горло’ (Тон$_8$), 𐰃𐰴𐰍𐰓 : *қонты* ‘(он) расселился’ (БК$_{40}$), 𐰃𐰇𐰍 : *болты* ‘(он) стал, был’ (КТ, Тон), 𐰃𐰃𐰼 : *өлти* ‘(он) умер’ (КТ$_{25}$).

Описанное выше положение с позиционно и морфологически ограниченными проявлениями губной гармонии гласных характерно для подавляющего большинства орхонских и енисейских памятников. Однако,

среди енисейских памятников есть небольшая группа надписей, в которых и в целом гласные выписываются чаще обычного, ср.: 𐰴𐰍𐰺𐰓 : *қ(а)ңсыз* ‘без отца’ (Е-6$_1$, 45$_2$), 𐰚𐰍𐰴𐰍𐰃 : *й(а)бызың* ‘плохих (*вин. пад.*)’ (Е-45$_{10}$), – и, что особенно бросается в глаза, огубленные гласные последовательно проставлены и в корневых, и в аффиксальных частях слов: 𐰴𐰺𐱅𐰾𐱃: *буңусуз* ‘без печали’ (Е-6$_3$,7$_2$), 𐰾𐱅𐰃: *буңум* ‘моя печаль’ (Е-46$_4$), 𐰋𐰺𐰍𐰏: *күлүг* ‘знаменитый’ (Е-6$_2$, 7$_1$), 𐰴𐰺𐰋𐰍 : *өгсүз* ‘без матери’ (45$_2$), 𐰇𐱅𐰇𐰃 : *болуп* ‘став’ (45$_3$), 𐰾𐱅𐰀𐱅𐰇𐰃 : *болтум* ‘я стал’ (45$_3$), 𐰾𐱅𐰀𐱅𐰀 : *тут[т]ум* ‘я держал’ (45$_4$), 𐰾𐱅𐰃𐱅𐰺 : *субум* ‘мои воды’ (45$_6$), 𐰾𐱅𐰆𐱅𐰚𐱅𐰋 : *қунчуйум* ‘моя супруга’ (45$_6$), 𐰾𐱅𐰆𐱅𐰚𐱅𐰋 : *қунч(у)йум* ‘моя супруга’ (46$_1$), 𐰾𐰍𐰍𐰺𐰍 : *өрүңүм* ‘мое светлое’ (45$_7$), 𐰃𐱅𐰾𐱅𐰃 : *бодун* ‘народ’ (45$_4$), 𐰾𐱅𐰃𐱅𐰾𐱅𐰃 : *бодунум* ‘мой народ’ (45$_9$), 𐰋𐰍𐰽𐰾𐰏 : *күм(ү)лүг* ‘Кюмюлей (*название народа;вин. пад.*)’ (45$_9$), 𐰋𐰍𐰽𐰺𐰾𐰾𐰏 : *күмүл(ү)мин* ‘моих Кюмюлей (*вин. пад.*)’ (45$_{10}$).

Складывается впечатление, что более последовательным отражением губной гармонии создатели данной группы текстов стремились подчеркнуть их произносительные отличия от обычных текстов. Возможно, что эти отличия связаны с диалектами киргизско-алтайского типа, так не похожими в отношении губной гармонии на остальные тюркские диалекты. Если данное предположение верно, то можно прийти к выводу, что гармония гласных по огубленности в древних диалектах, предках современных северных диалектов киргизского и южных диалектов алтайского языков, уже к IX-X вв. получила достаточно полное развитие.

Гармония согласных. К гармонии согласных в тюркологии относят широкий круг ассимилятивно-диссимилятивных процессов, происходящих в тюркских языках с согласными звуками при их взаимодействии между собой и с гласными на стыках морфем. Направ-

ленность такого взаимодействия может быть прямо противоположной: от основы к аффиксу, когда конечный звук основы неизменен, а аффикс изменяется в том или ином отношении (прогрессивная ассимиляция или диссимиляция согласных); от аффикса к корню, когда, напротив, начальный согласный аффикса становится причиной изменений конечного звука основы (регрессивная ассимиляция или диссимиляция согласных). В разных тюркских языках объем и направленность ассимилятивно-диссимилятивных процессов неодинаковы. В турецком языке, например, гармония согласных ограничивается прогрессивной ассимиляцией по глухости/звонкости (тип а), при этом после сонантов следуют звонкие: *atta* 'на коне', *dağda* 'на горе', *karda* 'на/в снегу', *beyde* 'у бека', *bildi* '(он) знал', *söktü* '(он) распорол', *açtı* '(он) открыл'.

В тувинском языке наряду с ассимиляцией по глухости/звонкости (тип а) существуют также еще некоторые виды ассимиляций и диссимиляций:

б) прогрессивная ассимиляция по назальности – после основ на носовые *м*, *н*, *ң*, в аффиксах, начинающихся латеральным *л* (афф. множ. числа *-лар/-лер*, афф. относит. прилагательных *-лыг/ -лиг/-луг/-лүг*, афф. глаголообразования *-ла/-ле*), аффиксальный начальный латеральный согласный *л* уподобляется (ассимилируется) переднеязычному носовому основы, т.е. *-л* > *-н*: *номнар* 'книги', *келгеннер* '(они) пришли', *номнуг* 'книжный, с книгой', *амданныг* 'вкусный', *аңна-* 'охотиться';

в) прогрессивная ассимиляция-делатерализация – после основ на глухие согласные *т, с, ш, к*, в аффиксах, начинающихся латеральным *л* (см. выше) аффиксальный начальный согласный *л* уподобляется, переходя в переднеязычный смычный нелатеральный, т.е. *-л* > *-т*: *аъттар* 'кони', *кастар* 'гуси', *даштыг* 'каменистый', *актыг*

'невинный', *оътта-* 'пастись (*на траве*)', *балыкта-* 'рыбачить';

г) прогрессивная диссимиляция-делатерализация – после основ на латеральный *л*, в аффиксах, начинающихся латеральным *л* (см. выше) аффиксальный начальный согласный *л* расподобляется (диссимилируется), переходя в переднеязычный смычный нелатеральный, т.е. *-л* > *-д*: *хөлдер* 'озера', *хылдыг* 'щетинистый', *оолда-* 'приносить детенышей (*о животных*)';

д) прогрессивная ассимиляция-деназализация-1 – после основ на латеральный *л* в аффиксах, начинающихся носовым *н* (афф. род. падежа *-ның/-ниң/-нуң/ -нүң*, афф. винит. падежа *-ны/-ни/-ну/-нү*), аффиксальный начальный носовой *н* уподобляется, переходя в переднеязычный смычный неносовой, т.е. *-н* > *-д*: *хөлдүң* 'озера (*родит. пад.*)', *хөлдү* 'озеро (*винит. пад.*)';

е) прогрессивная ассимиляция-деназализация-2 – после основ на глухие согласные *т, с, ш, к*, в аффиксах, начинающихся носовым *н* (афф. род. и винит. падежей, см. выше), аффиксальный начальный носовой *н* уподобляется, переходя в переднеязычный смычный неносовой, т.е. *-н* > *-т*: *аъттың* 'лошади (*родит. пад.*)', *аътты* 'лошадь (*винит. пад.*)', *күштүң* 'силы (*родит. пад.*)', *күштү* 'силу (*винит. пад.*)'.

В хакасском языке осуществляется большинство из указанных процессов – а), б), в), е), и не наблюдаются процессы г), д). В то же время имеет место некоторое несовпадение в объеме одних и тех же процессов. Так, например, в тувинском языке аффиксы местного и исходного падежей имеют по два варианта по согласному – *-да/-та* и *-дан/-тан*, – то есть уподобляются основе только по глухости/звонкости (тип а); в хакасском языке местный падеж ведет себя аналогично тувинскому (имея *-да/-та*),

тогда как исходный падеж подчиняется еще ассимиляции по назальности (тип б), имея варианты *-дан/-тан/-наң.*

В других современных тюркских языках гармония согласных имеет свои особенности проявления и по направленности (например, регрессивные влияния согласных аффикса на согласный основы развиты в якутском языке), и по составу ассимилятивно-диссимилятивных процессов, и по охвату ими различных грамматических показателей.

В языке орхоно-енисейских памятников мы тоже наблюдаем различные проявления ассимилятивно-диссимилятивных процессов в области согласных, причем некоторые из них совершенно не похожи на описанные выше типы для живых диалектов.

Прежде всего, вместо доминирующей в различных современных языках прогрессивной ассимиляции по глухости/звонкости (тип а), в орхонских памятниках абсолютно преобладала прогрессивная диссимиляция по глухости/звонкости (тип ж), т.е. после основ на звонкие согласные, к которым относились также сонанты *л, н, р, з,* следовали аффиксы с глухим началом (ж[1]), а после основ на глухие согласные *т, к, с, ш, ч,* следовали аффиксы со звонким началом (ж[2]):

(ж[1]) 𐰴𐰣𐰺𐰍 : *болты* ‘(он) стал, был’// *булты* ‘(он) нашел, обрел’, 𐰚𐰆𐰺𐰃 : *йолта* ‘в дороге’, 𐰚𐰍𐰣𐰺𐰃 : *йоғынта* ‘на (его) поминках’, 𐰴𐰆𐰺𐰇 : *қонты* ‘ (он) расселил’, 𐰇𐰼𐰑𐰣𐰆 : *биртимиз* ‘(мы) дали’, 𐰴𐰇𐰣𐰾 : *көрти* ‘(он) увидел’, 𐰼𐰆𐰇𐰼 : *удыстым* ‘я повел (войска)’;

(ж[2]) 𐰴𐰽𐰆𐰺𐰆 : *тутды* ‘(он) схватил’, 𐰚𐰽𐰆𐰣𐰺𐰃 : *йуртда* ‘на месте жительства, на становище’, 𐰴𐰋𐰇 : *итди* ‘(он) упорядочил’, 𐰴𐰽𐰆𐰯𐰼𐰇 : *қамаштды* ‘(народ) натрудил (ноги)’, 𐰚𐰽𐰣𐰺𐰍 : *балыкда* ‘в городе’, 𐰴𐰋𐰾𐰇 : *ичикди* ‘(он) подчинился’, 𐰴𐰽𐰾𐰍 : *басды* ‘(он) напал’, 𐰇𐰼𐰯𐰾𐰾𐰖 : *сұңушдимиз*

‘(мы) сразились’, 𐰃𐰇𐰴𐰆 : *йашда* ‘в возрасте’, 𐰆𐰇𐰃𐰍 : *бычды* ‘(они) порезали’, 𐰆𐰇𐰃𐰍 : *санчды* ‘(он) пронзил (*копьем*)’.

Однако есть целая группа индивидуальных и типовых исключений из правила диссимиляции по глухости /звонкости, соответствующих прямо противоположному правилу ассимиляции по глухости/звонкости (тип а). В орхонских памятниках в число индивидуальных исключений входит глагол *бар-* ‘идти, уходить’ который в прошедшем времени на *-ды/-ты* и в форме имени действия на *-дуқ /-туқ* присоединяет варианты этих аффиксов со звонким началом: *бардығ* ‘(ты) ушел’, *бардығыз* ‘(вы) ушли’, *барды* ‘(он) ушел’, *бардуқ* ‘(там, где он) ходил’, – ср. с этим формы фонетически аналогичного глагола *бер-/бир-* ‘давать’: *биртим /бертим, биртимиз, биртӱк.*

В число типовых исключений входят слова, основы которых оканчиваются на звонкие *г*, *з* и редко *б*, ср.: *тағда* ‘у горы’, *тегдӱкде* ‘в (том) сражении’, *қатығды* ‘крепко’, *көзде* ‘из глаз’, *буздым* ‘(я) разбил’, *озды* ‘(он) спасся’, *оғланыңызда* ‘у/от ваших сыновей’, *эбдэ* ‘в доме, дома’.

Целый ряд аффиксов не поддается какому бы то ни было распределению – ни диссимилятивному, ни ассимилятивному, – поскольку такие аффиксы встречаются в вариантах либо (1) только со звонким началом, либо (2) только с глухим:

(1) направит. пад. на *-ғару /-герӱ*, причастия на *-ғма/-гме*, *-ғулуқ/-гӱлӱк*, *-ғучы/-гӱчи*, деепричастие на *-ғалы, /-гели*, побудительный залог на *-ғур/-гӱр*, повелит. накл. 2 л. ед.ч. на *-ғыл/-гил* и нек. др.

(2) дательный пад. на *-қа /-ке*, условная форма на *-сар/ -сер*, причастие на *-сық /-сик*, отименное имя деятеля на *-чы/-чи* и нек. др.

Иногда наблюдаются колебания в аффиксации между диссимиляцией и ассимиляцией по глу-

хости/звонкости в одной и той же основе, например: *йерте* (БК$_{71}$) / *йерде* (БК$_{20}$). В тексте Кюль-тегина встречаются только формы *йерте*, тогда как в памятнике Бильге-кагана преобладают формы *йерде*, а в енисейских надписях отмечены только формы *йерде, йердеки*. Тенденцию смены диссимилятивной аффиксации на ассимилятивную демонстрируют случаи написания одного согласного *т* вместо сочетания *дт* на стыке основы на *-д* с афф. прош. вр. на *-ты/-ды*; такой *т* следует воспринимать как упрощение геминаты *тт*: *ыты* [= *ытты* < **ыдты*], *қоты* [= *қотты* < **қодты*], *игити* [= *игитти* < **игидти*].

Морфология

Тексты орхоно-енисейских памятников демонстрируют достаточно развитую морфологию применяемого в них языка. Это в большей степени относится к средствам словоизменения и в меньшей – к средствам словообразования. Последнее – вероятнее всего, в силу ограниченности состава лексем в этих текстах. Как и в современных языках, выделяются слова знаменательные и служебные. Знаменательные слова объединяются в семантико-грамматические классы – части речи, с характерным для каждой из них набором морфологических категорий. Имя существительное обладает словоизменительными категориями числа, притяжательности и падежа. Глаголу свойственны словоизменительные категории наклонения, времени, лица, а также категории формообразования – залога, переходности / непереходности, отрицания, возможности /невозможности совершения действия, способа действия. Кроме того, глагол обладает функциональными формами, позволяющими расширять диапазон его синтаксических функций. Эти формы известны под названием причастий, деепричастий и имен действия (масдаров).

Имя и глагол занимают центральное место в грамматической системе языка орхоно-енисейских памятников. Другие части речи – прилагательное и наречие не имеют частных грамматических категорий, по которым их можно было бы отграничить друг от друга. Кроме того, целый ряд прилагательных используется приглагольно в качестве наречий (как и в современных языках), поэтому синтаксическая функция – употребление соответственно при существительном или глаголе – является единственным способом их распознавания.

Настоящий, по необходимости краткий, очерк морфологии языка, отраженного в орхоно-енисейских надписях, посвящен словоизменительным категориям имени и глагола, которые составляют наибольшую специфику этих текстов в сравнении с современными тюркскими языками.

Имя существительное

Словоизменительные категории существительного – число, принадлежность, падеж. Они применяются также и с другими частями речи в случае субстантивации последних. Это касается глагольных имен действия и субстантивированных прилагательных.

Категория числа

Как и во всех древних и современных тюркских языках, за исключением чувашского, морфологическая категория числа выражается с помощью продуктивного афф. *-лар/-лер*. Однако в памятниках афф. *-лар/-лер* употребляется почти исключительно с именами одушевленных объектов – терминами родства и свойства: *ӧглерим, экелерим, ... кунчуйларым* ‘мои (сводные) матери, мои старшие сестры (~ тетки), ... мои супруги’ (КТ$_{49}$), *эр кӱде-*

гӱлерим қыз келинлерим ‘мои зятья-мужи, мои невестки молодые’ (Е 3_6).

Отмеченное употребление форм с афф. *-лар/-лер* указывает на то, что в них передавали значение раздельности, членимой множественности, с оттенком некоторой неодинаковости входящих в это множество объектов, поскольку речь шла о близких людях. Значение множественности однородных предметов, прежде всего вещей, но также и одушевленных лиц, например, родственников, воинов, рабов и т.п., выражалось формами единственного числа; эта же форма применялась и при наличии числительного, ср.: *қадашым* ‘мои сородичи’ (Е-44_4) – *йӱз эр қадашым* ‘сто мужей моих сородичей’ (Е-42_8); *беш йегирми йашда* ‘в возрасте пятнадцати лет’ (Е-11_1).

Всего в нескольких словах, встречающихся в древних текстах, выделяются следующие непродуктивные показатели:

афф. собирательности *-ан/-ен*: *эрен* ‘мужи-воины’ – состоит из *эр* ‘муж’ плюс афф. *-ан*; *оғлан* ‘сыновья’ (< **оғ(у)л* ‘сын’ + *-ан*);

афф. множественности *-т*: *тарқат* ‘тарханы’ (< **тарқа-н* ‘тархан’ + *-т*), *тегит* ‘принцы’ (< **теги-н* ‘принц’ + *-т*), *оғлыт* ‘сыновья’ (< **оғ(у)л* ‘сын’ + *-ыт*);

афф. множественности *-ғут*: *алпағут* ‘богатыри’ (< **алп* ‘богатырь’ + *-ғут*).

Показатели *-ан*, *-т*, *-ғут*, по мнению некоторых тюркологов, не являются тюркскими по происхождению, а заимствованы из иранских и/или монгольских языков вместе с соответствующими словоформами.

Категория принадлежности

Морфологическая категория принадлежности отображает грамматическое лицо субъекта обладания

предметом, названным в форме притяжательного имени. Притяжательная парадигма имени структурно аналогична системе личных местоимений и категории лица глагола, т.е. здесь различаются три лица – 1-е, 2-е и 3-е и два числа – единственное и множественное. В языке орхоно-енисейских памятников данная категория выражалась с помощью следующих показателей:

Показатели принадлежности

	Ед.число	Множ. число
1 лицо	*-ым/-им/-м*	*-ымыз/-имиз* *-мыз/-миз*
2 лицо	*-ыӷ/-иг/-ғ/-г,* *-ың/-иң/-ң*	*-ыңыз/-иңиз* *-ңыз/-ңиз*
3 лицо	*-сы/-си*, (редко) *-зы/-зи,* *-ы/-и*	

К древним особенностям данной системы показателей относятся: 1) отсутствие противопоставления по числу в 3-м лице, иногда сохраняемое и некоторыми современными диалектами; 2) афф. 2-го л. ед.ч. *-ғ/-г*, который во всех современных языках и диалектах имеет показатели *-ң* или *-н*.

Примеры: *эл-им қан-ым* ‘мое государство, мой хан’ (Е-42$_7$); *не-ң буң-уғ йоқ* ‘у тебя нет тягот’ (КТ$_{52}$); *эдгӱ-г* ‘твое добро’ (КТ$_{24}$); *сӱ-мӱз* ‘наше войско’ (Тон$_{14}$); *умай бег-имиз* ‘госпожа наша Умай’ (Е-28$_3$); *қан-ыңыз ... қадашлар-ыңыз* ‘ваш хан ... ваши товарищи’ (Е-25$_6$); *аты-сы* ‘его племянник’ (КТ$_{68}$); *теңри элимке элчиси эртим* ‘для моего божественного государства я был его посланником’ (Е-1$_2$); *тоғдай турҡа-зы* ‘журавли Тогудая’ (Е-48$_{13}$).

Категория падежа

В формах падежа выражаются субъектно-объектные и обстоятельственные отношения имени с другими словами. Иногда обстоятельственные значения получают пространственные, причинные, целевые и иные уточнения в сочетаниях имени с послелогами. В разных тюркских языках падежная парадигма варьирует по составу и количеству обстоятельственных падежей, причем наблюдается тенденция сокращения общего числа падежных форм за счет утраты звательного, направительного, орудно-совместного (инструментального) и продольно-уподобительного (экват ивного) падежей. Эти падежи в языке орхоно-енисейских памятников уже имели незначительное по частотности употребление. Другой древней особенностью орхоно-енисейской падежной системы являлось наличие разных показателей винительного падежа, выбор которых зависел от того, присоединялся падеж к непритяжательной основе имени, притяжательной основе имени или к местоимению. В русле различий притяжательного или непритяжательного склонения находится также и так называемое местоименное *н* в ряде притяжательных падежных форм – дательного и местно-исходного.

Показатели падежей

падеж	беспритяжательная форма	притяжательная форма
1. Основной	*-Ø*	
2. Звательный	*-а/-е*	
3. Родительный	*-ың/-иң* *-ның/-ниң*	*-ын*
4. Винительный	*-ығ/-иг* *-ны/-ни* *-Ø*	*-ын/-ин, -н*
5. Дательный	*-қа/-ке, -ға/-ге*	*-ңа/-ңе*

6.Местно-исходный	*-да/-де* *-та/-те*	*-нта/-нте* *-нда/-нде*
7. Направительный	*-ғару/-герӱ*	*-ңару/-ңерӱ*
8. Орудно-совместный	*-ын/-ин*	
9. Продольно-уподобительный	*-ча/-че*	

Формы и значения падежей

Основной (именительный) падеж. Имеет нулевой показатель, т.е. морфологически равен основе имени, выступает как форма подлежащего, дополнения (прямого и косвенного), определения в именной определительной (изафетной) конструкции, обстоятельств места и времени, присвязочной части сказуемого.

Звательный падеж. Звательные (вокативные) формы передают лицо или предмет, к которому обращается говорящий: *қунчуйым-а оғланым-а* ‘о, мои супруги!’, ‘о, мои сыновья!’. Ни в одном современном диалекте специальной морфологической формы обращения не сохранилось. Однако в силу особой специфики эпитафийных текстов в енисейских надписях эта форма функционировала и даже получила своеобразное развитие, поскольку она стала присоединяться к частицам сожаления, например, *эсизим-е* ‘о жаль мне!’, *эсиз-е* ‘о жаль!’, а также к глаголам: *қадашым-а киним-е адырылтым-а* (E-10$_{12}$) ‘о мои родственники и сродственники – я разлучен (с вами)’. Очевидно, что присоединение к глаголу противоречит статусу вокатива как именной формы, но легко объяснимо желанием усилить эмоциональный фон фразы. Тем самым форма обращения семантически развивается в эмотивную частицу.

Родительный падеж. С показателями *-ның/-ниң* после основ на гласные и *-ың/-иң* – после основ на согласные используется в конструкции изафета в функции опре-

Особый вариант показателя посессивного склонения у дательного падежа есть только в 3-м лице – *-ңа /-ңе*, в котором звук *ң* получился из склеивания (фузии) "местоименного" *н* с начальным звуком аффикса падежа *к*. Примеры: *оғл-ы-ңа теги* (БК) 'до его сыновей', *сӱчиг саб-ы-ңа* (КТ) 'на его сладкие слова', *элим оғр-ы-ңа* (Е-100_2) 'ради моего государства' (*оғр-* < *оғур в служебн. знач.* 'для, ради, во имя').

Местно-исходный падеж (локативно-аблативный). Важнейшей и общей морфологической особенностью языка орхонских и енисейских памятников, отличающей их от других древних и современных тюркских языков, является отсутствие в орхоно-енисейской падежной системе особой формы исходного падежа (аблатива) и совмещение функций исходного и местного падежей в форме местного падежа (локатива). Показателями этого объединенного падежа выступают *-да/-де* (после основ на гласные и глухие согласные) и *-та/-те* (после основ на сонанты). В притяжательных основах единично выступает "местоименное" *-н*, так что показатель принимает вид *-нта/-нте*.

Локативные и аблативные значения четко различаются по смыслу, в современных тюркских языках они соответствуют разным падежам – местному и исходному. Примеры.

1) Локативные значения передают обстоятельства времени или места действия, а также приименного определения по месту нахождения: *ӧзӱм секиз йаш-да қалтым* ($БК_{14}$) 'я сам остался в возрасте восьми (лет)'; *Чибилиг-де бир тегим-де секиз эр сӱрдим* (Е-10_2) '(только) в одной схватке при Чивилиге я захватил восьмерых мужей-воинов [врага]'; *кӧк теңриде кӱн ай* (Е-92_1) 'солнце и луна, что в синем небе'; *қуйда қунчуйым* (Е) 'мои супруги в женских покоях'.

2) Аблативные значения передают пункт от которого удаляется субъект, лицо или место, являющиеся источником взятия чего-л., а также точку отсчета времени: *илимде төрт тегзиндим* 'из моего государства я четырежды уходил и возвращался'; *ырақда бөлсер* (Тон$_5$) 'тот, кто (умеет) различать издалека'; *беш йегирми йаш-ым-да табғач қанға бардым* (11$_3$) 'с пятнадцати лет я ходил на табгачского хана'; *қан-ы-н-та кӱ тутуқ атқа тегмиш* (Е-48$_{10}$) 'от своего хана он получил (*букв.* достиг) почетное звание тутука'. В сравнительном обороте источник сравнения, выступающий в памятниках в падежной форме на *-дал-де*, в современных языках также передается исходным падежом, т.е. тоже входит в круг аблативных значений: *киши-де йиг* (Е-48$_9$) 'лучший из людей'.

Направительный падеж. Эта форма встречается в орхонских памятниках, в енисейских текстах не зафиксировано ни одного случая ее употребления. Показатель *-ғару/-герӱ* выступает только со звонким началом. Всего несколько раз зафиксировано применение варианта *-ңару/-ңерӱ* после основ с притяж. афф. 3-го л. Форма данного падежа передает общее направление движения или иного действия субъекта "в сторону чего/кого-л.", обозначенного именем в данном падеже. Примеры:

йазыңа оғуз-ғару сӱ ташықдымыз (КТ$_{48}$) 'летом мы пошли войском на огузов'; *бен эб-герӱ түшейин* (Тон$_{30}$) 'спущусь-ка я в сторону дома'; *йери-ңерӱ субы-ңару қонты* (ВК$_{40}$) 'он поселился на своих землях, на своих реках-озерах'.

Орудно-совместный падеж (инструментально-комитативный). С показателями *-ын /-ин* (после основ на согласные) и *-н* (после основ на гласные) такой падеж функционировал в древней падежной системе, однако в современных языках он везде вышел из употребления, оставив серию непродуктивных наречий времени. Этой

падежной формой передавались значения: а) орудное (инструментальное) – с помощью чего или кого производится действие, и б) совместное – совместно с кем или в сопровождении кого осуществляется действие. Примеры.

а) *бир эриг оқун урды* (КТ$_{36}$) ‘одного мужа (Кюльтегин) убил стрелой’; *йӱз эр-ин элиг ӧкӱз-ин тикди* ‘с помощью ста человек, пятидесяти волов водрузили (этот памятник)’;

б) *қаңым қаған йети йегирми эр-ин ташықмыш* (КТ$_{11}$) ‘мой отец-каган выступил с семнадцатью мужами’; *қағаным-ын сӱ элтдимиз* (Тон$_{53}$) ‘с моим каганом мы водили войска’. Иногда комитативное значение может подкрепляться и уточняться послелогом *бирле* ‘вместе’: *эр ики оғлы-н бирле ӧлти* (Е-31$_5$) ‘муж-воин погиб вместе со своими двумя сыновьями’.

Продольно-уподобительный падеж (экватив). Эта форма с показателями *-ча/-че* выражает значения сравнения и уподобления по количеству и по качественной специфике. Она встречается в орхонских памятниках, но не отмечено ни одного употребления в енисейских текстах. Примеры: *қаның суб-ча йӱгӱрти сӱңӱкиң тағ-ча йатды* (КТ$_2$) ‘твоя кровь текла рекой, твои кости лежали горами’ (так обильно как река, так много – общей величиной с гору – количественное уподобление); *көңлӱң-че удуз* (Тон$_{15}$) ‘веди (войска) по своему желанию’ (качественное уподобление). С количественными числительными афф. экватива дает значение приблизительного счета: *элигче эр тутдымыз* (Тон$_2$) ‘мы захватили (в плен) около пятидесяти мужей’.

В силу того, что семантика продольности (сравнение с величиной объекта по длине или высоте) в форме *-ча/-че* еще в древних языках переставала ощущаться и на первый план вышла обстоятельственная семантика общего сравнения, многие эквативные, падежные по

сути, словоформы перешли в состав наречий. Массовая адвербиализация именных словоформ обусловила и переход самого показателя *-ча/-че* в целом ряде тюркских языков, например, в огузских, кыпчакских, карлукских языках, из именной словоизменительной парадигмы на положение словообразовательного аффикса наречий. В ряде языков, включая тувинский, этот аффикс и утрачен в склонении, и не оставил также наречий в словарном составе языка.

Глагол

Глагол в языке орхоно-енисейских памятников обладает собственной, характерной для него совокупностью семантико-грамматических категорий. Часть из них составляет сферу словоизменения глагола – это категории наклонения, времени, лица, числа. Часть глагольных категорий относится к сфере формообразования, это категории переходности / непереходности, залога, отрицания, возможности / невозможности совершения действия, способа действия. Особое место в системе морфологических категорий глагола занимают нефинитные (неконечные) функциональные формы глагола – имя действия (масдар), причастие, деепричастие, – сочетающие в себе общекатегориальное значение действия (т.е. глагола) с общекатегориальными значениями других частей речи: предметности (т.е. существительного), признаковости (т.е. прилагательного и обстоятельственности (т.е. наречия). В отличие от финитных форм, к которым относятся личноспрягаемые формы времен и наклонений и которые могут играть роль конечного, т.е. главного сказуемого предложения, функциональные формы могут выступать только в качестве сказуемых зависимых частей осложненного или сложного предложения. Однако некоторые функциональные формы со временем начинают употребляться само-

стоятельно, в несопряженных с главным сказуемым предложениях, приобретают личные окончания и переходят в разряд финитных (конечных) форм.

Большинство глагольных форм в языке орхоно-енисейских памятников сохраняют древние черты синкретизма, т.е. сочетания в одной форме разных, в том числе уже разделившихся функций. Например, многие причастия выступают в роли личных временных форм глагола, часть причастий может функционировать также как имена действия, некоторые причастия выступают еще и как деепричастия. Есть представления, что в общетюркском праязыке все или большинство форм глагола обладали подобной синкретичностью, т.е. потенциально были готовы выполнить любую из функций – личной глагольной формы, имени действия, причастия, деепричастия. Дифференцировались эти функции синтаксически, получая ту или иную семантико-смысловую нагрузку в составе предложения. Со временем глагольные формы специализировались: одни остались на положении личных, в других стала преобладающей функция деепричастия, в третьих – имени действия, четвертые стали исключительно причастиями.

Ко времени орхоно-енисейских надписей в тюркских языках выделилось всего несколько собственно-глагольных форм – прошедшего времени изъявительного наклонения и повелительно-желательное наклонение. Все остальные глагольные показатели еще сохраняли прямые свидетельства былой их полифункциональности. В силу сказанного, такие показатели описываются ниже неоднократно, в соответствии с количеством зафиксированных для них функций, т.е., например, формы на *-мыш* и на *-р* рассматриваются сначала в составе форм времени изъявительного наклонения, затем в составе причастий, затем в составе имен действия и т.д.

Категория наклонения

Категория наклонения глагола служит в языке для выражения отношения действия к действительности, так, как видится такое отношение субъекту речи (говорящему). Существуют различные виды подобных отношений, называемых модальными и входящих в более широкое понятие модальности / модального плана предложения. Если говорящий представляет действие как происходящее объективно-реально, независимо от каких-то условий или чьей-либо воли, такой нейтральный, или объективный модальный план составляет категориальное содержание изъявительного наклонения. Действие, представляемое говорящим, как обусловленное чем-то или кем-то, передается в разных языках различными морфологическими формами косвенных наклонений. Для языка орхоно-енисейских памятников можно говорить о трех, определенно выделившихся наклонениях – изъявительном, повелительно-желательном, сослагательном, и четвертом, находящемся в процессе формирования, – условном,

Изъявительное наклонение

Изъявительное наклонение не имеет особого аффиксального показателя (в этом случае говорят: имеет нулевой показатель, наподобие именительного падежа в имени), а реализуется в формах времени. Можно сказать, что формы времени глагола в тюркских языках сочетают в себе представление действия как объективно происходящего (категориальное значение изъявительного наклонения) с указанием на временной план совершения действия в настоящем, прошлом или будущем.

Категория времени изъявительного наклонения

Категория времени в языке орхоно-енисейских памятников представлена четырьмя морфологически простыми (не составными) аффиксальными формами и несколькими составными аналитическими формами.

Простые (не составные) формы времени

Прошедшее общее (категорическое) на *-ды/-ты* передает действие, совершившееся или совершавшееся в прошлом. Эта форма нейтральна ко всем оттенкам протекания действия, т.е. в ней не подчеркивается однократность или неоднократность, кратковременность или длительность, законченность или незаконченность действия. В противопоставление форме на *-мыш/-миш*, данная форма обладает значением засвидетельствованности действия со стороны говорящего, почему ее иногда называют "категорической", что не вполне верно: никакого подчеркивания засвидетельствованности эта форма не содержит.

Еще одна важная особенность формы на *-ды/-ты* в том, что она, в отличие от других несоставных временных показателей (форм на *-мыш*, *-р* и др.), не имеет аналогов в других функциональных разрядах глагола, т.е. не употребляется как причастие, имя действия или деепричастие. Поэтому ее называют единственной в составе временных форм изъявительного наклонения чисто глагольной (лично-предикативной) временной формой в целом в масштабе тюркских языков.

Показатели прошедшего общего времени

1л.	*-дым/-дим*,	*-дымыз/-димиз*,
	-тым/-тим	*-тымыз/-тимиз*
2л.	*-дыѓ/-диг*,	*-дыѓыз/-дигиз*,
	-тыѓ/-тиг	*-тыѓыз/-тигиз*
	-дың/-диң,	*-дыңыз/-диңиз*,

	-тың/-тиң	*-тыңыз/-тиңиз*
3л.	*-ды/-ди, -ты/-ти*	употребляются формы 3л. ед.ч.

Отрицательные формы прошедшего общего образуются от основы с аффиксом глагольного отрицания *-ма /-ме* с помощью тех же самых личных показателей времени, т.е. выглядят как *-мадым*, *-мадың*, *-мады* и т.д.

Примеры: *Түрк бодун <u>өлти</u>, <u>алқынты</u>, <u>йоқ болты</u>. Түрк сир бодун йеринте бод <u>қалмады</u>* (Тон$_{3-4}$) ‘тюркский народ умирал, погибал, исчезал. В земле тюрков-сиров не осталось племенной организации’; *он ай <u>илтди</u> өгим-е, <u>келүрти</u> илимке, эрдем үчүн мен <u>эледим-е</u>* (Е-28$_4$)‘десять (лунных) месяцев носила меня мать, принесла моему государству, для доблести я возмужал’.

<u>Прошедшее заглазное на *-мыш / -миш*;</u> <u>отрицательные формы на *-мадук/ -медүк*</u>. Полифункциональная форма на *-мыш / -миш* в лично-предикативной функции имеет значение прошедшего заглазного (неочевидного, субъективного) времени, поскольку передает действие, сведения о котором говорящий, не будучи сам его очевидцем, почерпнул от других лиц. Примеры.

Бунча бодун келипен <u>йоғламыш</u> <u>сығтамыш</u> (КТ$_4$) ‘столько (представителей) народов пришло, участвовало в похоронах и выразило свои соболезнования’; – говорящий, автор текста – Бильге-каган, в 732 г. рассказывает о том, чего сам не мог видеть, – о событиях, близких по времени к основанию Тюркского каганата, т.е. второй половине VI в.

Қамағы йити йүз эр <u>болмыш</u> (КТ$_{12-13}$) ‘всего у него (моего отца) стало семьсот мужей-воинов’; – здесь Бильге-каган повествует о более близких событиях (приблизительно, 680-681 гг.), но все еще о времени до своего рождения (683 г.).

Йоғым анча эрмиш, адырылдымыз (Е-25$_7$) ‘такова была моя тризна. [Теперь] мы разлучились’; – довольно искусное построение фразы: она говорится от лица покойного мемориантa, который не был “свидетелем” своего поминального пира, поскольку умер, но знает о нем опосредованно, из “потусторонних источников”.

В следующем примере, как и в предыдущем, в одной фразе противопоставляются временные формы прошедшего заглазного и прошедшего общего: *тоқуз элиг йашда тоқуз алтмыш эр өлүрмиш эр башы саңун өлүрти* (Е-48$_{11}$) ‘за 49 лет он (мой отец) убил 59 мужей-воинов [врага], он убил генерала–предводителя воинов [врага]’. Говорящий (сын мемориантa) не мог быть очевидцем всех боевых эпизодов своего отца, – поэтому употреблена заглазная форма на *-мыш*, но, был, очевидно, свидетелем эпизода с генералом, – поэтому использовано прошедшее общее на *-ды*.

Отрицательные формы с афф. *-мыш/-миш* в языке орхоно-енисейских памятников еще не образовывались (в отличие от современных языков, где такие формы теперь имеются); в качестве отрицательных форм прошедшего заглазного здесь применялся афф. *-мадуқ/ -медүк*, отрицательный показатель глагольного имени действия на *-дуқ/ -дүк* (о нем см. ниже). Ассоциирование в качестве членов единой парадигмы разнородных морфологических показателей неоднократно имело место в истории тюркских языков, ср., например, в якутском (а также в халаджском) языке в парадигме настоящего времени глагола соединились афф. *-а* и *-ар*: 1 л. *барабын* ‘иду’, 2 л. *барағын* ‘идешь’, 3 л. *барар* ‘идет’. Интересно, что якутский язык сохранил свойственную орхоно-енисейскому периоду соединенность в общей парадигме форм на *-мыш//-мадуқ*: якут. *-быт* (<*-*мыш*)//*-батах* (*<*мадық*) – 1 л. *барбытым* ‘я (тогда) ходил’ // *барбатағым* ‘я не ходил (тогда)’, 2 л. *бар-*

бытың ‘ты (тогда) ходил’//2 л. *барбатағың* ‘ты (тогда) не ходил’. Пожалуй, чаще всего происходит ассоциирование генетически различных морфем именно по линии противопоставления положительных и отрицательных форм, причем замечено, что относительно более молодая в системе положительная форма “берет к себе в напарники” относительно более старое отрицательное образование. Таково соотношение не только временных показателей *-мыш/-мадуқ*, но и *-р/-маз*, *-тачы/-чы*, а также ряда деепричастий (см. ниже). Примеры.

Анта кисре иниси қаған болмыш эринч, оғлыты қаған болмыш эринч. Анта кисре иниси эчисин тег қылынмадуқ эринч, оғлы қаңын тег қылынмадуқ эринч, билигсиз қаған олурмыш эринч, йаблақ қаған олурмыш эринч ($КТ_5$) ‘А затем ведь их младшие братья стали каганами, их сыновья стали ведь каганами. Но затем (поскольку) их младшие братья не были рождены (*букв.* сотворены) такими же, как их старшие братья, а их сыновья не были рождены такими же, как их отцы, (вот и) сели (на царство) немудрые каганы, скверные ведь каганы сели’. – Грамматическая однотипность и синтаксическая однородность сказуемых *болмыш эринч, қылынмадуқ эринч* и *олурмыш эринч* доказывают их синонимию, разница лишь в положительном/отрицательном аспекте действия.

Табғач қағанқа йағы болмыш. Йағы болуп итинӱ йаратуну умадуқ йана ичикмис ($КТ_{10}$) ‘(тюркский народ) стал враждебным (по отношению к Китаю). Став враждебным, он (однако) не сумел устроить свои собственные (дела) и снова подчинился (Китаю)’. – Здесь, как и в предыдущем примере, финитные формы на *-мыш* перемежаются синонимичной отрицательной формой на *-мадуқ*.

Почти все примеры употребления прошедшего заглазного на *-мыш/-миш* содержат форму 3-го л.ед.ч., чему соответствует и неизменяемость отрицательного показа-

теля в этом времени – афф. *-мадуқ*. Однако со временем, в более поздних, чем орхонские, енисейских памятниках, парадигма этой формы начинает расширяться за счет образования личных форм 1-го и 2-го лиц:

теңри элимде тегзинмишим (Е-147$_3$) ‘из моего богохранимого государства я уходил (и возвращался)’; *элим оғрыңа тӧзӱм казғанмышым* (Е-100$_2$) ‘все, что я приобретал, – [все это] ради моего государства’. – В данных примерах с глагольными формами 1-го лица говорящий равен субъекту действия, одновременно он является и источником сведений о себе, поэтому ни о какой “заглазности” здесь речи быть не может. Вероятнее всего, здесь мы сталкиваемся с формой на *-мыш* в качестве имени действия в роли сказуемого, на что указывает показатель принадлежности *-м*, а не местоименный показатель *-мен*.

Ряд современных грамматик выделяет форму на *-мыш* и производные от нее формы (см. также ниже) в особое «пересказывательное» наклонение.

Настоящее общее на *-р*; отрицательные формы на *-маз/ -мез*. Данная форма выступает в следующих аффиксальных вариантах (алломорфах): после основ на гласные – *-р* или *-йур/-йӱр*; после основ на согласные – *-ар/-ер*, *-ыр/-ир /-ур/-ӱр*, причем варианты с *-ур/-ӱр* могут выступать после основ, в которых представлены огубленные гласные, а также после основ с неогубленными гласными. Отрицательные формы образуются посредством аффикса *-маз/-мез*, в котором *-з*, возможно, не является, как иногда предполагают, фонетической разновидностью афф. *-р*, а представляет собой иной показатель, ассоциированный формой на *-р* в качестве отрицательного члена своей парадигмы. Именно в таком, ассоциированном виде форма на *-р/-маз* представлена во всех современных и древних тюркских языках.

В текстах орхоно-енисейских памятников форма на *-р/-маз* в своей семантике сохраняет максимум возможной многофункциональности глагольного образования: она выступает как 1) лично-предикативная форма времени изъявительного наклонения, 2) форма причастия, 3) единично – в роли деепричастия, 4) редко – как форма имени действия. Ведущей функцией формы на *-р* является первая из них.

В качестве лично-предикативной временной формы широкого плана форма на *-р/-маз* может передавать действие как происходящее в данный момент (настоящее момента речи, или настоящее конкретное), так и действие обычное, регулярное (настоящее общее), а также действие, захватывающее будущее. Личное спряжение образуется прибавлением местоименных показателей: 1 л. ед.ч. – *мен*, 2 л. ед.ч. – *сен*, 1 л. множ.ч. – *биз*, 2 л. множ. ч. – *сиз*, в 3-м лице обоих чисел показатель отсутствовал. Примеры.

Бен анча тер мен (Тон$_{37}$) ‘я так говорю’ (наст. момента речи); *қаныңыз йоқлайур қадашларыңыз қарғанур* (Е-25) ‘ваш хан ощущает потерю (вас), ваши товарищи клянут себя (что не уберегли вас)’ (наст. данного момента, но шире, чем момент речи); *неке тез(е)р биз өкӱш тейин, неке қорқур биз аз тейин* (Тон$_{38}$) ‘зачем мы побежим, говоря, [что их] много, к чему бояться нам, говоря, [что нас] мало’ (*тезер* – будущее время, военачальники предлагают Тоньюкуку уклониться от сражения, сейчас они еще не бегут; *қорқур* – наст. данного момента, Тоньюкук увещевает их: «ну, что вы (сейчас) боитесь?»); *ачсар тосық өмез сен тодсар ачсык өмез сен* (БК$_{60}$) ‘когда ты (тюркский народ) голоден, ты не думаешь, как насытиться, а насытившись, ты не думаешь о голоде’ (наст. общее – обычно, всегда: “когда ты насыщаешься, то о дальнейшем обычно не думаешь”).

Будущее потенциальное на *-дачы/-дечи, -тачы /-течи*; отрицательные формы на *-чы/-чи*. В качестве личнопредикативной формы изъявительного наклонения форма на *-дачы* имела значение будущего потенциального времени, передавая действие, осуществление которого с точки зрения говорящего вполне возможно и даже весьма вероятно. Личное спряжение, как и у формы на *-р*, образовывалось прибавлением местоименных показателей: 2 л. ед.ч. – *сен*, 1 л. множ.ч. – *биз*, 2 л. множ. ч. – *сиз*, в 3-м лице обоих чисел показатель отсутствовал. (примеров на 1 л. ед.ч. с *мен* нет): *Түрк бодун өзүң эдгү көртечи сен.* (БК$_{67}$) 'Ты сам, тюркский народ, (непременно) увидишь лучшие [времена]'; *табғач оғуз қытаң бу (ӱ)чегӱ қабышсар қалтачы биз* ... 'если объединятся эти трое – китайцы, огузы и кидани, то мы (весьма вероятно) останемся (в трудном положении)'; *бӧдке көрӱгме беглер гӱ йаңылтачы сиз* (БК$_{65}$) 'не вы ли, ныне подчиняющиеся (мне) беки, (сможете) предать?'.

В качестве отрицательных форм будущего потенциального времени зафиксированы очень немногочисленные (единичные) случаи применения афф. *-мачы/-мечи*, неидентичного афф. *-дачы/-дечи* и тоже, вероятно, ассоциированного в парадигму из числа более ранних образований. Возможно, что формант *-чы* в *-мачы* тот же, что и в показателе *-дачы*, который в таком случае окажется усложнением и подновлением показателя *-чы*. Примеры.

Бу йолын йорысар йарамачи, – тедим. (Тон$_{23}$) 'я сказал: не годится (букв. возможно/должно быть, не подойдет) идти этой дорогой'; *бег йағы болмыш тегмечи мен тийин сақынтым* (Оа$_2$) '(этот) бек стал (нам) врагом, я (сначала) подумал: я не должен нападать (на него)'.

Аналитические (сложносоставные) формы времени

Прошедшее длительное-многократное (определенный имперфект) образуется из сочетания основного глагола в форме на *-р/-маз* и вспомогательного глагола *эр-* ‘быть’ в форме прошедшего общего на *-ды* и выражает действие либо непрерывно длившееся, либо неоднократно повторявшееся в какой-то определенный отрезок или период времени в прошлом. Эта определенность отрезка времени в прошлом задается (имеется в виду) говорящим; при переводе этот оттенок значения может быть отмечен словами «тогда», «в то время» и т.п. Примеры.

Түрк бодун табғачқа көрүр эрти (Тон$_1$) ‘тюркский народ подчинялся (тогда) китайцам’; *атығ ықа байур эртимиз* (Тон$_{27}$) ‘лошадей мы привязывали (при этом) к деревьям’; *қалмышы йир сайу қоп туру өлү йоғрыйур эртиг* (КТ$_{62}$) ‘ты же, оставшаяся (часть тюркского народа) скиталась (в то время) по всем странам на границе жизни и смерти (*букв.* тощая-умирая)’; *Күл тигин бир қырқ йашайур эрти* (КТ$_{43}$) ‘принцу Кюлю шел (в это время) сорок первый год’. *эдгү билге киши эдгү алп киши йорытмаз эрмиш* (Кт$_{60}$) ‘[Однако] людей добромыслящих, людей стойких (они, китайцы) не (могли) совратить’.

Прошедшее длительное-многократное заглазное (неопределенный имперфект) образуется из сочетания основного глагола в форме на *-р/-маз* и вспомогательного глагола *эр-* ‘быть’ в форме прошедшего заглазного на *-мыш* и выражает длительное или повторявшееся действие в прошлом, которому говорящий не был свидетелем, почему создается неопределенность отрезка или периода времени, в который происходило данное действие: «когда-то», «некогда» и т.п. Примеры.

ырақ бодуныг анча йағутыр эрмиш (КТ$_{58}$) ‘далекие народы так (к себе) приближали’; *йағру қонтуқда кисре*

аӈығ билиг анта <u>өйүр эрмиш</u> (КТ$_{58}$) ‘после того как поселялись ближе, (они) усваивали там дурные знания (*букв.* размышляли там дурным знанием); *анта аӈығ киши анча <u>бошғурур эрмиш</u>* (КТ$_{60}$) ‘там плохие люди так (тебя) наставляли’; *эдгӱ билге кишиг эдгӱ алп кишиг <u>йорытмаз эрмиш</u>* ‘[Однако] людей добромыслящих, истинных героев он не мог стронуть с места.’

<u>Будущее в прошедшем</u> – еще одна составная аналитическая форма времени, возникающая в рамках изъявительного наклонения практически во всех тюркских языках и с самой древней поры их развития. Образуется путем сочетания основного глагола в форме одного из будущих времен и вспомогательного глагола в форме одного из времен прошедших. Почти сразу же, в силу особой модальной семантики подобное сочетание выделяется в особое – сослагательное наклонение (конъюнктив), см. ниже.

Повелительно-желательное наклонение

Общее для всех форм этого наклонения содержание волеизъявления реализуется в разных модальных планах и различно по лицам. В 1-м лице ед.ч. передается желание субъекта действия самому выполнить действие, при этом данное желание может носить оттенок необходимости для субъекта осуществить действие. В 1-м лице мн. ч. выражается призыв или побуждение говорящего (1 л. ед.ч.), обращенное к адресатам речи – 2-му л. ед.ч. или группе лиц во 2-м л. мн.ч., вместе с ним (говорящим) выполнить действие. Повелительные формы 2-го лица содержат побуждение, т.е. приказ или просьбу, обращенные к адресатам речи (2-му л. ед.ч. или 2-му л. мн.ч.). Повелительные формы 3-го лица содержат побуждение в адрес неучастника речевой ситуации (3-е лицо, “он”), исполнить

действие, при этом мыслится, что передатчиком этого волеизъявления станет 2-е лицо.

Повелительно-желательные формы

	Единств. число	Множ. число
1 л.	*-айын/-ейин*	*-алым/-елим* *-лым/-лим*

	Без формального различения числа	Множ. число
2 л.	*-Ø, -ғыл / -гил*	*-ың / -иң*
3 л.	*-зун / -зӱн*	

В побудительных формах 2-го и 3-го лица в языке орхоно-енисейских памятников (в отличие от большинства современных тюркских языков) противопоставление по числу часто еще отсутствует, т.е. глагол в форме основы, без специального морфологического показателя (нулевая форма: -Ø) передает повеление, обращенное как к одному лицу (как это имеет место в современных тюркских языках), так и ко многим лицам. Форма на *-ғыл / -гил* отличается от "нулевой" большей категоричностью волеизъявления, хотя в переводе этот оттенок значения трудно отразить. В ряде случаев в орхоно-енисейских памятниках уже употребляется особая форма 2-го лица мн. ч. *-ың / -иң* (в дальнейшей истории тюркских языков, она прочно займет место повелительной формы 2-го л. мн.ч., оставив "нулевой" форме только сферу ед.ч.).

Примеры: *аны йоғлатайын* (Тон$_{31}$) 'мне нужно устроить по ней поминки'; *тӱрк бодун: ӧлӱрейин уруғсыратайын, – тир эрмиш* (КТ$_{10}$) 'тюркский народ стал говорить: «пусть (лучше) я убью (себя), стану бесплодным»'; *ӱчегӱн қабышып сӱлелим эди йоқ қысалым* (Тон$_{21}$) 'давайте, объединившись втроем, отправимся в поход и совершен-

но уничтожим (тюркского кагана)'; *табғач бирдин-йен тег, қытан' өңдүн-йен тег бен йырдынта-йен тегейин* (Тон11) 'китайцы, нападай(те) с юга, кидани, нападай(те) с востока, я (огузский каган) давайте нападу с запада'; *сабымын түкети эшидгил* (КТ54) 'мою речь всю целиком выслушай(те)'; *бу сабымын эдгүти эшид* (КТ55) 'эту мою речь хорошенько выслушайте'; *сү барың ... алтун йышда олурун* (Тон31) 'идите войском, ...сидите на Алтае'; *анча билиң* (КТ68) 'так знайте'; *түрк бодун йоқ болмазун* (КТ11) 'да не исчезнет тюркский народ'; *ич йер эл(и)ки артзун; ... тоғудай турназы артзун* (Е-4812) 'пусть множатся косули внутренних земель; пусть множатся журавли Тогудая'.

Условная форма на *-сар/-сер*

В условных конструкциях предложения, когда одно событие (действие) является условием осуществления другого, в качестве формы, выражающей условие, в языке орхоно-енисейских памятников применялась полифункциональная глагольная форма на *-сар/-сер*, которая не имела личных окончаний. Примеры.

йинчге йоғун болсар үзгүлүк алп эрмиш (Тон13-14) 'если тонкое становится толстым, разорвать [его], как считают, трудно'; *Түрк қаған Өтүкен йыш олурсар илте буң йоқ* (КТ42) 'Если тюркский каган сидит в Отюкенской черни, в государстве нет печали'; *Ол йергерү барсар Түрк бодун өлтечи сен.* (КТ61) 'Если, тюркский народ, ты пойдешь в те земли [вблизи народа табгач], ты непременно погибнешь'; [*Түрк бодун*] *бир тодсар ачсык өмезсен* (КТ61) 'Немного насытившись, ты, [тюркский народ] не думаешь о голоде'.

В приведенных примерах форма на *-сар/-сер* передает реальное условие, в результате которого действие главного предложения действительно (в реальности) мо-

жет осуществиться в будущем, настоящем или могло осуществиться в прошлом. В главной части условной конструкции действие реального результата выражается формами изъявительного наклонения.

Та же форма на *-сар/-сер* может выражать и нереальное, а лишь предполагаемое условие, результатом которого мыслится гипотетически возможное (ирреальное) действие, передаваемое формами сослагательного наклонения на *-тачы эрти* (о нем см. ниже). Примеры.

Күл тигин йоқ эрсер қоп өлтечи эртигиз (КТ$_{50}$) 'Если бы не было Кюль-тегина, все вы погибли бы!'. *Илтериш қаған қазғанмасар уду бен қазғанмасар ил йеме бодун йеме йоқ эртечи эрти* (Тон$_{55}$) 'Если бы Ильтериш-каган не приобретал, и следом (за ним) если бы я не приобретал, то ни государство, ни народ не существовали бы'.

Поскольку в обоих типах условных конструкций – реальной и ирреальной, иначе: реального условия и условного допущения – форма на *-сар/-сер* выступает в полупредикативной позиции (т.е. в роли сказуемого зависимой части сложного предложения), и при этом не имеет личных окончаний, в морфолого-синтаксическом плане она неотличима от деепричастий. Поэтому орхоно-енисейскую форму на *-сар/-сер* обычно квалифицируют как условное деепричастие.

Уже в языке ближайшего за орхонским периода развития древних тюркских литературных диалектов – древнеуйгурском, мы встречаем форму на *-сар/-сер* в сопровождении личных местоименных окончаний, например: *абам бирök бу этӱзӱмин титсер мен...* 'если же я отвергну это свое тело...' (из буддийской книги "Золотой блеск", перевод с кит., X в.). Это означает, что к данному периоду неизменяемая (неличная) форма на *-сар/-сер* обрела спрягаемый лично-предикативный характер и, тем

самым, было завершено формирование особого условного наклонения. В статусе особого наклонения данная форма с показателем *-тар* (<*-*сар*) сохраняется в современном якутском языке, ср. якут.: *бар-дар-бын* 'если я пойду / если бы я пошел'; *бар-дар-гын* 'если ты пойдешь / если бы ты пошел' и т.д. Как видим, в якутском языке, как и прежде в языке орхоно-енисейских памятников, оба основных значения условной формы на *-сар // -тар* – условное и условно-допустительное, остаются формально не разграниченными.

Начиная с караханидско-тюркского периода (XI в.) форма на *-сар /-сер* почти не употребляется в древних языках, вместо нее выступает более краткая по составу форма на *-са /-се*, которая представлена также во всех современных языках (кроме якутского), ср. напр., хак. *барзам/* тур. *gitsem* 'если я пойду', *барзаң / gitsen* 'если ты пойдешь' и т.д. Существует мнение, что афф. *-сар* является сращением исходной краткой формы *-са* с причастием на *-р* (*-са* + *-р* > *-*сар*), тогда как противоположное суждение (*-са* < *-*сар*) опирается на очередность появления этих форм в письменных тюркских языках: сначала *-сар* (в древнейших памятниках VIII-X вв.), а затем уже *-са*. Возможно, что поздние енисейские памятники застают указанную смену показателей. Так, в надписи "Алтын-Кёль II" (E-29), мы находим единственный пример условной личной формы 1-го лица на *-са-м*: *муныг эрсем Эзруа алганып эрдемлиг батур мен* (29_3) 'если же я собьюсь (с истинного пути), то помолившись Зервану, я (вновь) обрету добродетель'.

Эта единственная фиксация формы на *-са* в орхоно-енисейских памятниках приходится в $E\text{-}29_3$ на три случая применения формы на *-сар*, правда во всех этих случаях форма на *-сар* выступает здесь как причастие, о чем см. ниже.

Сослагательное наклонение

В качестве особого – сослагательного наклонения глагола в языке орхоно-енисейских памятников выступала форма, сложившаяся в рамках изъявительного наклонения. Это – аналитическое образование, в котором основной глагол стоит в форме будущего времени на *-тачы*, а вспомогательный глагол *эр-* 'быть' – в форме прошедшего общего на *-ды*.

Данного типа конструкции, встречающиеся во многих языках мира, в том числе – в тюркских, сочетают значения будущего и прошедшего (отсюда их обычное название: будущее в прошедшем) в такой логической связке: действие передаваемое подобной аналитической формой, относится к прошлому, в котором оно в действительности не осуществилось, но могло или должно было осуществиться. Модальность возможности или необходимости осуществления действия имеет своим источником первый компонент – форму будущего времени. В составе изъявительного наклонения эта модальность объективирована, представлена говорящим как объективное положение дел, независимое от его мнения. В составной форме будущего в прошедшем объективирована отнесенность действия в план прошлого, тогда как представление действия как возможного или обязательного выглядит больше как убежденность говорящего в высокой степени потенциальности действия. По мнению говорящего, такое действие должно или могло осуществиться либо в соответствии с намерением действующего лица, либо ходом событий. Примеры.

Түрк бодун адақ қамаштды йаблақ <u>болтачы эрти</u> (БК$_{30}$) 'тюркский народ довел [себя непрерывными переходами и сражениями] до изнеможения, [так что дело] могло быть скверным'; *өгӱм қатун улайу өглерим экелерим*

келиңўним қунчуйларым бунча йеме тириги кўң болтачы эрти, өлўги йуртда йолта қалтачы эртигиз (КТ$_{49}$) ‘моя мать-хатун и вслед за нею вы, (сводные) матери (т.е. другие жены отца), мои тетки, мои невестки, мои жены, сколько бы вас ни было, все вы, (оставшись) в живых – попали бы в рабство, а умерев – валялись бы (непогребенные) по дорогам и становищам’ (см. также примеры на с.294).

Определительные глагольные формы (причастия)

Как уже сказано выше, большинство глагольных форм в древнем языке орхоно-енисейских памятников, проявивших себя в функции причастия, не являются исключительно причастными. Такими, например, как форма на *-ан* в современном турецком языке, которая употребляется только как причастие, т.е. в определительной позиции и, в случае окказиональной (контекстной) субстантивации, – в функции субъекта или объекта: *gelen* ‘некто приходящий’, при субстантивации – ‘тот, кто приходит’, ‘посетитель’; *alan* ‘берущий’, ‘тот, кто берет’, ‘покупатель’. В древних памятниках для большинства глагольных форм данного круга мы вынуждены констатировать сохранение ими их исторической многофункциональности: многие из них выступают и как формы полной вербальности (собственно глагольные формы личного спряжения), и как формы неполной вербальности (функциональные формы глагола – имена действия, причастия и деепричастия). Многие из показателей, рассмотренных выше в составе форм наклонений и времен, анализируются здесь ниже с точки зрения выполнения ими определительных функций, свойственных им уже как причастиям.

Причастие настоящего времени на *-р-/маз*. Полифункциональная форма на *-р/маз*, описанная выше как лично-предикативная форма настоящего общего времени изъявительного наклонения, выступает также как форма вневременного причастия. Примеры. *билиг билмез киши ол сабыг алып* (КТ$_{60}$) ‘люди, не знающие мудрости, послушались (*букв.* приняли) тех речей; *көрүр көзүм көрмез тег билир билигим билмез тег болты* (КТ$_{50}$) ‘зоркие очи мои стали словно ослепшими, вещий разум мой словно помутился (*букв.* стал словно не понимающим)’.

Причастие прошедшего времени на *-мыш*. Полифункциональная форма на *-мыш*, описанная выше как лично-предикативная форма прошедшего заглазного времени, употребляется также как прошедшее причастие. Причастная функция формы на *-мыш*, как и в случае других причастий, совершенно отчетлива в позиции приименного определения: *қаңым өге бегим қазғанмыш қырқ уйар қадаш атмадым* (Е-100$_2$) ‘я не бросил сорок благородных сородичей, приобретенных моим отцом’; *илсиремиш қағансырамыш бодуныҫ күҷедмиш қуладмыш бодуныҫ түрк төрүсин ычғынмыш бодуныҫ ечүм апам бодуныҫ төрүсинче йаратмыш бошғурмыш* (КТ$_{13}$) ‘он (мой отец-каган) привел в порядок и наставил по установлениям моих предков (тюркский) народ, лишившийся своего государства и своего кагана, народ, ставший рабами и рабынями, народ, потерявший свои тюркские установления’. В последнем примере сошлись формы на *-мыш*, в обеих основных функциях: – причастия (пять подчеркнутых определений при повторяющемся определяемом «народ») и личной формы глагола прошедшего заглазного времени – конечное сказумое предложения *йаратмыш бошғурмыш* ‘привел в порядок и наставил’.

Причастие на *-мыш*, как и любое причастие, может быть субстантивировано, т.е. заменить в предложении

определяемое им, причастием, имя. Когда субстантивированное причастие на *-мыш* выступает в предложении в роли именных членов – подлежащего, дополнения, обстоятельств, – оно принимает при этом именные грамматические категории падежа, принадлежности, гораздо реже, числа. Пример:

ыда ташда қалмышы қубранып йети йўз болты (Тон4) ‘оставшиеся по лесам и горам собравшись, составили семьсот (воинов)’.

Синтаксически, субстантивированное причастие практически равно имени действия, однако семантически между ними сохраняется существенная разница: причастие называет производителя действия – «оставшиеся (люди)», тогда как имя действия называет само действие, предположительная фраза – «”оставание” в лесах и горах было коротким».

Причастие будущего времени на *-тачы*. Полифункциональная форма на *-тачы*, описанная выше как личнопредикативная форма будущего времени глагола, употребляется также в качестве будущего или вневременного причастия с оттенком возможности или долженствования. Примеры.

ӧлтечи бодунуғ тиргирў игиттим (КТ29) ‘я оживил и прокормил народ, который шел к своей погибели (*букв.* долженствующий умереть)’; *қушладачы билге тутуқ йоқ* (Е-4812) ‘мудрого тутутка, который мог охотиться с ловчими птицами, (теперь) нет’; *ўкўш ӧлтечи анта тирилти* (БК31) ‘многие, обреченные на смерть (*букв.* те, кто дожен был, “долженствующие” во множестве умереть), остались в живых’.

Причастие настоящего времения на *-сар*. Полифункциональная форма на *-сар*, описанная выше как условное деепричастие – прообраз условного наклонения, выступает также как форма причастия настоящего време-

ни с модальными оттенками возможности и долженствования. В следующих двух примерах форма на *-сар* употреблена в качестве приименного глагольного определения, т.е. в роли обычного («классического») причастия; временной план – широкий: обычное, повторяющееся действие; признаки условного значения напрямую отсутствуют:

Эрдемлиг болсар бодун исрик йөрүмеди (Е-29$_4$) ‘народ, являющийся (букв. долженствующий быть) доблестным, пьяным не слонялся’; *атсар алп эртиңизин утсар күч эртиңизин* (Е-28$_2$) ‘Вы были разящим (способным поразить) стрелком (на охоте), Вы были сильным (богатырем), побеждающим (способным победить [в единоборстве])’.

В остальных примерах форма на *-сар* субстантивирована, поскольку заменяет отсутствующее при ней определяемое существительное; семантика обычного действия распространяется на действующее лицо, которое получает обобщенное значение: «тот, кто = всякий, кто» (“различает”, “обладает доблестью” и т.п.):

ырақда бөлсер (Тон$_5$) ‘тот, кто (умеет) различать (*букв.* умеющий, способный различать) издалека’; *эрдем болсар муныҫ эрмез* (Е-29$_3$) ‘тот, кто способен быть доблестным, не собьется (с истинного пути)’; *эр эрдем болсар андаҫ эрмиш* (Е-29$_7$) ‘способный обладать воинской доблестью таким вот был’.

Причастие постоянное на *-ҫма/-гме*. В языке орхоно-енисейских памтников есть, впрочем, одна глагольная форма, ведущая и, пожалуй, единственная функция которой – причастная. Форма на *-ҫма / -гме* выражает постоянный или стабильный признак действующего лица, который в зависимости от времени главного сказуемого принадлежит либо настоящему, либо переносится в план прошлого:

йети йўз кишиг удузығма улуғы шад эрти (Тон4-5) ‘старший, предводительствовавший семьюстами человек, был шадом’; *бу битиг битигме атысы йолығ тигин* (КТ66) ‘написавший эту надпись – его внучатый племянник, принц Йолыг’; *қаңым қағаныг өгүм қатуныг көтүрмиш теңри ил беригме теңри ... өзүмин қаған олуртды* (КТ25) ‘Божество-Небо, возвысившее моего отца-кагана и мою мать-хатун, Божество-Небо, дающее государства, ... (и) меня самого посадило каганом’.

Глагольные имена действия

Как уже неоднократно говорилось выше, полифункциональность древних глагольных форм сказывается в том, что целый ряд из них наряду с функциями личной финитной формы и причастия, выступают также в роли имен действия и деепричастий. Среди форм, отмечаемых в функции имен действия, есть такие, что выступают в этой роли редко, спорадически, от случая к случаю, но есть и такие, для которых эта функция вполне определилась как ведущая.

Суть грамматического содержания функциональной категории «глагольное имя действия» в тюркских языках в том, что таковое не передает, в отличие от собственно глагола, действие в его конкретности как процесс, протекающий в определенном времени и под определенным углом отношения к действительности; имя действия только называет обозначаемое действие (отсюда термин: имя, т.е. название, действия), ср.: «человек пришел» → «человека приход/прихождение». Благодаря отказу от процессуальности во всем богатстве ее нюансов, обозначаемое действие приобретает субстантивный характер, а это позволяет таким словам включиться в смысловую сферу другого глагола в его процессуальной фор-

ме, выступая теперь уже в роли именных членов подчиняющего глагола (актантов глагольной пропозиции) – подлежащего, дополнения, обстоятельств, и принимать при этом именные грамматические категории падежа, принадлежности, гораздо реже, числа: «мы узнали о приходе человека», «(во время) прихода/прихождения человека произошло что-то другое», «ради прихода/ прихождения человека сделали то-то» и т.п.

Имя действия на *-дуқ*. Для этой глагольной формы ее субстантивно-именная функция в языке орхоно-енисейских памятников определенно является ведущей.

Выражаемое формой на *-дуқ* действие служит чаще всего обстоятельственным фоном или объектом действия подчиняющего глагола, с которым форма на *-дуқ* связывается с помощью падежей и послелогов. Примеры.

Қаңым қаған уҷдуқда иним Күл тигин йити йашда қалты (КТ$_{30}$) ‘когда умер (*букв.* при отлетании) мой отец-каган, Кюль-тегин остался в возрасте семи лет’; *уйғур қан йерин алдуқда* ... ‘при взятии земель уйгурского хана ...’ (Е-98$_3$); *теңри күч биртүк үчүн қаңым қаған сүси бөри тег эрмиш* (КТ$_{12}$) ‘благодаря тому, что Бог-Небо дал силы (ему), войско моего отца-кагана было словно волк’.

Управляющим глаголом для объекта или обстоятельства, выражаемого формой на *-дуқ*, может быть деепричастная глагольная форма, передающая неглавное действие в предложении: *бунча ишиг күчиг биртүкгерү сакынматы Түрк бодун: өлүрейин, оруғсыратайын, – тир эрмиш* (КТ$_{10}$) ‘не думая отдавать (китайцам) столько трудов и сил, тюркский народ (стал так) говорить: (да лучше) я умру, обеспложу (себя)!’.

Отрицательное образование от формы на *-дуқ* – форма на *-мадуқ*, фиксируется только в предикативном использовании как аналог формы прошедшего заглазного на *-мыш* в отрицательном аспекте (см. выше).

Имя действия на *-сық*. По-видимому, уже к 8-му в., периоду создания орхонских памятников, форма на *-сық* представляла из себя архаическое (устаревающее) имя действия со значением возможности или долженствования: *Ил тутсық йир Өтүкен йыш эрмиш* (КТ$_{57}$) 'Отюкенская чернь была той землей, на которой можно созидать государство'.

Из-за того, что форма на *-сық* в вышеприведенном примере синтаксически выполняет роль приименного определения, ее иногда квалифицируют как причастие, причем причастие страдательное (пассивное). В действительности же имя действия на *-сық*, как и всякое имя, может служить определением при другом имени, синтаксически присоединяясь к нему способом примыкания, т.е. *ил тутсық йир – букв.*: 'место возможного/долженствующего держания государства'. Вместо субъектной семантической валентности (что было бы характерно для причастия), на первый план здесь выходит обстоятельственная валентность. Неопределенность субъектного плана порождала в форме на *-сық* оттенки пассивного значения, что преодолевалось введением в морфологическую структуру имени действия указания на лицо действователя с помощью личных показателей принадлежнсти, например:

ол сабығ эшидип түн удысықым келмеди күнтүз олурсықым келмеди (Тон$_{12}$) 'услышав те слова, я потерял сон и покой (*букв.* засыпание ночью и сидение днем не приходили)'.

Как и форма на *-дуқ*, форма на *-сық* в редких случаях была способна выступать в предикативной позиции:

Түрк бодун, өлсикиң (БК$_{62}$) 'Тюркский народ, ты (вполне) мог (там) погибнуть!'.

В отличие от аналогичного по синтаксическим функциям имени действия на *-дық* (см. выше), имя действия на *-сық* в современных языках не функционирует.

Форма на *-сар /-сер* в функции имени действия. В ряде примеров мы наблюдаем, что форма на *-сар /-сер* выполняет функцию имени действия: *илк Қырқызқа сӱлесер йег эрмиш тедим. Кӧгмен йолы бир эрмиш, тумыш, – тейин эшидип, – бу йолын йорысар йарамачи, – тедим.* (Тон23) 'Лучше было бы сначала повести войска на кыркызов, – сказал я. Узнав (букв.: услышав), что дорога на Кёгмен одна, и та закрыта, я сказал: не годится идти той дорогой'.

Семантика общего называния действия без отнесенности к определенному субъекту в формах *сӱлесер* 'повести войска' и *йорысар* 'идти' аналогична русскому инфинитиву (а также инфинитивам других языков), а это указывает, что перед нами именные формы глаголов.

Различия в семантике имени действия и субстантивированного причастия здесь наглядны: в имени действии подчеркивается само действие, практически оно рассматривается говорящим вне связи с субъектом; в субстантивированных причастиях важно представление о субъекте, стоящем за действием, будь временно устраненный из сообщения субъект обобщенным, как в форме на *-сар* (примеры см. выше), либо более конкретным, как в других причастиях.

Имя действия на *-ғалы/-гели*. Имя действия, передающее значение цели для главного сказуемого предложения (такие формы в общей грамматике называются супином):

ӧд теңри йашар киши оғлы қоп ӧлгели тӧрӱмиш (КТ50) 'Бог времени живет (вечно), люди все рождены, чтобы умереть';

сыңар сӱси эбиг барқығ йулғалы барды сыңар сӱси сӱңӱшгели келти (БК32) 'половина их войска пошла грабить наши становища, (другая) половина пришла, чтобы сразиться (с нами)'.

ашанғалы тӱшӱртӱмӱз (Тон$_{27}$) ‘чтобы [лошади] могли подкормиться, мы спешивались’.

Деепричастия

Деепричастие – нефинитная форма глагола, предназначенная для передачи второстепенного действия. В тюркских языках деепричастия – неличные формы, за исключением нефинитной условной формы. Деепричастие не обладает независимой от главного действия временной отнесенностью, но выражает фазовую сопряженность с ним: оно обозначает либо предшествие, либо одновременность главному действию. Аналогичным образом решается вопрос о субъектной сопряженности деепричастия как второстепенного глагола: оно преимущественно связано с субъектом главного действия, но возможны и разносубъектные конструкции, когда у деепричастия свой субъект, отличный от субъекта главного сказуемого.

При общем соотношении: деепричастие – неглавное действие, спрягаемая глагольная форма – главное действие, – между ними в структурах конкретных предложений образуется различная степень взаимодействия от полностью независимого, самостоятельного действия, выражаемого деепричастной формой одновременно или предварительно по отношению к действию главного сказуемого, до тесной семантической сопряженности обоих действий, включенности второстепенного действия в главное действие, при которой второстепенное действие качественно характеризует главное действие, сближаясь в этом отношении с наречием.

Контекстными условиями, при которых деепричастие адвербиализуется (переходит в наречие), является невыраженность или же только формальная выраженность в предложении собственных для деепричастия объектных и

обстоятельственных распространителей, тогда как наличие собственных второстепенных членов предложения, способствующих созданию вокруг деепричастия совершенно самостоятельной ситуации, обычно предваряющей по времени ситуацию вокруг главного сказуемого, делает деепричастие максимально глагольным, выражающим процессуальность. Разница в этом случае между деепричастием и спрягаемой финитной формой не семантическая, а формально-грамматическая: у деепричастия нет самостоятельного модально-временного плана и субъектного отношения, какими обладает лично-спрягаемая форма наклонения и времени, т.е. теми семантическими сущностями, что позволяют этой форме функционировать в качестве коммуникативно полноценного сказуемого предложения. В этом последнем случае деепричастие выполняет роль своеобразного «грамматического местоимения», или формально-грамматической анафоры, указывающей: "о моих коммуникативных характеристиках – наклонении / времени / лице, – следует судить далее, по главному сказуемому".

В языке орхоно-енисейских памятников функционировало несколько деепричастий. Формы на *-у/-ӱ*, *-ы/-и*, *-а / -е* относятся к старейшим общетюркским показателям. Хотя они семантически равнозначны друг другу, передавая в зависимости от контекста либо одновременность, либо предшествие времени главного сказуемого, в грамматиках рассматриваются как не вполне тождественные, либо даже самостоятельные.

Деепричастие на *-у/-ӱ*. Контекст не всегда указывает, отражает ли данное деепричастие предшествующее или же одновременное главному сказуемому действие. Примеры.

Буны көрӱ билиң беӈӱ таш тоқытдым (КТ$_{66}$) 'глядя на эту (надпись), знайте: я водрузил (этот) вечный ка-

мень'; (вариант перевода: поглядев на эту надпись, знайте...); *қадашым эрен эңлейӱ йоғлады* (Е-42$_3$) 'мои сородичи-мужи, стеная, справили тризну'. В обоих примерах деепричастие передает обстоятельственную характеристику главного сказуемого, оставаясь отдельным, самостоятельным действием.

Деепричастие на *-а / -е*. Обычно считается слитным (одновременным) деепричастием, однако есть примеры передачи и предшествующего действия: *алтун йышығ аша эртиш ӱгӱзиг кече йорыдым* (БК$_{27}$) 'перевалив Золотую чернь, перейдя реку Иртыш, я ходил (в тот же год на тюргешей)'; *буңқа тура беңкӱ тикер мен* (Е-48$_{14}$) 'пребывая в горе, я воздвигаю (нынче этот) вечный памятник.

Деепричастие на *-йын*. Обозначает одновременность действия с главным сказуемым. Почти все примеры на употребление этого деепричастия – форма *тейин ~ тийин* 'говоря, сказав' (от глагола *те- ~ ти-* 'говорить, сказать'), замыкающая прямую речь: *ташра йорыйур тийин кӱ эшидип* (КТ$_{12}$) '[люди], услышав весть о том, что [мой отец-каган] вышел за пределы (своего кочевья)'; *ӱкӱш тейин қорқмадымыз* (Тон$_{40-41}$) 'того, что их много, мы не испугались.

В подобном синтаксическом использовании форма *тейин* фактически уже грамматизовалась, превратившись в союзное слово «о том, что; то, что; так, что». Вместе с тем, есть пример, когда данная форма выступает в первоначальной своей функции деепричастия – в составе аналитической формы невозможности:

сақынтым: «торуқ буқалы семиз буқалы ырақда бӧлсер семиз буқа торуқ буқа тейин билмез эрмиш», – тейин анча сақынтым (Тон$_{5-6}$)'Я подумал: тот, кто издалека способен различить тощих и жирных быков, не может сказать на жирного быка – тощий бык, – так я размышлял'.

В примере – два слова *тейин*. Второе *тейин* является цитатным союзным словом; в данном случае у него в русском переводе даже нет своего эквивалента, поскольку в тексте есть еще одно слово ‘так’ – *анча*. Первое *тейин* является полнозначным глаголом составной аналитической конструкции: “сказать не может”.

В орхонских и енисейских текстах всего два-три примера с аффиксом *-йын* от других глаголов, толкование которых как форм рассматриваемого деепричастия многими специалистами отмечается как недостоверное: *түрк бодун қанин болмайин табғачда адырылты, қанланты* (Тон$_2$) ‘тюркский народ, не имея собственного хана, отделился от Китая, обзавелся ханом’ (см. подробнее выше, с.73-74).

Наиболее вероятным объяснением показателя *-йын* является следующее: первичное деепричастие на *-ы* с заградительным (протетическим) *й*, поскольку форма фиксируется только после основ на гласные, + афф. орудно-совместного падежа *-н* (как в ряде других деепричастных форм, см. ниже: *-матын*, *-пан*).

Форма на *-ып/-ип*. Данное деепричастие практически всегда передает предшествующее действие, примеры: *қанын қодуп табғачқа йана ичикди* (Тон$_2$) ‘свергнув своего хана, ты снова подчинился китайцам’; *қаңым қаған ... илгеру қурығару сүлеп тирмиш қубратмыш қамуғы йети йүз эр болмыш* (КТ$_{12}$) ‘мой отец-каган, поведя войска на восток и на запад, (после чего) собравшихся и сплотившихся стало всего семьсот мужей-воинов’ (субъект при деепричастии иной, нежели при главном глаголе).

Форма на *-пан/-пен*. Считается разновидностью деепричастия на *-ып/-ип*, образованной с помощью совместно-орудного падежа на *-н* (как в деепричастиях на *-йын*, см. выше, и *-матын*, см. ниже); так же, как и деепри-

частие на *-ып/-ип* выражает предшествие действия главному сказуемому. Примеры.

Төрт булуң қоп йағы эрмиш, сӱ сӱлепен төрт булуңдақы бодуныг қоп алмыш (КТ$_2$) 'все четыре страны света были (им) врагами, поведя войска, они подчинили народы всех стран света'.

Илинде қара қанқа барыпан йалабач барыпан келмединиз бегимиз (Е-30$_{4-5}$)'из своего государства отправившись к Кара-хану, отправившись послом, Вы не вернулись, мой бек!'

Деепричастие на *-маты//-матын* является отрицательной формой сразу нескольких деепричастий: на *-у/-йу*, на *-п/ -ып*, на *-пан/ -ыпан*; по мнению некоторых тюркологов, конечное *-н* в *-матын* является приросшим показателем орудно-совместного падежа. Передает значение одновременности действия с главным сказуемым. Примеры.

түн удыматы күнтӱз олурматы ... исиг күчиг биртим ök (Тон51-51) 'не спав по ночам, не зная покоя днем ... (столько) я отдал трудов и сил '

бунча исиг күчиг биртӱкгерӱ сақынматы Түрк бодун ... (КТ$_{10}$) 'Тюркский народ, не думая отдавать столько трудов и сил, ...';

игидмиш қағаныңын сабын алматын йир сайу бардыг (КТ62) 'не внимая речам своего кагана, ты бродил по всем странам'

элим өкүнчүңэ қалын йағықа қайматын тегипен айрылдым (28$_5$) 'к скорби моего государства, не взирая на многочисленность врагов, вступив в схватку, я разлучился (с этим миром)'.

Аналитические формы глагола, выражающие категории способа действия и возможности / невозможности

Включенность второстепенного действия, выражаемого деепричастием, в главное действие глагола-сказуемого может принимать крайний характер, когда это уже не два самостоятельных, а фактически одно действие. Это становится возможным в случае, когда лексическое значение главного глагола, стоящего в постпозиции, опустошается, обобщается до указания на характер и какие-либо особенности протекания действия, становясь модификатором глагольного сочетания; характеризуемым действием, т.е. главным сказуемым предложения становится препозитивный глагол, находящийся (по модели для второстепенных действий) в форме одного из деепричастий – на *-a/-e*, *-ы/-и*, *-у/-ӱ* или *-ын/-ин*. Так образуются сложно-составные аналитические формы различного категориального статуса.

Категория способа действия. Одна из таких категорий – лексико-грамматическая категория способа действия. Грамматизованными модификаторами выступают разнообразные глаголы активного действия или состояния, каждый из которых придает сочетанию вполне определенное дополнительное значение или значения.

1) *бер-* ‘давать’ – указывает, что основное действие осуществляется в пользу другого лица или лиц: *түрк бодуның илин төрӱсин тута бирмиш ити бирмиш* ($КТ_1$) ‘они (первые каганы) поддерживали и устраивали государство и законы народа тюрков’; субъект речи, или говорящий применением аналитичекой формы на *-a/-ы бир-* старается подчеркнуть, что первые каганы действовали в интересах других лиц, т.е. народа, однако такой смысловой оттенок в русском переводе передать не удается.

2) *бар-* ‘уходить’ – указывает, что основное действие производится в направлении от субъекта, либо на на нарастание действия и полное его прекращение: *опа барсым адырылу барды* (Е-28$_9$) ‘мой Опа Барс отделился (совсем)’; *түрк бодун ... йоқаду барыр эрмиш* (КТ$_{10}$) ‘тюркский народ стал (все более и более) исчезать’.

3) *олур-* ‘сидеть’ и *йоры-* ‘ходить’ – указывают на длительный или постепенный характер основного действия: *сүңүг батымы қарығ сөкүпен көгмен йышығ тоға йорып қырқыз бодуныг уқа басдым* (БК$_{26-27}$) ‘прокладывая дорогу в снегу глубиной с копье, я (с войском) перешел (постепенно) Кёгменскую чернь, на кыркызов я напал врасплох’.

4) *кел-* ‘приходить’ – указывает на завершенность основного действия с оттенками приближения субъекта к месту действия и внезапности передвижения: *үч оғуз сүси баса келти* (БК$_{32}$) ‘войско (племенного объединения) Трех огузов внезапно напало’.

5) *қал-* ‘оставаться’ – передает неожиданный или неблагоприятный характер основного действия: *өлүги йуртда йолта йату қалтачы эртигиз* (КТ$_{49}$) ‘мертвые валялись бы по дорогам и становищам’ (оттенок “неблагоприятности” передается в русском переводе стилистически, заменой глагола «лежали» на «валялись»).

6) *ыд-* ‘посылать’ – передает направленность действия в сторону от субъекта: *түрк бодун илледүк илин ычғыну ыдмыш* (КТ$_6$)‘тюркский народ потерял созданное (им) государство’.

7) *көр-* ‘видеть’ – указывает на попытку совершения действия: *йелү қөр* (Тон$_{26}$) ‘попытайся отправиться’

Категория возможности/невозможности. В древних тюркских языках прослеживается остаточное уже для того времени употребление глагола *у-*, с семантикой, определяемой как ‘мочь, быть в состоянии’ (ДТС, 603) или

'иметь силу, быть в силах' (ЭСТЯ I, 570). В нескольких случаях этот глагол встретился в отрицательной форме и только один пример на положительный аспект: *түрк бодун илиңин төрүгин кем артаты удачы эрти* ($БК_{19}$) 'тюркский народ, кто смог бы разрушить твое государство, твои законы?'.

В отрицательной форме *ума-* глагол *у-* выражал отрицание возможности осуществления действия, т.е. его невозможность: *итину йаратуну умадык йана ичикмис* ($КТ_{10}$) 'не сумев устроить свою жизнь (тюркский народ) снова подчинился (табгачам)'; *үч оғланымын улға[д]туру умадым* (Е-59_3) 'трех своих сыновей я не сумел вырастить'.

Прилагательное

Прилагательное – часть речи, объединяющая слова адъективной (признаковой) семантики, которые способны характеризовать предметы или предметные понятия (субстантивы), но не действия: *эдгү* 'хороший', *аңығ* 'плохой', *бай* 'богатый', *чығаң* 'бедный', *түз* 'ровный; *перен.* верный', *йинчге* 'тонкий', *йоғун* 'толстый', *ырақ* 'далекий', *йағуқ* 'близкий', *улуғ* 'великий', *кичиг* 'маленький', *бедүк* 'большой, высокий', *торуқ* 'тощий, худой', *семиз* 'жирный', *йағыз* 'бурый', *қызыл* 'красный', *йашыл* 'зеленый' и т.д. Подобные слова уже для эпохи древнетюркских памятников могут считаться морфологически непроизводными (простыми, корневыми), хотя этимологический анализ способен открыть в них опростившиеся (приросшие к корню) аффиксальные части: *-гү* в *эдгү*, *-қ/-к* в *ырақ*, *торуқ* и *бедүк*, *-ғ/-г* в *аңығ*, *улуғ*, и *кичиг*, *-з* в *семиз* и *йағыз*, *-л* в *қызыл* и *йашыл* и т.д.

В древнетюркском и современных тюркских языках прилагательные не присоединяют к себе никаких подчинительных или согласовательных морфологических пока-

зателей, соподчиняясь с определяемыми существительными аморфно-аналитически, т.е. как неизменяемые слова, в чем тюркские прилагательные (в отличие от русских) схожи с наречиями.

В древнетюркский период от имен существительных начали образовываться различные по составу функциональные формы адъективной семантики, которые в последующие эпохи развития тюркских языков стали широко применяться и превратились в словообразовательные модели относительных прилагательных:

а) формы с аффиксом *-лығ*, передающие признак обладания предметом, обозначенным производящей именной основой: *тонлығ* ‘имеющий одежду’ → ‘одетый’, *еллиг* ‘обладающий государством’, *күлүг* ‘обладающий славой’ → ‘славный’, *азығлығ* ‘имеющий зубы-клыки’ → ‘клыкастый’;

б) формы с афф. *-сыз*, антонимичные формам с афф. *-лығ*, т.е. передающие признак необладания предметом выраженным производящей именной основой: *қаңсыз* ‘без отца’, *өгсүз* ‘без матери’ → ‘сирота, сиротский’, *буңусуз* ‘без печали’ → ‘беспечальный’.

в) формы с афф. *-қы/-ки*, *-ғы/-ги* , образованные от имен в основном, направительном на *-ра*, а также – чаще всего, в местном падеже и передающие признак местоположения или отнесенности к предмету, выраженному в производящей основе: *чөлги* ‘относящийся к степи’ → ‘степной’, *табғачғы* ‘относящийся к табгачам (китайцам)’ → ‘китайский’, *ичреки* ‘находящийся внутри’ → ‘внутренний’, *өңреки* ‘находящийся впереди, на востоке’ → ‘восточный’, *балықдақы* ‘находящийся в городе, городах’ → ‘городской’, *теңридеки* ‘находящийся на небе’ → ‘небесный’, *қуйдақы* ‘находящийся в женских покоях (супруги)’ → ‘супружеский’.

Наречие

Наречие – часть речи, объединяющая адвербиальные (обстоятельственные) слова, которые служат для качественной или количественной характеристики слов адъективных (определительных) – глагола и прилагательного. Помимо этих двух признаков – семантического (быть обстоятельственной характеристикой) и синтаксического (быть связанным с глаголом или прилагательным) – наречие почти лишено третьего важного признака, формирующего облик любой части речи, – морфологического: во-первых, у него практически нет собственных частных словоизменительных категорий (кроме сравнительной степени, образуемой не во всех тюркских языках, а там, где они образуются – они производятся не от всех групп наречий); во-вторых, у наречия почти нет собственных словообразовательных средств. Последнее связано с тем, что наречие сложилось как отдельный класс слов за счет самопроизвольной изоляции и перехода отдельных форм слов из состава существительных, прилагательных и глаголов и сближения их с другими словами обстоятельственной семантики.

Наиболее обычным способом образования качественных наречий, сохраняющимся в современных тюркских языках, является транспозиция (переход) в наречие качественных прилагательных без какого-либо морфологического изменения: *эдгү* ‘хороший’→ *эдгү* ‘хорошо’, *аңығ* ‘плохой’ → *аңығ* ‘плохо’, *йадағ* ‘пеший’ → *йадағ* ‘пешком’, и т.д. Этот способ называется конверсией, он является характерным для агглютинативных языков, в частности, для тюркских и монгольских; для изолирующих (аналитических) языков, типа китайского; для такого языка, как современный английский, который в отличие от чисто флективного на древней стадии своего развития

к современной эпохе во многом утратил черты флективной морфологии и превратился в язык в значительной степени аналитический.

Фактически способом транспозиции осуществлялся в древнетюркском языке переход в наречия отдельных словоформ существительных (в локативных падежах) и глаголов (в форме деепричастия), которые изолировавшись от своей части речи, становились неизменяемыми словами-наречиями.

В роли обстоятельственных наречий – изолированные падежные формы существительных с показателями: древнего направительного падежа на *-ра* и на - *гару – асра* 'внизу', *ташра* 'снаружи', *ичре* 'внутри', *өңре* 'впереди/на востоке', *илгерӱ* 'вперед/на восток';

б) формы местного падежа на *-та* и исходного на *-дын – анта* 'там', *бунта* 'здесь', *қурыдын* 'сзади; с запада';

в) формы орудно-совместного падежа на *-ын* и продольно-уподобительного на *-ча* (подробнее см. выше, с. 281-82).

Наречия – изолированные формы деепричастий на *-а/-ы/-у*: *йана* 'снова', *уду* 'вслед', *тӱкети* 'полностью, целиком' (← *тӱкет-* 'завершать'),

Наречие в древнетюркском языке имело лишь одну, собственную форму словообразования с показателем *-ты/-ти* от прилагательных, чаще – качественных: *эдгӱти* 'хорошо' (← *эдгӱ* 'хороший'), *қатығды* 'твердо' (← *қатығ* 'твердый'), *йарықлығды* 'вооруженно, будучи вооруженным, в кольчуге'.

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВ,
рассмотренных в книге (цифры – номера страниц)

Ағы ‘шелковая ткань’, ‘дар, дары’ *135.*

Адырыл- ‘отделяться, разлучаться’, *перен.* ‘умирать’ *73, 194.*

Аз ‘мало’, ‘малый, малочисленный’ *144.*

Аз ‘азы’ (название народа); *Чӧлги аз* ‘степные азы’ *91.*

Азыш- взаимн. от *азы-* ‘переставать видеть и слышать’, *перен.* ‘умереть’ *255.*

Ай ‘луна’, ‘месяц (*отрезок времени*)’ *188, 210.*

Ай ‘сказать, сообщить’ *162.*

Айғучы ‘советник’ *88.*

Айыта ‘прискорбно’ *188.*

Ақ ‘белый’, ‘лошадь белого цвета’ *130.*

Ақуз ‘несчастный случай, неожиданная смерть’ *255.*

Ақыт- ‘заставлять течь’, *перен.* ‘послать летучий отряд’ *129.*

Алқан- ‘воздавать хвалу’, ‘молиться’ *215.*

Алқын- ‘исчезать, погибать, умирать’ *74.*

Алп ‘храбрый, отважный’ *98.*

Алтун ‘золото’, ‘золотой’ *195*

Алтун Соңа йыш ‘золотая Сонгайская чернь’ *212*; то же, что *Соңа йыш*, см.

Алты ‘шесть’; *Алты бағ бодун* ‘народ Шести уделов’ *232, 235*; *Алты бодун* ‘народ Шести [уделов]’ *231*; *Алты Чуб Согдақ* ‘шесть округов согдийцев’ *128.*

Алты йегирми ‘шестнадцать’ *202.*

Андағ ‘такой, таков’ *217.*

Анча ‘такой, таков’ *198.*

Апар см. *Пар(с).*

Ар- ‘обманывать’ *135.*

Арқуй қарғу ‘сигнальная сторожевая башня в горах’ *101.*

Арқыш тиркиш – парн. караваны *137.*

Армақчы – лгун, обманщик *120.*

Арт- ‘прибавляться, возрастать (в количестве)’, ‘размножаться (о животных)’ *203, 212.*

Артуқ ‘бóльший, больше’ *88.*

Ат I ‘имя’, ‘звание, титул’, ‘прозвание’; *атым* ‘мое имя’ *189, 232.*

Ат II ‘конь, лошадь’.

Ат- ‘бросать, кидать’, ‘стрелять’ *203.*

Ата- ‘давать (*имя, звание, титул*)’, ‘назначать (*на должность с соотвествующим званием*)’*159.*

Ачығ ‘горький; горько; горечь’ *194.*

Ачығ-а (зват. от *ачығ*) ‘о, горечь’, ‘о, как горько’ *193.*

Аш- ‘переходить, перевалить (*через горы или нагорье*)’ *94.*

Аша- ‘есть, кушать’ *95.*

Бағ ‘завязка, узел, связка’, ‘то, что вместе связано: узел (*товара*), вязанка, кипа, сброшюрованный пачкой раздел книги, ‘связанные союзными отношениями территории (*уделы, области*) государства’ *207, 232, 236.*

Баз ‘подчиненный, покоренный’ *115.*

Балбал – ритуальный камень, символизировавший убитого врага *124.*

Барқ ‘здание, сооружение’ *170.*

Бат- ‘погружаться (*в жидкое, вязкое*)’ *162, 215.*

Батым – мера глубины, равная однократному погружению какого-л. предмета *142.*

Башла- ‘начинать’, ‘возглавлять’.

Башлайу ‘в начале, во главе’ *124.*

Башлығ ‘имеющий голову’ *115.*

Бег ‘князь, бек’; *бегли бодунлы* ‘и беки, и народ’ *120.*

Бегичем – уменьшит.-ласкат. форма на *-ча/-че*, букв.: "мой беюшка" *202.*

Беңкӱ 'вечный', 'памятник' *207.*

Бер- 'давать' *80.*

Берийе 'направо', 'на юг' *81.*

Беш 'пять', 'на юг' *81*; *беш қырқ* 'тридцать пять' *195.*

Бизни – 'нас' (винит. пад. от *биз* 'мы') *88.*

Билге 'мудрый' *72, 98.*

Бин- 'садиться (*на коня и пр.*)' *130.*

Бинтӱр- (побуд. от *бин-*) 'приказать *кому-л.* сесть на лошадь', 'посадить *кого-л.* верхом', 'нагрузить (*лошадь, др. животное поклажей*)' *93.*

Битит- (побуд. от *бити-*) 'заставить, приказать писать, диктовать' *104.*

Боғра 'верблюд-производитель'; *имя собств. 227.*

Бод I 'племя, род, скопление людей' *169.*

Бод II 'тело, туловище', *перен.* 'племенная организация' *169.*

Бодун 'народ' *125, 216.*

Бойла баға тарқан – официальный титул Тоньюкука *80.*

Бол- 'быть, становиться' *73, 81.*

Бошан- (возвр. от *боша-*) 'освободиться (*самому/для себя*)' *165.*

Бӧгӱ 'мудрый; мудрец' *99.*

Бӧдке (< *бӱ ӧдке*, см. *Ӧд*) 'сейчас' *133.*

Бӧк- 'насыщаться (*жирной пищей*), наедаться (*досыта*)', *перен.* 'насытиться, насладиться (*жизнью*)' *188, 202.*

Бӧл- 'делить, отделять', 'отличать, различать, размежевывать, подразделять' *77.*

Буйруқ 'приказной, тот, кому приказывают, тот, кто проводит приказы кагана в жизнь, военный или гражданский управитель' *116.*

Буйур- ‘приказывать, повелевать’.

Булғанч ‘смута’ *88.*

Булуң ‘угол (*внутренний*)’ *115.*

Буң ‘печаль, скорбь, страдание, тягость’.

Буң-а (зват. от *буң*) ‘о, печаль’, ‘о, как печально’ *193.*

Буңад- ‘горевать, огорчаться’ *95.*

Игил ‘простой’ *162.*

Иди I ‘хозяин, владетель, властитель’ *115, 135.*

Иди II то же, что *Эди,* см.

Икиз ‘близнец’ *216.*

Ил (то же, что *Эл,* см.) ‘государство (союз племен, образующий государство)’ *150, 217*; *ил тут-* ‘управлять государством’ (букв.: “держать (в руках) государство” *134.*

Ини ‘младший брат’ *211.*

Инген ‘верблюдица’; *инген йӱки* ‘верблюжий вьюк’, *перен.* ‘большой груз’ *211.*

Илез ‘горе, страдания’ *212.*

Ир ‘солнечная сторона горы’ *165.*

Исигти қутай – ?; см. *қутай* ‘шелковая материя’ *135.*

Ит- (то же, что *Эт-*, см.) ‘устраивать, упорядочивать’ *116.*

Иш (то же, что *Эш,* см.) ‘друг, товарищ, сподвижник’, ‘союзник’ *170.*

Ичи (то же, что *Эчи,* см.) ‘старший брат’, ‘младший брат отца’ *211.*

Ичгир- (побуд. от *ичик-*) ‘подчинять’ *145.*

Ичик- ‘подчиняться, покоряться’ *73.*

Йаблақ ‘плохой’, ‘подлый, низкий’ *123.*

Йақ- ‘приближаться’ *75.*

Йағы ‘враг, неприятель’ *102*, ‘война, сражение, битва’ *207.*

Йағычы ‘воинственный’, ‘воитель, воин’ *98.*

Йағу- ‘приближаться’ *135.*

Йағут- (побуд. от *йағу-*) ‘приближать’ *135.*

Йадағ ‘пешком’ *74.*

Йазуқ ‘грех’.

Йазуқлығ ‘грешный’

Йақа ‘воротник’, ‘край, окраина, граница’ *168.*

Йақала- ‘установить, провести границу’ *168.*

Йалабач (< иран.) ‘посланник’ (*в обычном и религиозном смысле*) *218.*

Йан- ‘возвращаться’ *101*; *йана түш-* ‘стремительно *или* внезапно возвратиться’ *171.*

Йантақы ‘находящийся сбоку’ *95.*

Йаңы ‘новый’; ‘новолуние’ *158.*

Йаңыл- ‘ошибаться’, ‘совершить проступок’ *141.*

Йара- ‘годиться, подходить; быть к лицу, быть приятным’ *90.*

Йаруқ ‘свет, луч’ *162.*

Йарық ‘кольчуга, панцирь; оружие’*102.*

Йарықлығ ‘в кольчуге, с панцирем; *или*: вооруженная (рука)’

Йарықлығды ‘вооруженно, будучи вооруженным, в кольчуге’ *102, 128*?

Йаш ‘год (возраста)’ *244.*

Йе- ~ йи- ‘есть, кушать’ *84.*

Йег ‘хороший; хорошо’; ‘лучший; лучше’ (*в сравнит. обороте*) *90, 204.*

Йел- ‘скакать, мчаться (*на конях*)’;

Йелме ‘подвижной отряд конников’ *101.*

Йелтүр- (понуд. от *йел-*) ‘заставлять налетать, наскакивать’, (при отриц.) ‘не позволять, не давать возможности налетать, наскакивать’ *102.*

Йер ‘земля’, ‘место’.

Йет- I ‘достигать’ *163.*

Йет- II ‘вести’ *94.*

Йети ‘семь’; *йети йигирми* ‘семнадцать’ *98.*

Йиг (то же, что *Йег*, см.) ‘хороший; хорошо’, (в сравнит. обороте) ‘лучший; лучше’ *133.*

Йир (то же, что *Йер*, см.) ‘земля’, ‘место’ *135.*

Йоғ ‘поминальный обряд, поминки, тризна’ *198.*

Йоғчы ‘участвующий в тризне, траурном поминальном пире’ *118.*

Йокла- ‘замечать, чувствовать отсутствие, потерю (*кого-чего-либо*)’, ‘тужить о потере, тосковать (*о ком-чем-либо*)’ *197.*

Йоңашур- ‘заставлять клеветать друг на друга, натравливать’ *120.*

Йубал- ‘катиться, скатываться’ *94.*

Йуғур- ‘месить (*тесто, глину*)’ *94.*

Йул- ~ *йол-* ‘вырывать, выдергивать’, *перен.* ‘отнимать, грабить’ *162.*

Йурч ‘младшие родственники со стороны жены’ *128.*

Йўгўр- ‘бежать’, ‘течь’ *100.*

Йўгўрт- ‘заставлять бежать, убегать’, ‘угонять’ *102.*

Йўкўн- ‘склонять (*голову*), поклоняться’ *97.*

Йўрў- ‘ходить, передвигаться’ *215.*

Йырайа ‘назад’, ‘на запад’ *81.*

Кейик ‘дикий (*о животных и растениях*)’ *83.*

Кел- ‘приходить, приезжать, прибывать’, (*при отриц.*) ‘возвращаться’ *218.*

Кергек бол- ‘скончаться, умереть’ *118.*

Кеч- ‘переходить, переправляться (*через что-л.*)’, ‘пройти (*реку до верховьев*)’ *92.*

Кеш ‘колчан’ *195.*

Кикшўр- ‘вызывать вражду, ссорить’ *120.*

Кини-м родств. термин (невестка?) *247.*

Киси ‘женщина’ *206.*

Киши ‘человек’ *75, 206.*

Көк Түрк – '«голубые» тюрки' *или* 'коренные тюрки' (?) *115.*

Көрүг 'соглядатай, шпион' *86.*

Кӱ 'слава' *125.*

Кӱлиг 'славный' *223.*

Кӱмӱл-өге 189, 232.

Күн 'солнце' *188.*

Күлиг 'славный, знаменитый' *223.*

Қабыш- 'объединяться, соединяться, сходиться' *88.*

Қаған 'каган' *99.*

Қадаш 'родственник (*кровный*), родич', 'брат' *193.*

Қадын 'тесть' *223.*

Қадыр 'суровый, жестокий, лютый, свирепый' *206.*

Қазған- 'добывать, приобретать', 'захватывать добычу (*на войне*)' *103, 206.*

Қай- 'поворачивать (*назад*), оборачиваться'; *перен.* 'обращать внимание' *211.*

Қалықтық – имя собств. *231.*

Қан 'хан'; *қаным* 'мой хан' *186.*

Қаң 'отец' *243.*

Қапаған қаған – тронное имя кагана (гг. правл. 691-716), мл. брата Ильтериш-кагана и дяди Бильге-кагана *99.*

Қара Қум – назв. местн. (восточн. часть пустыни Алашань – ?) *82.*

Қарған- (возвр. от *карға*) 'проклинать, ругать (*себя*)' *197.*

Қасар Қур (*Қасар Қурдан – ?*) – назв. местн. *166.*

Қач 'сколько?' *88.*

Қобрат- 'собирать' *154.*

Қод- 'ставить, класть', 'оставлять, покидать, прекращать' *162.*

Қуз 'часть горы, не освещаемая солнцем' *82.*

Қуй ‘женская половина дома, женские покои’– перевод условный, *206*; обычно в выраж.: *қуйда қунчуй* ‘супруга в женских покоях’ *206, 238.*

Қул ‘раб (*мужчина*)’ *162.*

Қунчуй (< кит. “принцесса”) ‘супруга, жена знатного лица’ *193.*

Қут ‘счастье, удача’ *175.*

Қутлуғ ‘счастливый, удачливый’ *175.*

Қутай ‘шелковая материя’ *135.*

Күлиг ‘славный, знаменитый’ *223.*

Күң ‘рабыня (женщина)’ *162.*

Күт- ‘пасти (*скот*)’, ‘охранять’, ‘ждать’ *164.*

Қыйын ‘наказание’ *162.*

Қыл- ‘делать, создавать’ *113.*

Қылын- (возвр. *и* страдат. от *қыл-* ‘делать’) ‘делаться, образовываться, появляться, возникать’ *и* ‘быть сделанным, быть созданным’ *72, 113.*

Қырқ ‘сорок’ *195.*

Қырқыз ‘(древние) кыркызы’ – назв. народа и гос-ва на терр. совр. Хакасско-Минусинской котловины *144.*

Қыс- ‘давить’ *76.*

Мун- ‘заблуждаться, ошибаться, сбиваться с пути’ *215.*

Мунығ ‘заблудший’, ‘согрешивший, грешник’ *215.*

Не ‘что?’.

Нең ‘вещь, предмет’, ‘нечто’ *88.*

Оғлан ‘юноша’ *189, 232.*

Оғрағ ‘цель, намерение’ *93.*

Оғрақлат- (побуд. от *оғрақла-*) ‘приказать (*командирам*) поставить (*перед людьми*) цели, задачи’ *93.*

Олғур- ‘посадить’ *101.*

Олур- ‘сидеть’, ‘иметь местопребывание, жить’ *82, 84, 100.*

Оқ ‘стрела’; *перен.* ‘союзные племена, члены племенного союза’ *115.*

Оқсыз – букв. “без стрелы”, перен. “без племенной организации” называли составные части союза племен) *115.*

Он ‘десять’ *210.*

Он Уйгур – название племенного союза *153.*

Оң (< кит. *ван*) ‘князь, правитель области, губернатор’ *128.*

Опа Барс – собств. имя мемориантa Е-28 *213.*

Отуз ‘тридцать’ *207.*

Ӧ- ‘думать, размышлять’.

Ӧг I ‘мать’ *209.*

Ӧг II ‘ум’.

Ӧге ‘мудрый; мудрец’; титул правителя небольшого государства *232, 244.*

Ӧгсӱз ‘сирота’ (*букв.* без матери) *210, 245.*

Ӧгсӱз ақ – кличка коня Кюль-тегина *130.*

Ӧглеш- ‘размыслить, рассудить’ *88.*

Ӧд ‘время’; *бу ӧдке* ‘в это время, к этому времени, сейчас’ (см. *Бӧдке*) *133.*

Ӧз ‘сущность; сам’; ‘сердцевина, нутро’; *ӧзде оғул* ‘родные сыновья’ *239.*

Ӧкӱн- ‘сожалеть, раскаиваться, досадовать’ *211.*

Ӧкӱнч ‘сожаление, досада’ *211.*

Ӧл- ‘умирать’ *136.*

Ӧлӱр- ‘убивать, истреблять’ *88.*

Ӧңре ‘вперед’, ‘на восток’ *81.*

Ӧрпен – назв. местн. на Верхнем Енисее (совр. тув. *Урбун*) *144.*

Ӧтӱкен йыш – назв. местн. (нагорье Хангай в Средней Монголии) *133.*

Пар(с) ‘Персия (Иран)’ или *(а)пар* ‘авары’ - ? *118.*

Пурум (< тибет. *Фурум* < визант. *Урум*) ‘Рим (западный) = Византия’ *118.*

Саб (в рунич. текстах) ~ *сав* (в др.-уйг. текстах) ‘слово, речь’ *86, 89 135.*

Селеңе ‘р.Селенга’ (места обитания др. уйгуров по 840 г.) *118.*

Семиз ‘жирный’ *77.*

Сениңиз (*сен* ‘ты’ + афф. принадл. 2 л. множ. числа *-иңиз* ‘ваш’) “Вы, Вас” *197.*

Соңа йыш ‘Сонгайская (*или*: Сунгайская) чернь’ (древнее название Хакасско-Минусинской котловины) *142, 212.*

Сök- ‘распарывать (*по шву*)’, ‘прокладывать себе дорогу; пробираться; переправляться; проезжать *через что*; проходить; пересекать’ *93.*

Сӱ ‘войско’; *сӱ сӱле-* ‘выступить войском (в поход, на войну)’ *122.*

Сӱңӱг ‘копье’ *142.*

Сӱңӱш ‘сражение, битва’*122.*

Сығта- ‘оплакивать покойника’; *перен.* ‘выражение соболезнования’ *118.*

Сығыт ‘плачи по покойнику’; *перен.* ‘выражение соболезнования’ *118.*

Сығытчы ‘плакальщик, -ца’, ‘тот, кто прибыл выразить соболезнования’ *118.*

Табғач ‘Китай’, ‘китайский’; *Табғач Оң тутуқ* ‘китайский князь-губернатор’ *128* (см. *Оң*).

Табышған ‘заяц’ *83.*

Тардуш ‘тардуши’ (название народа) *165.*

Тарқан, ‘тархан’ (название должности – сборщик налогов, – и титула, даваемого этой должностью) *80.*

Тарқан- ‘расходиться, разбредаться’ *88.*

Тарқанч ‘разброд’ *88.*

Тарқат (множ. ч. от *тарқан*) ‘тарханы’ *133.*

Таш ‘камень’, *перен.* ‘памятник’ *234.*

Таш- ‘переливаться через край’, *перен.* ‘распространяться’ *212*

Ташық- ‘двигаться вовне, наружу (изнутри)’ *122.*

Теблиг күрлүг парн. ‘коварный, хитрый’.

Тег- ‘касаться’, ‘достигать’, ‘войти в соприкосновение с противником’, ‘вступить в схватку с врагом’ *211*

Тегзин- ~ тезгин- ‘вращаться, кружиться (*о колесе, голове, глазах чудовища и т.п.*)’, ‘обходить (*страны, земли*), странствовать’, ‘уходить (*в военный поход*) *и* возвращаться (*из него*)’ *217.*

Тегре ‘вокруг’, ‘то, что вокруг’ *84.*

Тегреки ‘находящийся вокруг, окружающий’ *84.*

Тегреш ‘то, что вокруг’, ‘окружающие (*местности*)’ *152.*

Тез ‘р. Тес ~ Тэс’, приграничная река, протекающая по терр. Монголии и Тувы *166.*

Теңри ‘небо, небеса’, ‘Божество-Небо, верховное Божество, Бог’ *80, 150, 175*; *теңриде болмыш* ‘на Небе ставший, возникший’, ‘от Неба произошедший’, ‘рожденный Небом’, ‘Неборожденный’ *160.*

Теңрим ‘боже мой’ *176.*

Теркен – название титула, даваемого правителю области *203.*

Тер- ~ тир- ‘собирать’; *тирү қобраты ал-* ‘собирать для себя’ *154.*

Терил- (страдат. от *тер-*) ‘собираться, скапливаться’ *96.*

Тизлиг ‘имеющий колени’ *115.*

Тоғ- I ‘рождаться’; парн.: *тоғмыш қылынмыш* ‘родился’ *72.*

Тоғ-II ‘подниматься’; *тоға йоры-* ‘подниматься (*длительно*)’ *142.*

Тоғдай ~ Тоғудай – назв. местности *204.*

Тоқуз ‘девять’; *тоқуз қырқ* ‘тридцать (сорок – ?) девять’ *228.*

Тоқуз Оғуз – название племенного союза *153.*

Торуқ ‘тощий’ *76.*

Тоқы- ‘бить, ударять’

Төгүнлиг ат ‘клейменные кони’ *102.*

Төк- ‘лить’ *100.*

Төлес ~ Төлис ‘тёлесы’ (*название народа*) *165*; *Төлес билге тутук бег* ‘бек, мудрый тутук тёлесов’ *202.*

Төртинлигү ‘вчетвером’ *212.*

Төрү ‘установления обычного права, законы’; *төрү ит-* ‘устраивать, упорядочивать законы’ *117*; *төрүг қазған- – букв.* ‘добывать, приобретать закон’, *перен.* ‘приобретать законное право на что-л.’, ‘делать законные приобретения’ *127.*

Ту- ‘закрывать, преграждать’ *90.*

Туғ ‘завал (*снежный*), запруда’ *90, 95.*

Турн'а ‘журавль’ *204.*

Тут- ‘держать; брать’

Тутуқ (< кит.) ‘военный правитель области (генерал-губернатор)’ *194.*

Түз- ‘ровнять’; *перен.* ‘приводить в порядок (*дела*)’ *134.*

Түзүл- (страд. от *түз-*) ‘упорядочиваться’ *134.*

Түкет- ‘завершать’ *133.*

Түкети ‘полностью’*133.*

У ‘сон’ *96.*

У- ‘мочь, быть в состоянии’ *92.*

Уд- ‘следовать’ *75.*

Уду ‘и, также’ *103.*

Удуз- (побуд. от *уд-*) ‘следовать’ с.75

Уды- ‘спать’ *89, 100.*

Удыш ‘следование, преследование’ *142.*

Уйар ‘могущественный’, ‘благородный (?)’ *223.*

Ула- ‘соединять, связывать’ *133.*

Улға[т]- ‘становиться большим, вырастать’ *250.*

Улайу ‘вслед, за’ *133.*

Улч ‘возможность; возможный’ *93*

Улуғ ‘старший, нáбольший в племени’; *улуғ бол-* ‘стать старым, стать старейшиной’ *104.*

Умай – имя богини-покровительницы женщин у тюркских народов *128.*

Уч- ‘лететь, улетать’; *уча бар-* (аналитич. ф. законч. действия) – эвфемизм ‘отлететь (*о душе*), умереть’ *123.*

Учук ‘хищная птица’ (?) *84.*

Ӱле-‘делить, распределять’ *136.*

Ӱлесик ‘часть, доля’, ‘подразделение’ *136.*

Ӱч элиг ‘сорок три’ *226.*

Ӱчегӱн – ‘втроем’ *88.*

Чик, Чик бодун – название народа, населявшего Верхнеенисейскую котловину (центр. часть нынешней Тувы), применявшееся древними тюрками и уйгурами (экзоэтноним) *143.*

Чоғай Кузы – назв. местн. (северные предгорья Ордоса) *82.*

Чубуч-ынал имя собств. и титул *189, 232.*

Шадапыт – название титула *133.*

Шег ‘падаль’ (?) *84.*

Ы ‘растительность’ *74, 94.*

Ыд- ‘посылать, отправлять’ *136.*

Ынағару ‘затем, после’ *158.*

Ынал – термин-гонорификатор (“человек знатного происхождения, высокородный”) *232.*

Ынан- ‘верить, доверять’ *196.*

Ынанч ‘доверие’ *196.*

Ынару ‘за, туда, дальше’ *158.*

Ырақ ‘даль, отдаленность; далекий; далеко’ *77.*

Ычғын- ‘терять’; *ычғыну ыд-* ‘совершенно, окончательно потерять’ *120.*

Эб ‘жилище, становище’; *эб барқ* парн. ‘жилища’ *170.*

Эбир- ‘поворачивать, вертеть’ *95.*

Эди ‘очень’, ‘совсем (*при отрицании*)’, см. также *Иди.*

Эзру[а] – (< согд.) бог Зерван, верховный бог в религиозной системе манихеизма *215.*

Эки ‘два’; *эки бағлығқа бег* ‘бек владения двух багов’ *234.*

Эл ‘государство (союз племен, образующий государство)’ *195; элим* ‘мое государство’ *186*; см. также *Ил.*

Элиг ‘пятьдесят’ *226.*

Элтебер – титул верховного правителя у некоторых тюркских народов *145.*

Элчи ‘государственный человек, представитель государства: посол, наместник’ *238.*

Элчи чор – имя собств. *240.*

Эл ынанчы – придворный чин: “доверенное” лицо правителя *196.*

Эр ‘мужчина, муж’, ‘муж-воин’, ‘воин княжеской дружины’ *189, 217, 232*; *эр ат* ‘мужское имя’ *243.*

Эр- ‘быть’ *198.*

Эрдем ‘доблесть’ *203, 215, 217.*

Эрдемлиг ‘обладающий доблестью’ *202.*

Эрен ‘мужи-воины’ *203.*

Эринч – приглагольная частица, выражает различные модальные значения: усиление утверждения, возможность, неожиданность *74.*

Эрклиг ‘владыка подземного мира’ *212.*

Эрле- ‘быть, стать мужчиной’, *перен.* ‘возмужать’ *210.*

Эсиз ‘жаль’ *188, 194* – модальная частица сожаления, выступает также в вокативных формах на *-а / -е* и с притяжат. афф. 1-го л. ед. ч. *-им* : *эсиз-е 188, 194, эсизим 188, эсизим-е 194.*

Эсни – ? *231*.

Эт- ‘устраивать, упорядочивать’, см. также *Ит-*.

Эчи ‘старший брат’, ‘младший брат отца’, см. также *Ичи*.

Эш ‘друг, товарищ’, ‘сподвижник’, ‘союзник’ *170*; см. также *Иш*.

Оглавление

Предисловие....3
Тема I: Тюркоязычный мир от древности до наших дней....5
Тема II: История открытия и исследования памятников тюркского рунического (орхоно-енисейского) письма 15
Открытие памятников на Енисее 15
Открытие орхонских памятников и дешифровка письма 17
Тема III: Состав и структура знаков орхоно-енисейского письма 19
Трудности дешифровки 19
Графическое строение тюркских рун 22
Направление письма и порядок строк 24
Алфавит и правила письма 25
О функциональном назначении тюркского рунического письма 27
О происхождении древнетюркского рунического алфавита 28
Тема IV: Ареалы распространения, типы, виды и жанры памятников древнетюркского рунического письма, исторические рамки их создания 33
География древнетюркских рунических памятников 33
Открытие памятников на Енисее 15
Типы и виды древнетюркских рунических памятников 40
Эпиграфика 41
Рукописи 48
О датировании памятников тюркской руники 51
Тема V: Палеография орхоно-енисейского тюркского рунического письма 55
Тема VI: Рунические памятники Тюркского каганата 67
Характеристика эпиграфических памятников Тюркского каганата 67
Памятник в честь Тоньюкука 71
Часть 1: Борьба за возрождение тюркского каганата 73
Зачины к частям 2, 4, 5 в надписи Тоньюкука 86
Часть 4: Поход против кыркызов 87
Часть 7: Итоги царствования Ильтериш-кагана 97
Часть 8: ВоцарениеКапаган-кагана 99
Часть 9: Заключительная 103
Тема VII: Содержание и историческое значение основных орхонских памятников 105
Памятники в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана 105
О мемориале Кюль-тегина 107
Авторство надписей 108

О мемориале Бильге-кагана 109
Основа композиции и общее содержание надписей КТ и БК 109
Очередность и последовательность частей надписей КТ и БК .. 111
Структура содержания надписей КТ и БК 112
I часть: КТ В, строки 1-4 (БК В, 2-5) 113
II часть: КТ В, строки 4-10 (БК В, 5-9) 119
III часть: КТ В, строки 10-16 (БК В, 9-14) 121
IV часть: КТ В, строки 16-20 (БК В, 14-20) 123
V часть: КТ В, строки 25-30 (БК В, 20-24) 124
VI часть: КТ 30-53 (В 30-40, С 1-13)..... 126
VII часть: "Малая надпись", КТ 54-66 (КТ Ю, 1-13) 131
Приписки к основному тексту надписи КТ 137
Поход тюрков против кыркызов по данным КТ и БК 139
Битва тюрков с азами по данным КТ и БК 144
Тема VIII: Содержание и историческое значение основных руни-ческих памятников уйгурского каганата 147
Руническая эпиграфика Уйгурского каганата 147
Селенгинская и Терхинская надписи в честь Моян-чора 150
Становление Уйгурского каганата, борьба против тюрков 150
Другие войны уйгуров, вступление на престол Моян-чора 158
Междуусобные войны огузов 161
Войны с чиками и кыркызами 165
Тема IX: Типы енисейских памятников 173
Енисейские памятники, их виды и типы 173
Наскальные надписи 174
Надписи на предметах 176
Надписи на камнях 178
Типы тамговых знаков в надписях Хакасии и Тувы 182
Типовое содержание эпитафий 185
Тема X: Рунические надписи с территории современной Хакасии ..191
Разбор надписи Е-25 191
Разбор надписи Е-48 198
Разбор надписи Е-27 203
Разбор надписей Е-28 и Е-29 207
Тексты енисейских эпитафий как вид литературы 217
Тема XI: Рунические надписи с территории современной Тувы 219
Распределение надписей Тувы на группы по форме тамг 219
Надписи западной части Верхнеенисейской котловины 219
Разбор надписи Е-17 (Чаа-Холь V) 222
Разбор надписи Е-17 (Чаа-Холь V) 222
Разбор надписи Е-22 (Чаа-Холь X) 225
Разбор надписи Е-23 (Чаа-Холь XI) 226

Разбор надписи Е-49 (Бай-Булун II) 228
Разбор надписи Е-1 (Уюк-Тарлак) 233
Разбор надписи Е-14 (Чаа-Холь II) 237
Разбор надписи Е-45 (Кёжээлиг-Хову) 239
Разбор надписи Е-7 (Барык III) 248
Разбор надписи Е-147 (Ээрбек I) 250
Разбор надписи Е-2 (Уюк-Аржан) 252
Тема XII: Основные черты грамматики языка орхоно-енисейских памятников 257
Фонетика 257
Гласные 257
Согласные 261
Сингармонизм 263
Морфология 272
Имя существительное 273
Категория числа 273
Категория принадлежности 274
Категория падежа 276
Формы и значения падежей 277
Глагол 283
Категория наклонения 285
Изъявительное наклонение 285
Категория времени 288
Аналитические формы времен 293
Повелительно-желательное наклонение 294
Условная форма на *-capI-cep* 296
Сослагательное наклонение 299
Определительные глагольные формы (причастия) 300
Глагольные имена действия 304
Деепричастия 308
Способы действия 313
Прилагательное 315
Наречие 317
Приложение: Словарь 319
Оглавление 334